

Іеронимъ Анонимъ.

Томъ І.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Л Ъ В О В Ъ.

Изданіе „Академическаго Кружка.“

1 8 8 2.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ ОБЩ. „АКАДЕМИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ“.

Геронимъ Анонимъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Томъ I.

ЛВОВЪ.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института,
подъ управленіемъ Стефана Гучковскаго.

1882.

ВЪ ПАМЯТЬ

ДЕСЯТЬЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ОСНОВАНІЯ

общества русскихъ студентовъ

„Академическій Кружокъ“

ВЪ ЛЬВОВѢ.

(1871—1881).

Много у насъ пишутъ и говорятъ объ успѣхахъ сдѣланныхъ въ послѣдныя времена на поприщѣ возбужденія русско-народной жизни въ Галичинѣ. Мы далеки отъ пессимизма, признаемъ, что много, очень много смѣнилось въ лучшее, но не лзя замолчать, что надежды, оживлявшія первыхъ поборниковъ святой нашей sprawy, еще далеко не осуществлены. Правда, интеллигенція наша, съ изъятіемъ людей запродавшихъ свое народное достоинство не стыдится теперь роднаго слова, но чи стается она тѣмъ самымъ русскою? Нѣтъ! Только рѣчь у нея русская, а мысли, чувства, идеалы — чужды!

Познавати свой народъ учатся у насъ изъ Крашевскихъ, Захарьясевичевъ, Сахеръ-Масоховъ и проч. — не позоръ ли то? Не отдаляетъ ли насъ тое чѣмъ разъ болѣе отъ того народа, который одинъ сумѣлъ сохранить всѣ памятники великой минувшести?

Крайная отже потреба ширенья родной беллетристики, которая могла бы освободити насъ отъ чужихъ, такъ вредныхъ произведеній — наглядна. Тожъ думаемъ, что не могли мы почтити десятилѣтней годовщины

основанія „Академическаго Кружка“ полезнѣйшимъ отечеству дѣломъ, какъ изданіемъ повѣстей самаго лучшаго нашего новелиста.

Теперь, передаемъ ихъ Вамъ Отцы наши, которые учили насъ любви къ всему родному, да будетъ тое для Васъ доказомъ, что труды Вашіи не были безуспѣшными; передаемъ ихъ Вамъ русскіи красавицы, изъ нихъ увѣдаете, что и родное слово въ состояніи поднести духа, загрѣти сердце; наконецъ, передаемъ ихъ и Вамъ юныи русскіи братья, крѣпятся родною мыслью, бо поприще для Вашей будущей дѣятельности великое!

Съ вѣрою напередъ!

ШИВЕНИЧНЫЙ ВЕРХЪ.

Повѣсть по народному преданію и различнымъ запискамъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ты навѣрно, любезнѣйшій читатель, не посѣтилъ под-
бескидскихъ странъ. Не дивуюсь тому, ибо, если бы та
закутина русской земли отличалась изящною красотою
природы или необыкновеннымъ явленіемъ физическимъ,
навѣрно не укрылась бы она предъ пристрастнымъ любо-
пытствомъ сплиноватого Англичанина — и ты, читая па-
негирикъ въ заграничныхъ часописяхъ, не выдержалъ бы,
чтобы съ чужинцами не отдати признательность природою
украшенной землѣ русской. Но на несчастье, такъ не есть.

Нужденная Лемковщина не имѣетъ ничего, чѣмъ бы
могла принадлежи къ себѣ якого туриста; окрестность всяда
стереотипна, гора и лѣсъ, лѣсъ и гора, а одна и другая
однообразны. И села, между ними положенныя, почти ни-
чѣмъ не различаются. Всяда тѣ же хаты однообразныя,
тягнушіяся вздолжь потока, всяда церковца деревяна,
съ трема червонными куполами, одна управа полева, овесь
рѣдонскій, картофля низенькая, луги скупенькія... Понима-
ешь, что переходити подобную страну одному — страшно
скучится, и что мнѣ пріятный былъ бы товарищъ въ до-
розѣ. Прото не вмѣни мнѣ во зло, если я тебе, любезнѣй-
шій читатель, умильно въ сопутники приглашаю. Не нужно
тебѣ журитись надъ стратою времени и грошей, ибо я,
яко повѣстеписатель, владѣю другимъ средствомъ движенія,
чѣмъ суть локомотивы или дилижансы. Употребляя того

средства, не наживешия той невыгоды личной, якою надѣляется желѣзная дорога своихъ пассажировъ, ни не будешь ползати слизачимъ ходомъ, свойственнымъ нашимъ дилижансамъ, за что еще нуженъ — „экстра-трингельдъ“, я бо движусь изъ одного мѣстца въ другое на крылахъ фантази, скорше, чѣмъ летомъ молніи, а свободнѣйше, чѣмъ летомъ орла...

Движись со мною!

Прежде чѣмъ возмогъ ты надуматись, уже ты опустили подольскіи болота и находишься далеко на западѣ Галичины, даже и за мрачнымъ Бескидомъ. Если можешь окомъ похитити надписи придорожныхъ таблицъ, то увидиши, что находишься въ блаженномъ Мадярь-Орсагѣ. Но не печались, что зашелъ ты въ самую глубину гордыхъ потомковъ Арпада, — то вздоръ! Вотъ, хотя, примѣромъ, на таблицѣ написано *Sarpatak*,*) то можешь быть увѣренъ, что селеніе то называется отъ вѣковъ Мокролугъ, а жители его суть Словаки — „якъ рѣпа“. Правда, они говорятъ не множо неблагозвучнымъ шарришскимъ жаргономъ, но все-таки не понимаютъ мадарской рѣчи — нарвнѣ съ тобою и со мною. Но мы въ летѣ фантастическомъ не одерживаемся на тѣхъ мелочныхъ объявахъ мадарской арроганци, а въ другъ стаемъ подъ мрачнымъ Бескидомъ, и то подъ найвышимъ выростомъ его въ той сторонѣ, подъ горою „Лацкова“. Круглый верхъ ея господствуетъ по-надъ всѣ селенія окрестныи, казалъ бы ты — она стоитъ на стражѣ между двумя свѣтами, между славянскимъ и гунскимъ, но съ одной и другой стороны прижимаются русскіи села къ ней, казалъ бы ты — просятъ у ней,

---

*) чти: Шарпатакъ.

чтобы не раздѣляла людей одной вѣры и народности, которыхъ политическіи границы отчужили...

Щитъ горы ослоненъ мракомъ. Словакъ изъ Габолтова или Русинъ изъ Фрички не доволенъ такимъ явленіемъ. „Не надѣйся на погоду — когда избянская тета люльку курить“ — говорятъ о горѣ Лацковой. Гора та стремниста, выходъ на ню невыгодный, но мы въ фантастическомъ летѣ находимся безъ всякаго утомленія на ея верху. Сожалѣю, что я тебе, любезнѣйшій читатель, туда повелъ, ибо по истинѣ — видъ изъ той горы — не стоитъ выхода на нее. Изъ ней увидишь только безконечную цѣпь горъ, которыя крыють между собою селенія, а дальшую окрестность дѣлають невидимою, — едва бѣлая церковца села Блихнарки и нѣсколько хатъ угорско-русского села Пѣтровой выскользнулось изъ-подъ ихъ ослоны. Только одно сельце, Бѣлична, простирающееся у сѣверного подножья Лацковой, представляется твоему взору въ цѣлости. Если обратимъ наши очи въ западно-сѣверномъ направленіи, увидимъ червонныя куполы церкви и нѣсколько соломяныхъ крышей. То село Избы. Спустившись съ горы, встрѣчаемъ въ западной сторонѣ той же мѣсто, значно возвышенное по-надъ уровень долины, обмеженное заросшимъ уже рвомъ, въ видѣ эллиптической звѣзды. То, повидимому, не дѣло природы, а дѣло рукъ человѣческихъ, — то таборъ когда-то барскихъ конфедератовъ. Нынѣ ореть то мѣсто спокойно юноша, одѣтый въ короткій сѣракъ особенного кроя и накрытый капелюхомъ съ такъ широкими крысами, что изъ-подъ нихъ не возможно лица узнати. — та только дымъ, вертящійся изъ-подъ капелюха, велить заключати, что подъ нимъ мѣстится люлька и необходимый къ ней — ротъ съ головою. Въ близи сидитъ старикъ въ шапцѣ съ чернымъ бараньимъ

оболишеомъ, изъ-подъ котораго длинный сивый волосъ на рамена падаетъ и, хотя весеннее солнце лагоднымъ тепломъ землю надѣлило, таки старикъ тотъ обвинулся ерѣико въ сѣрую „чугу“, чтобы огрѣти старыя застуденѣлыя кости... Онъ слѣдитъ внимательно каждую борозду, сдѣланную плугомъ, — не выорываются ли гроши, повѣренныя по преданію землѣ когда-то конфедератами... Покинъ пустую надежду, бѣдный старикъ! Если конфедераты съумѣли гроши сбити, то — повѣрь мнѣ — съумѣли они ихъ такожь хорошо скрыти, иначе не имѣли бы средствъ, росѣявшись позже въ мірѣ, роскошью высшею французской пышности проуказыватись... Если же когда случилось, что невинный плугъ выкинулъ изъ святой земли заржавѣлую подкову, или мѣдный грошъ съ подобіемъ послѣдняго щеголоватаго короля, — повѣрь мнѣ: то все, что оставили вамъ конфедераты въ заплату за столько понесенныхъ вами обидъ и пониженій... Лучше сдѣлай мнѣ милость и розскажи, сколько тебѣ извѣстно о пребываніи тѣхъ непрошанныхъ гостей въ здѣшной окрестности.

И пергаментное лице стараго Лемка оживилось немножко, чело помрачилось, очи же мелькнули враждебнымъ огнемъ. И началъ онъ мнѣ розсказывать факты, со ссылкою на свидѣтельства очевидцевъ, на родителей и сосѣдей, которые передъ 30 или 40 годами въ глубокой старости померли.

Послѣдствіемъ того розказа есть, что я тебѣ, дружескій читатель, все то опять розсказать намѣренъ — въ замѣнъ за твою терпеливость, съ которою ты мене по благодарныхъ горахъ Лемковщины сопровождалъ. Но прежде чѣмъ то сбудется, считаю необходимымъ, для дополненія моей повѣсти, посѣтити церковь въ Избахъ.

Подай мнѣ твою теплую руку, — мнѣ такъ не хочется съ тобою разлучиться... Ходи со мною!

Слѣдуя за поточкомъ, истекающимъ въ Бескидѣ, въ западной сторонѣ Лацковой, зайдемъ впродъ въ село Избы. Середь него красуется церковь, принадлежащая нынѣ еъ старшимъ сей окрестности, ибо еще въ 1755 году созданная. Внѣшность ея — то зданіе крестообразное, въ верху котораго пять круглыхъ куполовъ стремятъ. Во внутри церковь та, хотя обновлена въ недавнихъ временахъ, носитъ на себѣ печать древности, надѣляющей насъ яко-то сродною уютною тишиною, которая насъ къ богоговѣнію мимовольно влечетъ. Въ каплицѣ по правой сторонѣ находится икона Покрова Пресвятой Богородицы. Въ обществѣ святыхъ угодниковъ божихъ возносится Царица небесъ съ вознесенными руками въ небо, но очи ея сочувственно обращены на ту нужденную землю, изъ которой громада несчастныхъ людей (а среди нихъ и тогдашній пресвитеръ избянскій, о. Іоаннъ Ропскій, вмѣстѣ со своею супругою) призываютъ покрову непогрѣшимой Заступницы... На противоположной стѣнѣ изображена гора Лацкова съ лагеромъ конфедератовъ.

Но понеже неумолимое время, а больше грубая одежда Лемковъ-стариковъ, опирающихся во время богослуженія о стѣну, обтерли краски, то съ трудностью приходитъ розпознати способъ одѣянія и занятіе тѣхъ освободителей ойчизны. На той же самой стѣнѣ начертано лице мужчины — настояще польской фізіогноміи, съ шапкою (такъ званною „баторовкою“), держащего въ руцѣ пальмовую вѣтвь. Надпись — Św. Kazimiérz — объясняетъ намъ вправдѣ достовѣрно, кого тотъ образъ представляетъ, но простый народъ, а даже и одинъ польскій писатель увѣ-

рены, что то портреть Казимира Пулавского, извѣстнаго маршалка конфедераціи ломжинской. По чьей сторонѣ правда, най археологи розсудятъ, ибо въ то скромному повѣстеписателю не мѣшались.

За иконостасомъ принадной скрутуры мѣстится престолъ — не греческій и не римскій, а такъ по половинѣ изъ каждаго. Живая то характеристика среднихъ временъ уніи. Престолъ сей посвященъ лично Іоанномъ Малаховскимъ, унитескимъ владыкою перемышльскимъ, во время его скитальчества въ Лемковщинѣ, а вѣроятно во время его долшого пребыванія въ Брунарахъ. Кромѣ окрестности ярославльской, былъ нынѣшній мушинскій деканатъ дѣйствительною епархіею сего епископа, такъ якъ въ столовыхъ помѣстьяхъ бискуповъ краковскихъ не возможно было Русинамъ остаться православными. Пресвитерія цѣлая, такожъ и выше описанная каплица Покрова пресв. Богородицы, украшена издержками Пулавского. Въ ризохранительницѣ можно видѣти портреть Іоанна Шавинского, приходника мѣстнаго во время хозяйничанія конфедератовъ въ Избахъ.

Узрѣвши собственными очами все, что мнѣ знати было нужно, благодарю тебе, любезный читатель, за пріятность твоего сопровожденія въ скучныхъ моихъ проискахъ. Прощай, до свиданія, — по — нѣтъ ; закѣмъ розстанемся, еще одно достойное вниманія укажу тебѣ. Оглянись по-за себе. Вотъ тамъ за водою противъ церкви возносится холмъ, но не зеленый онъ, ибо отъ якого-то времени трава не растетъ тамъ почти, — мовь бы за слѣдомъ лихого челоуѣка, изъ-рѣдка только увидишь тамъ недорослый яловець, который такъ и приклонился къ земли, казалъ бы ты — соремится, что родился на томъ мѣстѣ. Тотъ холмъ называется нынѣ: **Шибеничный вершокъ.**

ЧАСТЬ I.

I.

Такой погодной и теплой осени, якая была 1768 года, не такъ скоро люди опять дождутся. На темно-синемъ небѣ не нашлась малѣйшая хмарка, ни малѣйшій вѣтрецъ не остужалъ лучей ясного солнца, которое вправдѣ не парило, якъ въ Петровцѣ, но мѣрнымъ и пріятнымъ теплою обняло вселенную, такъ, что казалось людямъ, что вторая весна въ одномъ году настала... Горы красовались не пожелтѣлою краскою, а дѣвическою зеленостію; деревина пріодѣта была еще въ густой листь, птицы не заботились еще о предстоящей имъ дорожѣ за далекое море, а веселымъ цвѣркотаньемъ, чирликаньемъ или перекликомъ дразнились взаимно, даже иногда необыкновенны въ томъ времени комари и мушки дерзкимъ летомъ и монотоннымъ жужжаніемъ проявляли овое удовольствіе.

И толпа людей, тиснувшихся изъ церкви Солотвинской, подобна была рою пчелъ, вылетѣвшему, по долгомъ зимовомъ уединеніи, на свободный воздухъ, на теплое солнце. Богослуженіе сего дня было долгое, ибо нынѣ праздникъ Покрова Пресв. Дѣвы, а вмѣстѣ годовый храмовый праздникъ въ Солотвинахъ. Гаморъ, якій теперъ на церковной площади повсталъ, дастъ

извинитися у того, кто на храмъ вмѣшался между простонародіе. Тутъ старшіи цѣлуются съ посторонними гостями и приглашаютъ ихъ въ домъ свой на хлѣбъ-соль, — нерѣдко видно и такого посторонниого, которого двухъ мѣстцевыхъ газдовъ тягнуть за рукавы отъ »чуги«, но въ діаметрально-противоположномъ направленіи, каждый къ себѣ, пока гость торжественнымъ общаніемъ, что одного кума посѣтитъ передъ вечернею, а другого по вечерни, не залагодить того спора и не спасетъ своихъ рукавовъ отъ подѣла... Тамъ стройныи паробки въ вызываючо-натисненныхъ на ухо капелюхахъ, оперезаны широкими ремнями, приукрашенными обыльно блестящими пряжками и пуговками, съ самодовольствіемъ подивляютъ свой полный ростъ и свои блестящи чоботы, а когда до сыта налюбовались тѣмъ одностайнымъ занятіемъ, тогда начинаютъ между собою оживленный разговоръ. Даже о содержаніи ихъ бесѣды можно безъ нарушенія правилъ любопытства довѣдаться, если только внемлетя ихъ взорамъ и усмѣшкамъ, якіи они безпрестанно въ одну сторону площади бросаютъ. Чемужъ такъ? Эхъ... Тамъ сбились въ одну громадку дѣвчата — прекрасный цвѣтъ солотвинскій, — убранны въ бѣлыи райнтухи, гафтованныи запаски, въ червоныи корсеты, разноцвѣтныи »кабаты«, въ желтыи чоботы на высокихъ подковкахъ, безо всякаго особеннаго убора на головѣ, чтобы тѣмъ привлекательнѣйше »русая коса«, переплетенная разноцвѣтными лентами, отъ ихъ лица отбивалася. Они исповѣдались взаимно изъ думокъ и наблюданій, якіи во время долгого богослуженія сквозь ихъ молодыи головки съ искуша-

ющимъ усмѣхомъ перелѣтали... Была ли та исповѣдь искреннею — не знаю, то однако знаю, что дѣвчата не хотятъ вправдѣ сами тайну своего сердца изъяснить, но весьма рады тому, если кто другій тую тайну отгадаетъ...

— Где наши мамы затряслись, што такъ довго на нихъ ждати мусиме? — сказала высокая чернобровка, оглядаясь до-окола.

— Тобѣ не о маму ходить, Гафія, — исправила невеличкая красавица, на первый поглядъ найкрасшая изо всѣхъ, — бо знашь, што она не дитина, не страгитя, а о то, жебысь при озираньюся за мамовъ зиркнула и на твоего Матвѣя...

Цѣлая громадка захохотала полу-голоснымъ смѣхомъ. Гафія нахмурила черныя брови.

— Яка съ тебе свята, Фенцю! — казала она полу-гнѣвна и на полъ съ насмѣшкою, — ледво осхло тобѣ молоко пѣдъ ....., а южъ лѣташь очами тамъ-тады, кады не все годится! А кобы я могла зазрѣти въ твое сердце, то бымы гнетъ дѣзналась, кто тамъ загнѣздився...

Феся, хотя заплонѣла немножко, однакожь приняла видъ равнодушный.

— Кедь сгадашь, што крѣмъ моего няня (отца) есть ищи кто иншій, то прійму на ся яку-будь кару, хоцбымы днесь и танцѣвати не мала, але, якъ ми того не доведешь, то ты за кару отлюблю Матвѣя, а ми ся видить, же я гѣдна ти то-то на прекѣръ зрѣбити...

И при томъ выкрутилась она на пальцахъ, ударила подковками и завернула кокетничю головою, мовь

бы хотѣла тѣмъ показати своей подружцѣ, что она въ силѣ быти для ней опасною соперницею...

— Пристаю на то-то, — отвѣтила Гафія весело, — я за Матвѣя не боюсь, бо ѡнъ бѣдачиско пропадать за мновь, якъ увця за пахнячимъ сѣномъ...

— Вартатъ спрѡбовати, а пакъ (послѣ) будеме видѣти, — перервала тутъ Фенця, поставившись въ вызывающей позиціи.

— Не прерывай! гнѣвается Гафія, — бо ту иде о тебе, а васъ дѣвчата беру за свѣдкѡвъ нашего укладу.

— Слухаме, — подтвердили всѣ дѣвчата одногласно.

— Чи видѣли вы въ церкви того высокого паробка, въ синѣмъ брушляку (Brustlatz? родъ камизоля), червонѡмъ ремени, въ чузѣ (опанча съ френзлями у рукавовъ и пелерины), перевѣшенѡй кусъ набакеръ, што стоявъ недалеко отъ крылоса?

— Видѣли, видѣли! Но кто ѡнъ? Откаль ѡнъ? ѡнъ не съ сосѣднихъ селъ! — вопрошали себе взаимно дѣвчата.

— А ты, Фенцю, видѣла его? — продолжала Гафія, обернувшись къ ней.

— Нѣ, я его не видѣла, — отвѣтила та несмѣло. Небога, не научилась еще лгати, а тутъ отпертись было нужно...

— Не видѣла?.. Якъ можъ было не видѣти, коли ты разъ-въ-разъ къ крылосови оберталася?

— Кедъ я ся къ крылосови свертала, то лемъ прото, жебы.... жебы лѣпше нуту дякову споняти и пѡдтягнути!..

На такое наивное извиненіе всѣ дѣвчата въ голосъ розсмѣялись.

— Чого тобѣ таитися, Фенцю? — скалала Феврося, ея найтѣснѣйшая подружка, — тажъ то не стыдъ, якъ ся намъ краснѣйшій хлопецъ подобать!

— Та бо я его не видѣла, и онъ ся ми не подобать, — оттяла гнѣвно Феся.

— Якъ же знашь, же ся ти не подобать, кедъ есь го не видѣла? А то ся сдрадила! засмѣялись дѣвчата...

Феся проклинала въ душѣ свою небрежность. — а помѣшательство ея отразилось на ея покраснѣломъ личеньку.

— Едно южь знамъ, — але друге може не знате, што тотъ паробокъ такъ зачудовався въ церкви на Фесю, же подчасъ »Вѣрую« хотѣвъ до причастія иди, — примѣтила неумолимая Гафія.

— А чи я бороню кому на мене дивитися? — отгрызалась Феся. — А кедъ тотъ паробокъ смотрѣвъ, то видне, же мае лѣпшій розумъ и очи въ головѣ, не такъ, якъ твоѣй Матвѣѣ, або твоѣй Семень, твоѣй, Фенцю, Гнатъ...

Такое простое превозношеніе собственной красоты надъ красоту своихъ подружекъ, а съ другой стороны отличеніе незнакомца надъ ихъ избранныхъ любимцевъ, — огорчило, конечно, всѣ дѣвчата. Они уже перестали женоватись стоящихъ недалеко паробковъ, а голосно выговоривали Фесѣ ея безвзглядность.

Но не порицаніе подружекъ было причиною, что Феся рѣчь свою нечаянно урвала и сама поблѣда, а се тому, что, обернувшись въ жарѣ бесѣды до

каждой поименно подружки, узрѣла тамъ неподале отъ того незнакомаго молодца, который, опертый о стѣну плота церковнаго, съ заложеными руками неподвижно въ нее вдивлялся... Она по трепетаніи своего сердца замѣтила, что взоръ его въ грудь ея глубоко ввертѣлся...

— Эхъ, чого намъ ту надъ паробками свариться? — старалась Фесея теперь неудовольствіе дѣвчатъ усмирить, а предовсѣмъ свое взволнованіе скрыти; — всѣ не вартають одной горсти клакѡвъ, а не то, жебы ними собѣ голову завертати! Подме далѣ, на злѡсть вшиткимъ Матвѣямъ, Фецамъ, Гнатамъ и якъ ихъ тамъ дальше люди окрестили, жебы не могли на насъ смотрѣти!

И такъ сталося. Вся чередка »бѣлыхъ гусятъ« вышпалася по-за церковную площадь въ направленіи домой, но ни одна изъ нихъ не залишила кинути незамѣтно окомъ тамъ, гдѣ кого-то любимого увидѣти надѣялася... Лишь одной Фесѣ не достало отваги, подняти оченята свои въ извѣстную сторону...

И опять поднесся живой розговоръ, придарки и хохоть. Счастливая молодежь!

Помалу начали люди расходиться. Каждый газда и газдыня вели нѣсколько знакомыхъ изъ среды зашедшихъ сторонскихъ гостей. Нужно было и поодинокимъ дѣвчатамъ отъ своихъ ровесничекъ отдѣлаться и вмѣстѣ съ родителями идти домой. И паробки разбрелись; осталася лишь Фесея и Феврося, въ ожиданіи своего отца и теты, которые гдѣ-то коло церкви застрягли, — бо то не легко было Ивану Сметанѣ, солтысу солотвинскому, нынѣ въ праздникъ храмовый

изъ церкви домой выбратись. Онъ почислилъ почти всѣхъ постороннихъ — и мало которого изъ нихъ нашель, который не былъ бы ему или сродникъ, или свать, кумъ, или знакомый; — съ тѣмъ былось на крестинахъ, съ тамъ-тѣмъ на весельи, отъ того купилось коня, тамъ-тотъ такъ добрый, что взялъ его въ дорозѣ изъ ярмарки на свой возъ и прч. И якъ же не пригласити ихъ въ свой домъ, когда Богъ далъ и мѣстца въ хатѣ — гостя посадити, и хлѣба — его погостити? А когда одного пригласить и идетъ за другимъ, гдѣ-то возьметса сосѣдъ, отмовитъ гостя — и Иванъ, прилучивши новаго кума къ толпѣ свербо-ванныхъ, видить, что двоухъ-трехъ гостей гдѣ-то исче-зло! И сновъ бѣгай за убѣгшими и реквизируй ихъ отъ сосѣдей, яко свою собственность, — и опять супе-речка, прошенія, шутки, сварня, гнѣвъ, смѣхъ, га-морь — вся сумѣшь!

При такихъ обстоятельствахъ, не мога дожидатись своего отца, Фесея съ Февросею вертали поволи домой.

— Смоле (смотри), — замѣтила Феврося — онъ-де, не познаешь того дѣда? Откаль онъ днесъ ту?

— Видится ми — то Андрѣй Ванько, ворожбитъ съ Избѣ, — дополнила Фесея, — тотъ самъ, што братъ въ лони (мин. года) на весельи въ Мохначѣ!

Истинно — дѣдъ, который на горбочку близко дороги на солнцѣ грѣлся, не былъ кто другій, лишь тотъ, за которого Фесея его признала. Въ его лицѣ обнаружилось что-то весьма привлекательное, мирное, но по временамъ нечаянно чело нахмурилось, очи необыкновеннымъ жаромъ запалали, борода взѣрошилась и тогда лачно становилось смотрити на него. Но то

состояніе не было долгое; опять по грозѣ слѣдовала тихая погода, лице розъяснялось, очи заиграли пусто-тою, а изъ усть сыпались остроумныи рѣчи, или шу-тливый пѣсни. Изрѣдка онъ являлся по-за свое родин-ное село — еслижь, при случаѣ якого праздника, посѣтилъ со своею скрипкою разъ на два года неда-лекии села, было то уже много. Но, мимо того, былъ онъ знакомымъ цѣлой окрестности, ибо слылъ слав-нымъ ворожитомъ, а къ такому, хотя бы тридцать миль въ округъ, темный народъ якъ на богомоліе стя-гается. Вправдѣ — дознавалъ онъ часто за то упо-менія и укоризны отъ своего душпастыря, но то не дѣлало на немъ желаемого успѣха; онъ всегда отвѣ-чалъ однаково:

— Будьте спокойны, панъ-отченьку, — моя во-рожба еще не оправдалась...

— Та чомъ же людей баламутишь? — реплико-валъ священникъ.

— Та чемужь люди такіи — глупыи? На дур-ного нѣтъ лѣка...

По такомъ отвѣтѣ, старый священникъ обыкно-венно махнулъ рукою — и на томъ кончилось.

Истинно ли ворожитства Андрѣя Ванька справ-дались, или нѣтъ — о томъ навѣрно не знаю, но ка-жется, что его привычка: бесѣдовати въ образахъ и подобіяхъ, якихъ му наблюданіе природы, внушало, когда онъ былъ еще овчаремъ, дала людямъ поводъ, считати его »необыкновеннымъ человекѣмъ«.

— Кобы ѡнъ намъ... замѣтила Феврося.

— Кобы ѡнъ намъ... повторила махинально Феся.

Ни одна изъ нихъ не имѣла отваги докончити

начатое положеніе, но въ очахъ ихъ горѣло желаніе: отклонити свою будущность...

Несмѣло приблизились они къ Андрѣю.

— Слава Иисусу Христу! Здрави-сте, дѣду?

— Слава во вѣки, — отвѣтилъ дѣдъ, — здравъ, якъ видите, коли ноги мя ищи ту занесли...

— Та витайте въ нашомъ селѣ, — сказала Феся, — коли-сте ту; розгоститесь межи людьми, и вамъ буде мило, и людямъ весело.

— Кому часъ веселитись, а кому плакати — замѣтилъ дѣдъ, — никто не вгадатъ найпередъ, чи по смѣху плачъ не настане, чи съ погѣдного неба грѣмъ не трѣсне, а блискавица молодую осіку по-вздовжъ не розлупить...

— Та бо вы, дѣду, зачали-сте при празднику вести таку бесѣду, яка о Федоровицѣ лемъ ма мѣстце — сказала Феврося; — лѣпше заспѣвайте да-што веселого, закѣмъ наши надѣйдуть, жебы душа розгрѣлася до днешнѣго танцю!

— Чи ты, дѣвусь, гадашь, што спѣвати такъ легко, якъ трѣски сбирати? То не такъ, якъ кому хочеса! Спѣванки — якъ дитина; ты выпестишь ю на рукахъ твоихъ, веселу и посмѣхливу, она же выходитъ на свѣтъ — смутна и плаксива, заведе такъ тужно, засвище такъ лячно, завые такъ странно, што и сдивуешся, чи то-то спѣванка твоего власного хову! И днесъ, дѣвчино, я не годенъ (не могу) сложити веселую пѣсню, выпѣвати ю дрѣбненько, — я не годенъ съ моихъ гуслей (скрипокъ) выдобити скочныи голоса, — я днесъ не до лица празднокови.

— Кедь же вамъ, дѣду, ни до спѣву, ни до танцю, то хоць намъ —

— Выворожете да-што — окончила Февроя.

На тотъ предлогъ Андрѣй потупилъ голову.

— Дѣтоньки мои — сказалъ онъ по хвили, — не знате, чога вамъ забагатся! На што вамъ знати, што завтрѣшній день въ собѣ крые? Чи не плакали бы-сте ищи днесь предъ танцемъ, коли бы-сте знали, же васъ завтра згрыза жде? Уживайте радости, покля смутку не знате, бо по першомъ смутку сердце пакъ и въ радости смаку не найде...

Когда обѣ дѣвчата, застыжены, потупили очи къ землѣ, дѣдъ поднесъ голову и неподвижно смотрѣлъ въ порожный воздухъ...

— Я вижу голубку, што но выфуркла съ гнѣзда на волю! Якъ она легко обнимать воздужъ, а своими крыльцями въ гору парить, мовъ стрѣла, а доломъ швидко, якъ оловяна куля... Якии она робить въ буйности своей молодецкой выкрутасы, якъ славно перевертатся на стрѣмголовъ! И не видитъ, необачна, якъ розбишака астрябъ стереже на еи сгубу! Южь хвативъ ю въ ненасытныи когти, кровь изъ сердца точить, мозогъ выпивае...

— Говь! говь! Андрѣю! Ты, бачу, дѣвчата менѣ баламутишь, — ворожишь имъ дурниці, же потѣмъ будутъ при куделяхъ о князяхъ снити! Мушу я на тебе право скликати, лемъ не въ Мушинѣ, а въ моей хижѣ! Не бойся, — даль чутись изъ по-за плечей дѣвчатъ голосъ веселый.

Когда дѣвчата перестрашены на тотъ, впрочемъ имъ знакомый голосъ обернулись, увидѣли нѣскольконадца-

теро людей, а на челѣ ихъ стоялъ человекъ може сорок-лѣтній, высокій и плечистый. Изъ его ясныхъ очей сіяла отвертость, на лицѣ отражалось добродушіе, а пріятный усмѣхъ, играющій коло усть, былъ доказомъ, что веселыи шутки не были ему чужими. Былъ то — Иванъ Сметана, солтысь солотвинскій, найбогатшій газда въ селѣ, отецъ знакомой уже намъ Фесѣ.

— Та дѣдъ намъ ничего не ворожили, няню! извинялась Феся.

— Ничого, вуйку, — подтвердила Феврося.

— Справдѣ? Треба вамъ вѣрити, — смѣялся Иванъ, — да пробачь, Андрѣю, жемъ ты на-дармо посудивъ, а на перепросины прошу тебе, жебысь съ честными людьми допомогъ мою хижу заповнити, мѣстце засидѣти и хлѣба божого вкусити... Слава Исусу Христу! Андрѣю, чи чуешь?

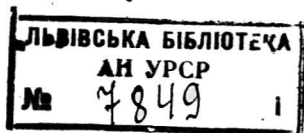
— Слава во вѣки! отвѣтилъ ворожитъ, мовь бы изъ тяжкой задумы проснулся...

— Ну, та вставай же! Горѣлицѣ ты не радъ, то для тебе найдеса тыличске пиво! Правда, ледаче оно, якъ мушинске право, но штожь робити? Якъ не ма съ кѣмъ, то треба и съ рѣпсковь танечницевь при чертизнянськѣмъ гудаку (музыкантѣ) танцѣвати!

— Иншимъ часомъ я тя, Иване, посѣщу, а днесь ми не е до вдяки...

— На иншій часъ откладашь? спросилъ Иванъ, покепкуючи, — а забывъ ты о томъ, што лемъ сырѣ откладаный добрый?

— Тобѣ всегда жарты, Иване, а менѣ днесь не до смѣху; ми ся привиджуе, якъ бы я надъ кождымъ кускомъ хлѣба твого плакати мусѣвъ...

— То бысь такъ робивъ, якъ не люди! Я плачу надъ хлѣбомъ, коли на него працюю, а якъ его ѣмъ, тогды ми радушно коло сердца... Чи не такъ, панове громада?

— Такъ, — подтвердили всѣ гости Сметаны.

— Ну, да подмежь, (пойдемъ-те), будьте ласкавы, въ мою хижу, а ты Андрѣю, настрѣй свои гусли на тоту нуту, котру-сь на моемъ веселью моей небѣжцѣ пригрававъ...

Послѣдніи слова вымовилъ Иванъ якъ-то тише; видно — одно только было въ состояніи его веселость возмутити, а то — восминка о женѣ.

Уже забирались всѣ къ отходу — и Андрѣй поднеся уже изъ земли, когда еще одно христіанское поздравленіе задержало всѣхъ. Новый пришелець — былъ то рослый, молодой хлопъ. Изъ лица и по одежѣ точно такъ выглядалъ, якъ тотъ незнакомый паробокъ, которымъ всѣ дѣвчата солотвинскіи такъ заинтересовались, что по богослуженіи только о немъ одномъ рѣчь велась.

Едва Андрѣй Ванько узрѣлъ пришельца, обратился къ нему съ выразомъ искренней любви на лицѣ.

— Хвалити Бога, што ты тутъ, Яцку; прецѣжь ты разъ вижу!

— Та бо и я зачувъ отъ людей, што вы тутъ, вуйку, на праздникъ зашли, та про то и я завернувъ тутъ, жебы съ вами видѣтись, — отвѣтилъ паробокъ.

Изъ сего короткого розговора познали собраннии, яке отношеніе заходило между Андрѣемъ Ванькомъ а незнакомымъ паробкомъ.

— Га, коли Богъ намъ допустивъ кривняка Ан-

дрѣвевого пѣзнати, — вмѣшался Иванъ Сметана, — та вчиньтесь и вы Яцку, такъ добрѣ, и прилучтєся со своимъ вуйкомъ до моихъ гостей!

— Яцко Бреянь (такъ назывался пришелець по своему отцѣ) не выпрашивался отъ запросинь, якъ его вуйко. Не было ли тому причиною — бѣлое личко Феси, которое изъ-за плечей Ивана Сметаны стыдливо сіяло?... Ой, навѣрно, что такъ... Который паробокъ ея личенко узрѣлъ, тотъ залюбился уже страстно въ ней, который увидѣлъ усмѣхъ ея коралевыхъ усточокъ, тотъ сталъ зачарованнымъ, а который заглянулъ глубоко въ ея темныя очи, тотъ, якъ кажутъ, утопился на вѣки..

Когда Иванъ Сметана велъ своихъ гостей до себе въ гостину, Андрѣй Ванько пріостался со своимъ сестрѣнцемъ немножко за ними.

— Чи староста мушинскій увѣльнивь южь тебе изъ службы? — спросилъ Андрѣй своего родняка.

— Та южь, хвалити Бога, — отвѣтилъ Яцко, — скѣнчилась для мене панска ласка, — бодай учтивому чоловѣкови и не снилась...

— Но, тожь то утѣшитєся твоя стара мати, же разъ повернешь на ѳтцѣвщину! А по-правдѣ, треба было тя тамъ давно! Поле спѣстѣло, хижа валитєся, — изъ статку ни... хвоста, а твоя мати лемъ тымъ жїе, што у людей выпроситъ, бо руки ея южь не до работы, а до жебранья...

Яцку только слеза жалоу заблысла въ очахъ...

— Утѣшитєся же, утѣшитєся, — сказалъ дальше Андрѣй, — тай ничего сволѣкати; вернеме ище днесъ до Избѣ, жебы чѣмъ скорше увидѣла тебе! Бѣдному не тра съ приносомъ потѣхи сволѣкати...

— То и я гадаю днесь до Избь вернуть, но не съ вами, примѣтилъ Яцко, — бо староста приказавъ ми ту въ Солотвинахъ ждати на двоухъ конфедератѣвъ, жебымъ ихъ до Избь запровадивъ.

— А што-то за люди, то-тѣ »конфедераки?« спросилъ Андрѣй.

— Богъ ихъ святой зна, а я не знамъ! Бесѣдуютъ, же конфедераты вѣну съ королемъ ведутъ, та и хтятъ въ Избахъ свѣй обѣзъ заложити, — такъ ми гваривъ локай старостѣвъ, што ихъ розмову пѣдслухавъ.

— Не на добре заносится, — кончилъ Андрѣй, киваючи головою; — якъ панове бьются, то на хлопѣ змелеса, кажутъ люди. Най Богъ отверне отъ насъ нужду...

II.

Если бы кто въ поздний вечеръ того дня шель дорогою, ведущею изъ Солотвинъ въ Крыницу, стрѣтился бы съ двома вѣздоками, — но такъ якъ въ Солотвинахъ нынѣ праздникъ, на который каждая дитина въ селѣ радовалась, каждый паробокъ и дѣвчина поги себѣ готовили, каждый господарь и газдыня бремя цѣлорочной печали со смѣтѣемъ выбросити надѣялись: то реченныи вѣздки были въ сумрацѣ самотными. Конн влеклись утомленно подъ ними и, вопреки частыхъ ударовъ шкуруянымъ нагаемъ, не дали намовитись къ скорому шагу...

— Чи спишь, Якубе? перерываль долшее молчаніе вѣздки изъ правой стороны, которого конь казался

лучшей крови, ибо вырывался о полъ шага впередъ.

— Нѣтъ, пане ротмистръ, — отозвался второй.

— Оставь ротмистра на сторонѣ, а бесѣдуй о чемъ. Выглядаешь теперь, якъ бы Репнинъ твою губу на колодку замкнулъ, или ясная рѣчпосполитая на твой говорливый языкъ дань наложила...

— Въ сумеркахъ, пане Владиславе, я не радо говорю, а еще въ лѣсѣ, черезъ который намъ сейчасъ ѣхати прійдетъ, якъ намъ староста мушинскій говорилъ.

— Та чегожь намъ лѣса бояться, намъ, рыцарямъ, сконфедерованнымъ на оборону ойчизны, когда имѣемъ довольно оружія, смѣлости и силы — до кротъ сотъ тысячей д...!

— Ради Бога, не вымавлийте имени того, — перервалъ поспѣшно Якубъ, перекрестившись побожно, — чтобы волка изъ лѣса не выкликати, ибо теперь надходить часъ для нечистой силы...

— Га, га! — засмѣялся ротмистръ, — славный воинъ изъ тебе! Хочешь съ Москалемъ битись, а чорта боишься?!

— Та бо тотъ послѣдній не человекъ, — отвѣтилъ Якубъ и опять перекрестился; — впрочемъ не знаю чи и съ Москалемъ или съ короннымъ войскомъ будемъ битись, если намъ подъ очи не подлѣзутъ...

— Очевидно, — подтвердилъ Владиславъ, гордо подкрутивши усы. Вороги нашей ойчизны не посмѣють съ нами стрѣтись!...

— Перепрашаю, я противно думалъ, — что намъ не случится ихъ даже видѣти, если такъ дальше изъ мѣстця на мѣстце волочитись и, якъ кажется — ихъ дальше избѣгати будемъ...

— Не розумѣешь стратегіи, — замѣтилъ ротмистръ; лучше выйми тютюнъ и набій люльки, а не такъ скучно будетъ намъ ѣхати.

— Еще тамъ, куда мы переходили, велось намъ пе-сгорше, — продолжалъ Якубъ; — нашелся дворецъ шляхетскій, а въ дворцѣ пивница и спижарня... Было для васъ пановъ поручниковъ и ротмистровъ вино и печеня, а для насъ шереговыхъ горѣлка и каша, — а тутъ, въ той проклятой бискупщинѣ, не надѣяться намъ ничего того, кромѣ овсяного сухара и печеной рѣпы...

— Было, пане Якубе, дома сидѣти, а не въ конфедераты пхатись, — отвѣтилъ съ насмѣшкою ротмистръ. Но чтожь, когда своихъ пару загоновъ перепроцесовалось, дворчикъ пропилось, жену ксендзамъ за — господыню далось, такъ не лишилось вамъ, Якубе, якъ только въ конфедераціи счастья глядати...

— И дитинѣ порядочнѣйшихъ людей случается такое, — отрѣзалъ Якубъ. Если бы клейноты по отцахъ съ Варшавянками не прогулялось, а село въ карты не пригралось и т. д., то и вамъ, пане Владиславе, лучше было бы на своихъ диванахъ высиживатись, чѣмъ тутъ по лѣсахъ разомъ съ волками толчись...

— Та никуда правды скрыти! Наробили мы довольно »глупствъ« оба, не имѣемъ себѣ что вымавлиати...

— Скажѣтъ мнѣ, пане Владиславе, — продолжалъ Якубъ, скресавши огня и обернувшись къ своему товарищу, — скажѣтъ, якій той... стрѣлилъ пану Бѣржинскому въ голову, что намѣряетъ росложитись на зиму обозомъ въ Избахъ, между горами и вертепами ?!

Не на то ли, чтобы коронному войску и его союзникам отхотѣлось охотиться за нами?

Бесѣда Якуба, по видимому, не нравилась его сопутнику.

— Глупче! сказалъ онъ нетерпеливо, поднесшись на стременахъ и ударивши съ досады своего коня, — я разъ тебѣ сказалъ, что ты разумѣешься на стратегіи столько, сколько курка на перцѣ... Прежде всего долженъ ты знати, что тутъ есть добра бискупа краковскаго, который нашу сторону держитъ; капитула въ заступничествѣ бискупа приказала уже своему старостѣ, чтобы намъ всестороннюю помощь подавалъ. Во вторыхъ — мы заквартируемся на границѣ Угорь, шаршиской столицы, гдѣ наджупаномъ есть славный магнатъ Эстергазій; тотъ такожь обѣщалъ, что, въ случаѣ якого лиха для насъ — будетъ сквозь пальцы дивиться, если мы границу нѣмецкой императрицы переступимъ!...

— Ага, теперь розумѣю уже, — отвѣтилъ Якубъ и засвисталъ себѣ пѣснь:

Полякъ, Венгеръ — два братанки,
Якъ до шабли, такъ до шклянки — и пр.

Между тѣмъ смерклося такъ, что не можно было даже голову своего коня видѣти...

— Пане ротмистръ, — замѣтилъ Якубъ, — мы на нашихъ шканахъ въ томъ сумрацѣ далеко не заѣдемъ, — тѣмъ меньше, что имѣемъ, лѣсъ переѣздити... Можно голову о дерево рострѣскати, а то неславно было бы для рыцаря польскаго... Забавились вы долго при стаканѣ съ паномъ старостою, а я ждалъ голоденъ, да и кони сголоднѣли...

— Я раздумывалъ уже надъ тѣмъ, — отвѣтилъ ротмистръ, — но тутъ гдѣ-то должно быть недалеко село. Оттуда возьмемъ себѣ проводника, который, съ повелѣнія старосты, имѣеть насъ тутъ ожидать, ибо намъ необходимо нужно еще завтра положеніе Избъ и Мушинки распознати, чтобы за два дни панъ маршалокъ мой рапортъ въ рукахъ имѣлъ.

И дѣйствительно, — ясное свѣтло, указавшееся на скрутѣ дороги, проявило, что село едва нѣсколькo-десять шаговъ отдалено. Когда наши ѣздоки вошли въ село и разглядались по домамъ, распознавая по наружности ихъ, гдѣ бы могъ быть выгодный отпочинокъ для нихъ, долетѣлъ ихъ звукъ музыки, несшейся изъ недалеко.

— Пане ротмистръ, — отозвался Якубъ, — ходѣмъ тамъ, откуда музыку слышно! Гдѣ грають, тамъ скачуть; гдѣ танцуютъ, тамъ веселіе, гдѣ веселіе, тамъ навѣрно ѣдло, и напитокъ и молодыи дѣвчата... Можемъ и наѣстись, и забавитись, а даже упитись и проспаться...

Ротмистръ ничего не отвѣтилъ, только повернулъ коня въ извѣстную сторону. Минувши нѣсколько хатъ, изъ которыхъ слабое свѣтло миготѣло, станули они предъ опрятнымъ домомъ, съ котораго оконъ сильное свѣтло сіяло и звукъ скрипокъ и баса разносился. Наружность того дома, якъ и розлеглость зданій господарскихъ — проявляли, что тутъ богатый гзда обьтаетъ. Да, истинно, то былъ домъ знакомого намъ Ваня Сметаны.

Загляньмо въ тотъ домъ, а узнаемъ, что тутъ до сего времени дѣялось. Если бы пріѣзжіи не были чу-

жими людьми, были бы навѣрно познали, что мелодія, якую слышно было, вырывалась изъ подъ вправныхъ рукъ Андрѣя Ванька. Каждый, которому случилось слышати его разъ играющаго, убѣдился, что ни одинъ »гудакъ« не умѣлъ такъ тужную, а при томъ захоочающую »коломыйку« заграти, никто не вынудилъ струнамъ такого скочного обертанаго или кругленькаго »штаера«, или отрывистаго »мадьара«, якъ нашъ извѣстный ворожитъ изъ Избъ! Нынѣ же преимущественно онъ, казалъ бы ты, всю охоту, на якую его душа сдобытись могла, перелилъ въ свои »гусли«. Нынѣ своимъ нутамъ додалъ онъ неизреченной силы, которой молодецкіи ноги никакъ опертись не могли. За то нынѣ ни одинъ паробокъ, ни одна дѣвка не признались, ба, даже не вѣрили тому, что можно утомиться танцемъ, — все безъ отдыха предалось упоющему плясанью! Да, весело было тутъ; то вычиталъ бы ты на каждомъ лицѣ, если бы возможно было про толпу людей каждому съ особна въ очи заглянути. Только въ пекарни, куда старшіи гости Сметаны усунулись, чтобы въ свѣтлицѣ для плясающей молодежи больше мѣста сдѣлати, было немного пространийше. Тутъ могъ ты первымъ взоромъ познати Ивана по его поставѣ, высшей головою надъ всѣма, но его голосянѣйшей бесѣдѣ и сердечнѣйшемъ смѣху. Тутъ онъ забавлялъ своихъ гостей, приміялся имъ, обслуговалъ и розвеселялъ ихъ — и только когда ему бесѣды не стало, говорилъ:

— Сестро, а нужь, милыи гости сдремаются, не буде ганьба и смѣхъ съ тебе?! А нуже, потанцюй въ комору, тай ищи одну вынеси?!

Прислухаймося бесѣдѣ, яка о томъ часѣ велася.

— Знаешь што, Ваня? казалъ одинъ сосѣдъ, вернувши отъ дверей, сквозь которыя танцу въ свѣтлицѣ приглядался; — твоя дѣвка съ никѣмъ не танцуетъ, лемъ съ тѣмъ Избянскимъ паробкомъ...

— Не она винна тому, — отвѣтилъ съ насмѣшкою Иванъ, — бо ищи не настало то-то право, жебы дѣвки паробковъ до танцю выбрали!

— Не то хотѣвъ я бесѣдовати, — извинялся сосѣдъ, — честь тобѣ и твоей дѣвцѣ, но менѣ прійшло оттакъ на слину, же онъ хлопецъ якъ ялиця, а еи урода — якъ малѣвана, — на чудо пара!

— Лемъ онъ не ма' съ чимъ ѣношѣвъ (сватовъ) прислати, хибанъ съ порожными руками, — вмѣшался другій господарь, который имѣлъ охоту, черезъ женитьбу своего сына съ Фесею, Сметаново имѣние къ своему присоединити.

— Най прійдетъ и съ порожными руками, возразилъ Сметана, — съ грошми старостовъ я не потребу, бо я не мамъ дѣвки на продай!

— Та ты, видно, машь охоту на того Избяна? — гнѣвался сосѣдъ, — а въ нѣго грунту лемъ на вказъ, статку повтора хвоста, а дѣрами въ дасть пхаеся бѣда въ хижу ажъ на припецокъ!

— Алежь куме Гнате, — не будрай (немѣшай) сыра съ жентицевъ, — успокоивалъ его Иванъ, — я того паробка впершій разъ бачу, — не знаю дотля, чи онъ съ тѣста, чи съ болота улѣпленъ, та съ женячковъ его далеко отсале до тале (отси—доси). Но предцѣжь менѣ не заборонишь выповѣсти, што мамъ на сердци и въ розумѣ, же я не дбамъ о богатого

зятя! Якъ я ся женивъ — тямишь Гнате? — по отцяхъ нашовъ я мало што вецей, якъ пѣвтора хвоста, а по осмнадцатехъ рокахъ мого газдовства — отъ, видишь, якъ въ мене! Кто не лѣнуется, тому Богъ благословить, бо лѣнь гѣршь хвороты... Кобы моя небѣщка жена такъ предвчасно...

— Тутъ пересталъ уже Иванъ говорити, бо принужденъ былъ втерти одну лихую слезу, которая при вспоминцѣ покойной жены всегда на силу до его очей пхалася, но, мимо того, бесѣда о томъ предметѣ продолжалась. Гнатъ хотѣлъ конче пересвѣдчити своего кума, что богатый зять — то счастье для доньки.

Оставимъ ихъ — а перейдемъ въ свѣтлицу.

Тутъ въ тѣни за отхиленными дверьми держалъ молодець дѣвчину за руку. Кто была она — не можно познати, ибо личко свое концемъ запаски закрыла.

— Дѣвчино люба, — казалъ Яцко Бреанъ — тяжко менѣ жити буде безъ тебе! Первый разъ я тя днесъ видѣвъ, и заразы почуло сердце мое, што звѣзда моя поблѣдла передъ свѣтломъ яснои зори... Чи не ты стала товъ зѣрницевъ?...

— А я при всѣхъ кажу, хоць-бы не мавъ латы грѣшне тѣло закрыти, кедъ лемъ учтивый и робѣтный, а дѣвцѣ до вподобы, вдарю по рукахъ и поблагословлю!...

Тѣи голосныи слова Ваня Сметаны слышно было въ свѣтлицѣ.

— Чи чуешь, душо моя, што твѣй отецъ бесѣдуе? продолжалъ Яцко, — ний его слово буде ми за счастливый знакъ, же мому о тебе старатись, бо за учтивость мою я житьемъ ручу; лемъ ты, красна, по-

крѣпш еднымъ словомъ надѣю мою и потѣшь душу мою...

Дѣвчина открыла свое румяное личко и мы познаемъ уже въ ней Фесею. Она не отвѣтила ни слова, но взоръ ея, падшій на молодца, былъ таковъ, яковымъ сердце къ сердцу говоритъ.

— »Мадыра« грають! — сказала она, вмѣсто отвѣта, но онъ почувъ легкій притискъ ея дрожащей руки.

И обое молодыи пустились опять въ танецъ. Запѣтилъ ли кто, что зашло между двома молодыми людьми?... Нѣтъ, только всѣ подивлялись легкость и гибкость, съ якою Яцко съ Фесею »чардаша« плясалъ.

Внезапно музыка перестала грати и всѣ повернули головы къ сѣнямъ, откуда бренокоть шаблей и якій-то чужій голосъ далъ чутись.

— Гдѣ господарь сего дома?

— Я, — отвѣтилъ приступившій Ваньо.

— Жебысь зналъ, что я ротмистръ войска сконфедерованного, а сей мой товарищъ хорунжіій! Мы отъ имени пана старосты мушинского желаемъ ночлега и живности для насъ и для нашихъ коней.

— Гость въ дѣмъ, Богъ съ нимъ, — отвѣтилъ Сметана, не помѣшавшись совсѣмъ тому, въ дерзкомъ тонѣ высказанному желанію. — Прошу панѣвъ розгоститися.

Пришельцамъ, которыхъ во время ихъ ѣзды въ сумеркахъ невозможно было распознати, можемъ теперь при свѣтлѣ ближе придивитись. Оба были въ ровномъ вѣку, не много надъ тридцатку пережившии. Тотъ, который себе »ротмистромъ« именовалъ, былъ

человѣкъ, который типомъ мужеской красоты могъ быти. — На росломъ, сорозмѣрно созданномъ туловищѣ, спочивала голова, гордо въ задъ наклоненная. Лице подолговатое, окруженное русымъ, коротко подстриженнымъ волосомъ, красовалось на своемъ бѣломъ тлѣ двома здоровыми румянцами, отъ которыхъ тѣмъ прелестнѣйше чорный усикъ отбивался. Но — если бы кто имѣлъ на столько времени, чтобы дальше наблюдать движенія его лица, тотъ примѣтилъ бы, что его яркіи, подвижныи очи блестяи нерѣдко якимъ-то подступнымъ огнемъ, а современно уста его, тонко закроенныи, протягались къ зловѣщему усмѣху. Такимъ былъ конфедератъ Владиславъ Хижевскій.

Его товарищъ обнаружалъ физиогномію всесторонно ежедневную, а на его лицѣ отбивалась смѣсь простодушности и сарказма, наивности и подступа. Средняго возраста, лица округлого и полного, туго законченного носа, подъ которымъ стирчало нѣсколько рѣдко засѣянныхъ волосовъ, извѣшенныхъ по-надъ грубыи варги, къ тому и чубъ, высоко подмусканный, — вотъ весь портретъ пана хорунжого, Якуба Германа, шляхтича ходачкового гдѣтамъ изъ литовскихъ лѣсовъ.

— А есть ли тутъ проводникъ до Избъ, которому панъ староста насъ тутъ ожидать велѣлъ? спросилъ Хижевскій, отвязующій саблю.

— Есть, пане, я жду на васъ отъ полудня, — отвѣтилъ приступившій Яцко Бреанъ.

— То ты?... А чемужь не уклонишься низко хаме?... Не знаешь ли, съ кѣмъ говоришь?

Яцко, хотя смиренно исполнилъ то, что залишилъ.

поблѣдъ сильно... Навыкъ онъ вправдѣ на панщинѣ у старосты къ всякаго рода деспотизму, но и въ немъ, якъ и въ каждомъ селянинѣ, мѣстилась жилка, которой доторкнути небезопасно...

— Рушай теперь и доильную коней, чтобы мы могли завчасу въ Избахъ станути!

— Въ руцѣ ваши, пане брате, кончилъ ротмистръ, заздравкавши къ своему товаришу чашею горѣлки, которую Иванъ уже на столѣ заставилъ.

Явленіе тѣхъ непрошенныхъ, а тѣмъ меньше надѣянныхъ гостей, къ тому ихъ грубое обращеніе, помѣшало веселому расположенію селянъ, собранныхъ въ гостинѣ у Сметаны. За кѣмъ панъ ротмистръ въ перестанкахъ, между кушаньемъ печеной гуски и запиваніемъ горѣлкою, сдужалъ скончити свой отчетъ о ясной Рѣчипосполитой, о нарушеніи ея правъ Репниномъ и податливымъ королемъ, о сконфедерованіи рыцарства польского къ отстаиванію славы ойчизны и преимуществъ шляхетскихъ, на что селяне только качаніемъ головы или загальникомъ. »поможъ Боже тому, кто на добре тягне« отвѣчали, — уже значительно прорѣдло было въ хатѣ. Только музыка дала опять чутись, молодежь опять заплясала, — но казалось, что пальцы Андрѣя затрогивали часами въ струнахъ на якій-то дикій, или якій-то плачливый голосъ, а танецъ совершался только съ вынужденною охотою.

Наѣвшись, напившись,
Гей, гвалть, женивъ бымъ ся...

заспѣвалъ неконечно звучнымъ голосомъ панъ Хижевскій, на которого почервонѣломъ лицѣ и густыхъ капляхъ на челѣ отражалось похмѣлье.

— И я бы затанцевалъ, — выказалъ свой вкусъ другій конфедератъ.

— Нелихая и твоя гадка, Якубе, — и оба пошвиндались въ свѣтлицу.

— Эхъ, та тутъ обрѣтаются личка, якихъ и въ Варшавѣ не видѣти, замѣтилъ панъ Хижевскій, заглядая дерзко въ очи Фесѣ... Закѣмъ она спостереглась, уже обнялъ ю панъ Хижевскій въ поясъ, дополняя свою любезность слѣдующимъ дистихомъ:

Потанцюемъ, моя дѣвко,
Поцѣлуй мя, ино швидко...

Но еще »швидше« выскользнула дѣвчина изъ его объятій, казалъ бы ты — учула укушенье гадины.

— У насъ пане, не цѣлуются, ажъ по слюбѣ, — вмѣшался Иванъ.

— Та бо вамъ, хлопамъ, несвѣдомы панскіи свычай, — кепковалъ панъ ротмистръ.

— Та я такъ мышлю, же вы лемъ съ панскими свычаями передъ нами показуется, — отплатился съ насмѣшкою Вань Сметана.

— Грай, хлопе, полонеза! — задиспоновалъ панъ Якубъ Германъ.

Андрѣй замашисто потягнулъ смычкомъ по струнахъ, но тѣ выдали только звукъ, подобный скомлѣнію щеняти.

— Чтожь ты, хаме, не слушаешь мене?

— Не можь грати, пане, бо струны порвались, — отвѣтилъ спокойно Андрѣй.

Извиненіе его не имѣло ваги въ очахъ шляхтича, ибо въ одинъ мигъ палъ тяжкій его кулакъ на скрипку,

такъ что только ручка изъ ней осталась въ руку Андрия, прочее же разлетѣлось трѣсками по землѣ..

Ропотъ неудовольствія раздался между людьми. Нѣсколько кулаковъ дородныхъ паробковъ затиснулись твердо къ зачепцѣ — и кто знаетъ, на чемъ бы то кончилось, если бы въ той минутѣ не вошелъ Яцко.

— Панове ласкавы, увѣдомилъ онъ, — кони южъ накормлены и заря южъ выступила, можете ѣхать!

— Такъ ѣдьмо, не ма забавы тутъ, — сказалъ ротмистръ.

— Хамство — не панство, — объяснялъ панъ хорунжій. — Выведи кони, Яцку!

Когда Яцко вышелъ чтобы повелѣнїе конфедерата исполнить, выскнулась изъ хаты и Феся. Извинѣньмъ ю; сердце ея бажало хотя одинъ чувствительный взоръ отъ своего любимого на прощаніе получить, чтобы о немъ долго и долго снити..

— Эхъ, до сто кротъ кадуковъ, красная дѣвка! — бормотала себѣ подъ носомъ панъ ротмистръ, привязуя къ себѣ саблю. — Якій ласый кусочекъ... Съ нею не скучалъ бы человекъ въ обозѣ, да и маршалку можно бы нею приподобатись, — онъ за дѣвчатами словно якъ котъ за саломъ...

При отходѣ не позволили гордые Поляки своему хозяину за хлѣбъ-соль поблагодарити, — когда тотъ послѣдній прощалъ ихъ съ добродушностью, нерозлучною отъ гостинности почти каждого русскаго селянина.

— Будьте здравы, — най Богъ васъ далѣе провадитъ, — кланялся Иванъ Сметана конфедератамъ

при дверехъ, — а просиме выбачати, жесме вамъ во вшиткѣмъ не выгодили...

Едва переступилъ онъ порогъ свѣтлицы, когда изъ двора раздался прошибающій крикъ дѣвочій... Всѣ отъ ужаса кинулись туда и имъ представился странный видъ, о сколько можно было въ полумрацѣ распознати. Они видѣли, якъ якая-то дѣвчина силовалась одною рукою вырватись изъ объятій ротмистра, а другою боронилась отъ его намѣренія — поцѣловати ее. Когда ему мало не удалось своему пристрастію удовлетворити, вымѣрила отчаянная дѣвчина всею силою своей руки ударъ въ его лице.

Нарушенная гордость съ одной, а увеличенное пристрастіе съ другой стороны, зачервонѣли его лице и распалили ему очи.

— Пожди, ледачина, теперь не вырвешся, — кричалъ ротмистръ отъ гнѣва дрожащимъ голосомъ, — а за кару твоей дерзости помашеруешь съ нами...

— Нѣтъ, паноньку, — она останется дома, бо то — моя донька, сказалъ приступившій Ивмнѣ Сметана; пустьъ ю ласкаво, бо я ю не для панѣвъ, а для такого сердца — якъ я — выховавъ...

— Сердаки хамскіи най будутъ довольны тѣмъ, что отъ панской бороды капнетъ, — возразилъ гордо Хижевскій...

Та безвзглядная гордость депекла людемъ до живого. Нѣсколько паробковъ приступило ближе, вѣдай съ намѣреніемъ — кинутись на конфедерата, но Сметана далъ имъ знакъ, чтобы отдалились.

— Вамъ ничъ до того, — то со мною справа, — шепнулъ онъ до найтвердшихъ дубчаковъ...

— Пустьъ, пане, бо за дужо панскихъ жартѡвъ, же ся пакъ на нихъ не спѡзнаме, — сказалъ онъ на видъ спокойно, но рукою отрутилъ руку напастника...

— Что ты, хаме? Тебѣ забагается на мене срываться? заверещалъ Хижевскій, а очи его заискрились, якъ у хищного звѣря. — Пане Якубе, дай-но тому мудю шаблю научку, чтобы до смерти тямилъ, якъ пановъ шановати!..

Хорунжій, послушный своему настоятелю, замахнулъ шаблею впрѡсть на голову Сметаны, но не могъ шаблю уже спустити, ибо печаянно якая-то желѣзная рука хватила его руку изъ-заду и выкрутила неумовъ повересломъ, а современно почувствовалъ онъ съ лѣвой стороны такъ сильный ударъ въ лице, что въ ушахъ ему зашумѣло, въ очахъ потемнѣло — и онъ якъ снопъ повалился на землю...

Въ той самой минутѣ Иванъ Сметана хватилъ ловкимъ своротомъ Хижевского за горло такъ крѣпко, что лице его посинѣло, очи на верхъ выбалушились, ротъ заплылся, а руки его безвластно выпустили обомлѣлую Фесю, — самъ же кинулся на землю по-бочъ своего товарища...

Когда тѣ рыцари пришли небавомъ къ смысламъ, не побачили коло себе живой души... Гитѣвъ обнялъ ротмистра за полученную обиду...

— Ходѣмъ, выстрѣляймо тѣхъ хамовъ якъ собакъ, vyrубаймо якъ капусту, — кричалъ онъ, дрожа отъ злости и скрегоча зубами...

— Пождѣтъ, пане ротмистрь, — сдерживалъ его Германъ; — насъ двоихъ за мало а хлопѡвъ купа, имѣють они твердыи кулаки, которыми не стгорше при-

кладати умѣють... Вымолотятъ они душу изъ насъ... Впрочемъ — не было бы для шляхтичей славно — съ хлопами драться! Лучше пождѣмъ, а въ пригодномъ часѣ отомстимъ...

— Такъ, отомстимъ! — подтвердилъ Хижевскій — Пожди, хаме, — сказалъ, обернувшись къ дому Ивана Сметаны, въ которомъ уже свѣтло было потушено и тишина залегла. — Пожди... клянусь Ченстоховскою, что, »якемъ шляхтичъ« и sodalis marianus, отомщу обиду, на мой говоръ наставленную... Тебе рознесу, а доньку твою передамъ на безчестіе...

Никто не отвѣтилъ на ту погрозу конфедерата.

— Гдѣ той »гамонь« съ нашими коньми? — замѣтилъ Якубъ.

— Я тутъ! — отозвался голосъ Яцка Бреяна изъ-по-за стодоль; — я тутъ и жду ѡтъ пѡвъ години на васъ, пане...

— Та чемужь ты, дурню, на дорозѣ не стануль, а въ заулку — галаснуль ротмистръ.

— Та бо мы, пане, поѣдемъ на-впростецъ, стежками, на то-тѣ онъ лѣсы; — о третину намъ буде ближе, — извинялся, будто покорно, Яцко Бреянтъ...

Если бы оба конфедераты не были запряганы думками, относящимися къ пребытой ими непріятности, были бы навѣрно замѣтили, что голосъ Яцка — необыкновенно взволнованно звучалъ — и, если бы онъ не нахилилъ лице къ землѣ, когда имъ по должности стремена придерживалъ, увидѣли бы молнии ненависти, сверкающіи изъ его очей...

III.

Выше двухъ седмиць минуло отъ розказанного здѣсь происшествія.

Въ одной небольшой комнатѣ приходского дома въ Избахъ сидѣлъ мужчина при столѣ, обложенномъ книгами, съ подпертою на лѣвой руцѣ головою. Такъ якъ его чело и очи почиваютъ въ долони, не можно узнати его лица, однако волосъ его сивый, розлитый широкою струею по длинной, черной одежѣ — и борода, вправдѣ низко подстрижена, но густа, отражающаяся серебрянымъ полыскѣмъ отъ темно-спяго цвѣта сподной рясы, велютъ намъ заключати, что то не есть кто другій, лишь русскій священникъ. Пребывши долгою минутою въ той позиціи, онъ по-малу воздвигъ въ гору голову, мовь бы тяжкими гадками обремененную... Что дѣйствительно такъ было, свидѣтельствовали морщины, взорвавшіися глубоко на его высокомъ челѣ, — брови, насупившіися стрѣлою надъ грозными сивыми очи — и судорожно дрожащіи уста. Священникъ тотъ не былъ кто другій, лишь Іоаннъ Шавинскій, мѣстный приходникъ въ Избахъ, широко славный ради своей глубокой учености, почитанъ ради своей ревности въ душпастырствѣ и любленъ ради своего пріятнаго обращенія съ народомъ и съ собратіемъ. Недавно еще, якъ онъ занималъ чинъ настоятеля трехъ протопресвитерій: мушинской, бѣчской и снижской, которая послѣдняя тогда еще къ перемышльской епархіи належала...

О чемъ такъ задумался нынѣ о. Іоаннъ?

Онъ переходилъ нынѣ воспоминаніемъ стези своей жизни...

Поставленъ душпастыремъ въ Избахъ по трагической смерти своего попередника Іоанна Ропского, скончавшагося подъ кровожаднымъ ножемъ угорскихъ разбойниковъ, былъ бы онъ наслаждался счастьемъ въ замиломаніи къ своему званію и въ спокоѣ семейственного сожитія, если бы совѣсть въ одной точцѣ не обезпокивала его. Влеченъ безкорыстною любовью, подружился онъ съ Софією, съ дома шляхетского Доловичей, которыя однакожь были твердыми исповѣдниками калвинизма. Предъ вѣнчаніемъ принужденъ онъ былъ отъ родителей своей супруги, дати письменное заявленіе, силою котораго не только обязался свою жену къ переходу въ католицизмъ не силовати, но такожь и дочери свои въ той же »реформованной« вѣрѣ воспитывати.

Безвзглядная любовь къ Софіи принудила его, что онъ то желаніе исполнилъ, но совѣсть его и предчувствіе соблазна для вѣрныхъ грызли его — тѣмъ больше, что всѣ усилія его, якъ и довѣренныхъ лицъ, чтобы жену къ отбѣнъ своего вѣроисповѣданія наклонити, были тщетны. Когда вся надежда на людей исчезла, употребилъ онъ послѣднее, но для твердо-вѣрующихъ безсомнѣнное средство — молитву. Може только одинъ панамаръ почислилъ, сколькократно о Іоаннъ предъ иконою Покрова Пресв. Дѣвы Богородицы лицемъ на землѣ лежалъ, благая тую непостыдную Заступницу о просвѣщеніе для своей жены и о утѣшеніе для себе...

И презрѣнны были молитвы его... Вотъ что

оставилъ намъ въ семь дѣлъ самъ о. Щавинскій къ свѣдѣнію :

».... Дознала благодати сладчайшей Матери Божой и моя любезнѣйшая супруга Софія изъ Доловичей, — выслушаны были мои молитвы и слезы, изліяны предъ чудотворною иконою Покрова Пресв. Богородицы въ церкви избанской, ибо Богъ въ своемъ помилованіи допустилъ на мою супругу смертельную болѣзнь, въ которой близше трехъ недѣль перележала, такъ что ни однимъ членомъ тѣла владѣти не могла и приближеніе смерти уже чувствовала. Я не могъ желанію ея — послати по калвинского душпастыря, иначе по волка въ овчарню, удовлетворити, только печально расположеніе ея души наблюдалъ и къ упованію на милосердіе Божье ю наклонялъ, а увидѣвши ю почти конающую, велѣлъ ю, по свѣтаю для умирающихъ, на соломы середь комнаты положить... Когда я уже думалъ надъ приличнымъ похорономъ ея, въ четвертый день ея безнадѣйнаго состоянія дала мнѣ знакъ пальцемъ, чтобы я къ ней приблизился. Когда я то сдѣлалъ, просила она мене, чтобы я посланца до священника русскаго въ Баницу выслалъ, дабы той же ее къ смерти приготовилъ... Дальше спросила мене, не вижу ли кого при ней... Когда я отвѣтилъ, что коло ней никто не находится, она запретила мнѣ рукою и голосомъ, чтобы я въ правую сторону ея ногъ не сближался. На мой запросъ: по какой причинѣ мнѣ тое дѣлати нельзя, отвѣтила она: »Не видишь ли стоящую тамъ Матерь Божую, которая мене чрезъ три дни и три ночи стережетъ и потѣшаетъ, и только ея благодатию я жию?« Увѣривши ю, что ни я, ни кто другій изъ

домашнихъ того не видить спросилъ я, въ якомъ видѣ Пречистая ей явилась. Отвѣтила на то, что она видить ту самую Матерь Божую, которая изображена въ церкви избянской на иконѣ Покрова Пречистой Дѣвы, что она ю потѣшаетъ и упоминаетъ, дабы въ греко-католической вѣрѣ жила. Для искушенія ея спросилъ я, хочетъ ли призвати къ себѣ священника латинского изъ Тылича, или може проповѣдимка лютерского изъ Бардіева, но она заявила, что не хочетъ въ иной вѣрѣ и въ другомъ обрядѣ, лишь въ греческомъ жити и умирати. По такомъ заявленіи приняла она отъ прислѣвшего священника всѣ послѣдніи Тайны, по чемъ собственными силами изъ земли воздвиглась и на своей давной постели усѣла, горячее благодареніе заноса Богу и Пречистой Дѣвѣ за такъ скоро отысканныи силы тѣлесныи и спасеніе души своей... А что предовсѣмъ чудно — еще того самого дня въ вечерѣ всѣ куты своего газдовства сама оглянула».

Когда нѣсколько лѣтъ позже о. Іоаннъ предъ реченною иконою молился, — ибо, якъ самъ сознается, не могъ вслѣдствіе заявленнаго надъ нимъ покровительства Богородицы никогда залишити, чтобы при выходѣ изъ церкви не отмовити предъ иконою Покрова короткую молитву: узрѣлъ онъ въ очахъ Пречистой Дѣвы слезы, которыи нѣсколькими каплями на престолъ пали.

Съ начала не довѣрялъ онъ самъ себѣ, позже приписывалъ сіе якому-то вліянію воздуха, но по нѣсколькодневныхъ различныхъ опытахъ, предпринятыхъ съ тою иконою, убѣдился онъ, что тѣи слезы были надобыкновеннымъ явленіемъ. То подтвердили даже и

одинъ іезуитъ изъ Кракова, и кармелить »босый«, которыя съ начала не припускали даже мнѣніе, чтобы въ русской церкви чуботворная икона явиться могла — и все явленіе на счетъ обманства полагали, но по долшихъ и всестороннихъ опытахъ убѣдились иначе.

И минуло нѣсколько лѣтъ, въ которыхъ не повторилось то явленіе. Нынѣ же примѣтилъ о. Щавинскій, что изъ реченной иконы лились безпрестанно слезы — обильнѣйшія, чѣмъ когда-то. Было ли то знаменемъ, что Пресвятая Дѣва болѣетъ надъ беззаконіями человѣческими, или предвозвѣщеніемъ якихъ смуть для вѣрныхъ?

Не проливали ли Мати Вожая слезы надъ невѣрствіемъ людей, которыя въ самъ праздникъ храмовый въ Избахъ, въ самъ день Евангелиста Луки, присиловали побожныхъ христіанъ къ сыпанію шанцевъ и окоповъ на укрѣпленіе конфедератскаго обоза? Кто можетъ то знати? Кто отиѣрилъ стези Провидѣнія Божія?

На всякій случай должно то быти голосомъ, зывающимъ людей, чтобы укорились предъ Величествомъ Бога и преблагали справедливость Его...

Такое рѣшеніе поддала о. Іоанну искренная религійность и онъ раздумывалъ надъ способомъ, въ якій бы можно — сходно съ волею Бога, предписаніями св. церкви и въ назиданіе вѣрныхъ — милосердіе Божье умолити...

Запратанъ тѣми гадками, онъ даже не замѣтилъ, что нѣсколько селянъ въ его комнату вошло, пока ихъ христіанское поздравленіе, голосно съ ихъ сто-

роны произнесенное, не разбудило его изъ глубокой задумчивости.

— Поблагословите насъ, пань-отче! сказалъ передовець.

Старець зазнаменаль ихъ — лѣвою рукою, ибо правой онъ уже не имѣлъ. Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ — потеряль онъ ю отъ буйства угорского вояка-розбойника...

— Что доброго мнѣ скажете, дѣти? привѣствовалъ онъ своихъ прихожанъ.

— Ахъ, — востхнулъ найстаршій изъ нихъ, — рады бы мы доброе что повѣсти, но о добромъ не чувати; мы ту въ бѣдѣ и потребѣ прійшли васъ, пань-отченьку, о порадѣ просити...

— Говорѣтъ.

— Може южь знате о тѣмъ, же прійшли тутъ въ село конфедераты, жебы обозомъ розложитись... Староста мушинскій выдалъ намъ приказъ, жебы мы при сыпаньи шанцѣвъ съ тягловъ и пѣшовъ роботовъ поматали... Мы послухали его, хоць-ме робили тяжко и въ свято... Ная конфедераты за нашъ грѣхъ передъ Богомъ отповѣдають! Коли днесъ по скѣнченѣй роботъ мы домѣвъ забиралися, не давъ намъ маршалокъ Бѣржинскій воли съ собовъ забрати; сказавъ, же ихъ треба на мясо для конфедератѣвъ...

Отець Юннъ отъ удивленія покачалъ головою...

— Мы съ початку откликвались на старосту — продолжалъ бесѣдникъ, — но пань Бѣржинскій отповѣвъ, што теперь староста его слухати мусить, а не ѡнъ старосту! Мы его пакъ и въ ногахъ просили, жебы смиловався надъ нами, же мы не гѣдны статку

доробитись, а якъ безъ скота поле не обробиме, то прійде намъ съ голоду загинути, — но онъ на то-то со смѣшками ѳтрѣзавъ, же хлопъ и такъ быддя, може самъ въ ярмо запрягчися, — и ѳттакъ мы лемь съ ба-тогами домѳвъ вернули... Якъ намъ, панъ-ѳтче, радите? што маме робити?...

Отець Іоаннъ не далъ ѳвѣта, лишь оперъ голову на руку...

— Мы мыслиме — удатись просто до Кракова на скаргу, — доложилъ другій селянинъ. — Бискупъ краковскій не дававъ намъ дотля ніякои кривды робити.

Священникъ свернулъ голову къ бесѣднику и — усмѣхнулся съ горечью...

— Не поможете тѣмъ себѣ, — примѣтилъ онъ, — ибо бискупа нѣтъ теперъ въ Краковѣ...

Да, — точно Каетана Солтыка вывезено предъ годомъ съ повелѣнія Репнина, въ Сибирь, а краковская капитула лавировала между партією королевскою а конфедерацією. Не отлучилась она открыто ѳтъ короля, но позволяла конфедератамъ — хозяйничати самовольно въ бискупскихъ имѣніяхъ. Впрочемъ — возмогъ бы ли и бискупъ въ тѣхъ временахъ между-усобицъ сопротивись сволочѣ, ѳтучившейся почитати святѣйшіи права челѳвѣческіи?...

— Якъ же намъ порадите, добродѣю? спросили опять селяне...

— Заховатись спокойно, — ѳвѣтилъ о. Іоаннъ.

— Та — съ насъ шкѳру зѳдрутъ! сказали селяне...

— Хуже будетъ, если дасте самы поводъ мститися на васъ...

— Та чи нигде намъ помочи найти?..

Вмѣсто отвѣта, указалъ старецъ въ небо...

Порозумѣли его селяне, что лишь въ Бозѣ надежда и помочь и — зарыдали голосно... И священнику пустились слезы; — онъ сросся со своими духовными дѣтьми; каждый ударъ ихъ сердца чувствовалъ онъ въ своемъ сердцѣ, а боль ихъ болѣлъ и его.

Едва селяне съ отходомъ двери за собою заперли, роздался въ сѣняхъ рѣшительный голосъ: »Съ дороги, мурги!« Сейчасъ отворились двери и — тяжкими шагами вошли три конфедераты. Ни одинъ изъ нихъ не сдоймилъ шапки съ головы и не поздоровилъ по христіански господаря. Приходникъ съ удивленіемъ поглянулъ по нихъ, но такожь считалъ излишнимъ поднестись изъ кресла...

— Мы тутъ пришли съ повелѣнія пана Бѣржинского, маршалка сконфедорованной шляхты земли Сѣрадской, — рецитовалъ старшій чиномъ конфедератъ. — Въ имени его приказуемъ вамъ, чтобъ вы обвѣстили хлопамъ, что всякое заявленіе непослушности со стороны поодинокихъ селянъ горломъ будетъ наказано, а въ случаяхъ общога »зухвальства« слѣдуетъ безъ индагаціи десяткованіе...

Отецъ Іоаннъ выслушалъ спокойно и, на знакъ согласія, потакнулъ головою.

— Въ послѣднемъ случаѣ вы, попе, за спокойствіе селянъ отвѣчательнымъ будете...

Старецъ поднялъ теперь голову.

— Откуда прихожу я до того, чтобы за всѣхъ селянъ отвѣчати? — спросилъ онъ спокойно.

— Бо вы, попе, имѣете вліяніе на народъ и панъ маршалокъ желаетъ отъ васъ, чтобы вы все свое влі-

яніе употребили на удержаніе мотлоха въ послушности.

— Добре, — отвѣтилъ отецъ Іоаннъ, — станется по желанію пана маршалка и я ручаюсь, что мои селяне не дадутъ вамъ поводу къ неудовольствію, но то будетъ возможно лишь тогда, если и вы, панове, не дасте имъ повода къ тому, — если ихъ оставите, чтобы могли спокойно на свой горькій хлѣбъ робити и его споживати...

— Го, го, — насмѣшковался одинъ конфедератъ, подкручивая усь, — вашець думаешь, что мы пришли тутъ точки мира съ тобою пактовати, что намъ условія ставляешь?..

Старець поднесся изъ кресла и выпростовался. Его блѣдое лице покраснѣло отъ нетерпеливости, а сивое око спочило строго на конфедератъ.

— А вашець не бачиль, — пародіювалъ онъ что и собачка, если ей хвостъ наумышленно наступишь, зубами обороняется? Чи и селяне въ виду того, что имъ волчиль правомъ выдераете скоть, который ихъ кормить, не будутъ къ повседневному »Отченашу« прибавляти побожное желаніе, чтобы вы чѣмъ скорше вынеслися отсюду?..

— Зухвалая бесѣда, мятежникъ, гершть бунту! загомонѣли всѣ три конфедераты наразъ.

— Слухай, поне, — сказалъ старый конфедератъ съ гнѣвомъ, — мы тутъ не пришли изъ любопытства, дабы твое »казанье« слухати, лишь обвѣстити тебѣ, что ты насъ безусловно слухати должень! А понеже мы встрѣтили тутъ хлоповъ, выходящихъ отъ тебе, — хлоповъ, которые своими глазами мовь

бы насъ съѣсти хотѣли и кулаками по-за нашими плечами погрозили, — ты же тутъ ясно высказалъ, чего отъ тебе надѣяться можно, про то перейдешся съ нами до пана маршалка... Если предъ нимъ своимъ тонкимъ языкомъ выбрехаться сумѣешь, — твое счастье! Но на передъ знай, что панъ Бѣржинскій съ такими словами, якіи мы тутъ слухали, жартовъ не знаетъ... Теперь ступай!

При послѣднемъ словѣ растворились нечаянно двери отъ прилежащей комнаты, чрезъ которы вбѣгла съ отчаяннымъ крикомъ молодая дѣвица... Она такъ и припала къ груди старика и обняла конвульсивно его шею...

— Нѣтъ, дѣдуню, я васъ не дамъ тѣмъ людямъ, — плакала она, — а если конечно, то най разомъ насъ берутъ, не въ силѣ они насъ розлучити, не было бы кому васъ обслужити...

— Тихо, Оля! — успокоивалъ старикъ дѣвчину, цѣлующи ю въ чело. — Богъ милосердный, най дѣется воля Его... Я не иду между звѣрей, а между людей, которы, надѣюсь, имѣють сердце; чувство справедливости и почитанія Бога...

То утѣшеніе однако было безуспѣшно; руки дѣвичины, казалось, сковались въ желѣзную цѣпь коло шеи дѣдуны...

— Моя панно, нѣтъ часу на дурныи комедіи! — сказалъ старшій конфедератъ, — а вы освободѣтъ ее...

Послушныи два подвластныи конфедераты неконечно чемно обошлись съ дѣвицкою, закѣмъ удалось имъ розлучити ее со старцемъ.

— На передъ! — закомендовалъ предводитель...

Глухій стонъ преданной внучки былъ ея прашаніемъ съ о. Іоанномъ на дорогу его въ обозъ конфедератовъ...

При входѣ въ лагерь, стрѣтились они съ отдѣленіемъ конфедератовъ, марширующихъ въ направленіи къ Мохначцѣ. Смѣсь различной одежды, различного цвѣта и всякой фізіогноміи, — одни на коняхъ, другіи пѣшкомъ, — одни съ галябардами, другіи со спинами, иные при шабляхъ, а гдѣ-кто вооруженъ попросту желѣзными вилами... Вотъ якъ представилия освободители ойчизны очамъ русскаго священника!

По-за тѣмъ отдѣленіемъ, не много въ отдаленіи, шли помалу два конфедераты. Мы познаемъ ихъ уже: то панъ ротмистръ Хижевскій и его товарищъ, хорунжій Германъ.

— А что вы уловили, панъе Михалье? — спросилъ Хижевскій предводителя увязнителей о. Іоанна, когда тѣи по-при него переходили.

— А вотъ, видите сами, — отвѣтилъ панъ Михаль; — попу захотѣлось говорити намъ »казанье«, пусть же теперь взаимно наслушается »казанья« отъ пана маршалка...

— А стоилобъ труда навернути его, ибо то шизматицкая фізіогномія, — примѣтилъ съ насмѣшкою одинъ изъ конфедератовъ.

Хижевскій лишь хладнокровно сдвинулъ раменами и обратился къ хорунжему:

— Исполни же, пане Якубе, точно мой приказъ, — повелѣвалъ ротмистръ своему товарищу, когда конфедераты съ о. Іоанномъ отдалились. — Убивати, — храни Боже, бо мы клялись предъ Ченсто-

ховскою, что безоружного пустимъ живымъ, а польскій рыцарь клятвы не сломалъ... Но — не повредить, если тому Сметанѣ дасте нѣсколько разъ по лапахъ, чтобы ими не рвался къ горлу панскому...

— И до твари, прибавилъ хорунжій, помацавшись за лѣвое ухо...

— Рабовати намъ стыдно, — продолжалъ Хижевскій, — ибо мы не розбойники, и мы такожь отрекались того клятвенно, — но... реквизиовати продовольствіе для войска намъ свободно. Такъ заберѣтъ, что только можно будетъ взяти, — товаръ приженете, а если гроши уловите, то подѣлѣтся по братерски, — задерживая четвертую часть для мене...

— Все хорошо и все исполнится, — замѣтилъ Германъ, — только помнѣтъ, что по томъ навѣрно скажутъ: »Конфедераты розграбили селянина« — и пойдетъ о насъ слава по всей Польшѣ, на обиду шляхетского гонору, которого я хоронити буду...

— Но, пане брате, не считай мене такимъ глумцемъ, чтобы я и то обстоятельство не обчислилъ, отвѣтилъ Хижевскій, — и собственно про то васъ подъ ночь тамъ высылаю, чтобы тихцемъ справитись. Если васъ никто не увидитъ и не познастъ, то никто не посмѣетъ публично на насъ подозрѣніе кидати, а скажутъ: Розбойники угорскіи, якіи по бескидскихъ лѣсахъ численно крыются, сдѣлали то; скотъ же приженете и скажете пану Бѣржинскому, что вы, согласно его поселѣнью, зарекивовали по штуцѣ изъ каждого дыма. Въ той цѣли придаю вамъ и Яцка Бреяна; онъ справный молодець, поведетъ васъ въ Солотвины и назадъ мановцами, чтобъ васъ никто не замѣтилъ.

Если все такъ сдѣлаете, якъ повелѣваю, будетъ волкъ сытымъ и коза цѣлою, — будетъ и гоноръ чистымъ и клятва не нарушится, и — помстимся! Поняли-ль вы мене?

— Дословно! отвѣтилъ Германъ — и дословно исполню!

— Такъ — счастье вамъ Боже! — закончилъ ротмистръ, подаючи хорунжому руку.

— А еще одно пригадалъ я собѣ, — кликнулъ Хижевскій уже за отходящимъ Якубомъ; — помните, чтобъ вы трехъ дурачествъ избѣгнули: Одно — не берѣтъ коней съ собою въ село, лишь оставьте ихъ гдѣ въ лѣсѣ, ибо ихъ шепоть срадилъ бы васъ; другое — при коняхъ оставьте Яцка Бреяна, ибо онъ Русинъ, а Русину не вѣрь; онъ могъ бы хлоповъ солотвинскихъ предупредить о вашемъ намѣреніи наконецъ трете — не оставьте дѣвки; треба ее приучити — хлопцевъ цѣловати...

— Ха, ха! — засмѣялся съ удовольствіемъ до себе ротмистръ; — пожди, хаме, — ты навѣрно не надѣялся гостей, якіи тебе нынѣ посѣтятъ, а ты, Фесю безвинна, будешь до смерти плакати за то, что не хотѣла — —

Онъ не окончилъ того монолога; очи его спочили на какой-то женщинѣ, которая послѣшно въ направленіи къ »обозу« ишла.

— Эхъ, до бѣсовой мамы! Чего тутъ якая-то дама хочеть? — думалъ себѣ ротмистръ, — то не изъ здѣшняго ставу рыбка! Бѣжить легонько, мовь серна, значитъ, она молодая! Сколько элеганціи въ ея движеніяхъ, сколько прелести въ ея гнуткомъ станѣ!

Женщина узрѣла его и нечаянно остановилась. Съ погляда ея, въ округъ себе киненного, можно было заключати, что не могла рѣшиться: идти-ли впередъ, или бѣжати назадъ.

— Нужно ей въ помощь прійти, може осмѣлится, — сказалъ къ себѣ Хижевскій и пошелъ ей на встрѣчу.

Женщина стояла якъ укупана, лишь ея нѣжная рука, придерживающая ослону на лицѣ, значительно дрожала. когда другая рука судорожно прижималась къ атласовому корсету, якъ бы хотѣла ненормальное бѣненіе сердца притушити... Такъ стрѣтилъ ее ротмистръ. Хотя ея лице изъ-за густой заслоны не можно было узрѣти, таки варшавскій гулякъ заключалъ на красоту тогожь и призналъ удобнымъ, почтительно ее поздравити.

— Вы, красивая панѣ, навѣрно въ обозъ? Чѣмъ могу вамъ служити? — спросилъ онъ ее съ французскою галантерією.

Минутка минула, закъмъ дождался онъ отвѣта.

— Я... откликуюсь до чести вашей и прошу о одну прислугу...

Звонкій, металлическій голосъ ея прошибъ его сквозь, такъ что душа въ тѣлѣ затряслась.

— И сто!.. — для красныхъ дамъ я все готовъ сдѣлати!

— Сдѣлайте милость, заведѣтъ мене до вашего маршалка...

— Бѣржинского?

— Такъ...

— Что вамъ за нужда у него? — спросилъ съ удивленіемъ конфедератъ. — Еслибъ вы мое любопыт-

ство зле приняли, то я беру мой вопросъ назадъ. Може то тайною вашею? — доложилъ вконцѣ, улыбаясь хитро.

— Совсѣмъ нѣтъ, — я мои дѣла не требую тайною обвивати, — отвѣтила она голосомъ, въ которомъ гордость и строгость пробивались, такъ что Хижевскій въ душѣ своего вопроса застыдался, — только хочу п. Бѣржинскаго упросити, чтобы моего дѣдуна на волю пустилъ... Я ему въ ноги упаду, — дѣдунъ безвинный!..

Дальшіи слова утопились въ голосномъ плачѣ...

— Прошу со мною, — все, что въ моей силѣ, сдѣлаю, чтобы вы не нарѣкали на конфедератовъ.

Когда она съ несмѣлостью принимала поданное себѣ рамя, усунулась немножко заслона съ ея твари и ему удалось на минутку узрѣти ея лице. Минута коротка, но жадныи очи его пожерли въ мигъ ея красоту и взволновали пристрастіе въ его душѣ, ибо о такомъ лицѣ лишь снити можно...

Догадаетесь, что женщиною тою была Оля, внучка по сестрѣ о. Шавинскаго.

— Извольте розсказать мнѣ цѣлое происшествіе, — спросилъ ее Хижевскій по дорожѣ, — вслѣдствіе котораго п. Михаль Несѣловскій вашего дѣдуна арестоваль. Чтобы за нимъ вставитись, необходимо мнѣ знати, на якомъ основаніи то сталось.

Оля начала розсказывать все подробно, такъ якъ въ смежной комнатѣ все слышала. Мимо ея щирого и яснаго розказа, спрашиваль ее Хижевскій о малѣйшии подробности и велѣлъ не одно два раза себѣ повтаряти, чтобы только голоса ея наслухатися...

Точно — бесѣда безвинной души ровняется пѣнію ангеловъ, которое и для человѣка, провалявшего свою юность въ болотѣ общего разврата варшавского, пріятно звенить. Жаль — льстилъ его уху, однако сердца не трогаль...

Когда станули предъ маршалковскимъ шатромъ, выводили оттуду о. Іоанна, а современно роздался съ по-за портіеры повелительный голосъ Бѣржинского :

— Задержати до завтра и перевести его въ Габолтовъ, гдѣ съ нимъ тѣснѣйшее истязаніе переведется!

Оля отрѣшилася въ мигъ рамени ротмистра и съ голоснымъ плачемъ припала къ груди старика...

На то высунулась голова Бѣржинского изъ шатра :

— Кто тутъ плачетъ? Якое дѣло тутъ бабамъ? спросилъ сердито.

— Пане маршалку, позвольте мнѣ нѣсколько словъ на особности касательно той почтенной дѣвицы, — отвѣтилъ приступившій Хижевскій. Оба счезли въ шатрѣ.

— Пане маршалку, я пришелъ просити васъ, чтобы вы пустили свободно того попа.

— Невозможно, пане-брате, невозможно, — отвѣтилъ Бѣржинскій... То, что Несѣловскій въ протоколѣ подиктоваль, то пахнетъ бунтовничьимъ настроеніемъ духа со стороны того бородача...

— Несѣловскій есть — извинѣтъ — медвѣдь литовскій и онъ по медвежьему обходится съ людьми, — возразилъ Хижевскій. Онъ знаетъ только грубьянствами людямъ по-подъ носъ терти и хочетъ, чтобы ему то каждый терцѣль. Такъ и тутъ сдѣлалъ: влѣзъ въ приходство якъ въ корчму, даже шапки не снялъ, — го-

ворилъ къ священнику, якъ къ хлопцу, — и чтожь дивного, что старикъ, который къ тому есть шляхтичемъ, не допустилъ уразы на свой гоноръ и ровнымъ грошемъ ему отплатилъ? А того Несёловскій не любить и хотѣлъ бы съ противниками сейчасъ на шибилицу!

— То правда, — Несёловскій добрый воякъ, — но необтесанная колода... Но что вы кажете, то суть только ваши догадки, ибо вы при томъ не были!

— Правда, я не былъ, но слышалъ изъ усть, который еще ложи не знаютъ. Вотъ — та дѣвушка, внучка того священника, все мнѣ розказала. Она едва изъ дитинного вѣка выросла, — а дѣти и — пьяницы всегда правду говорятъ...

— Да, если еще хороши дѣти, то такій молодець, якъ вы, пане-брате, дались бы за ихъ слова убити, — насмѣшковался Бѣржинскій.

Тѣмъ не помѣшался Хижевскій, лишь продолжалъ:

— Возьмѣтъ то во вниманіе, пане маршалку, что уже вы одну погрѣшность нынѣ сдѣлали, именно — про тѣи волы...

— А чѣмъ же имѣлъ я ваши »мацьки« напхати, сѣчкою ли? — возразилъ гнѣвно маршалокъ.

— Было на поодинокіи села формальную контрибуцію розложити, а то вы забрали хлопамъ весь ихъ добытокъ, селяне будутъ буритись, а за ними всѣ окрестныи села, опасаясь подобнаго дѣла, стануть нашими врагами... Извольте внимати, что домашній ворогъ тысячекратно опаснѣйшій, чѣмъ ворогъ въ отвертомъ полѣ!

— Добре кажете, ротмистръ, — примѣтилъ мар-

шалокъ, — по сами признати изволите, что всякіи склонности къ бунту нужно въ зародышѣ притушати.

— Но бунтовъ еще нѣтъ, — возразилъ ротмистръ.

— Противно, — Несёловскій утверждаетъ, что видѣлъ, якъ хлопы кулаками грозили, а то навѣрно съ подущенія того попа!

— Слышали-ль вы, пане маршалку, чтобы панъ Михаль когда заяца убилъ? Онъ всегда чванится, что лишь съ самыми волками и медведями борыкался...

Тотъ концептъ надъ самохвальбою Несёловского розсмѣшилъ Бѣржинского такъ, что его толстое чрево затряслось.

— Впрочемъ — сообразѣтъ, пане маршалку, — кончилъ Хижевскій, — что наше движеніе оперто исключительно на раменахъ духовенства. Если вы въ самомъ началѣ священника униатского безосновно арестуете, отстрашите всѣхъ отъ нашей sprawy... Будутъ противъ насъ и попы, и хлопы, и коронное войско, и Москали; чтожь успѣемъ тогда? Намъ конечно нужно вліятельный клиръ вздолжь шерсти, а не противъ ней гласкати!

Послѣдній аргументъ, видно, наибольше повліялъ на Бѣржинского, ибо, послѣ недолгого намысла, сказалъ:

— Ваша правда, — благодарю за совѣтъ и слушаю его.

За минуту стояли оба предъ о. Щавинскимъ.

— Извинѣтъ, почтенный отче, — сказалъ Бѣржинскій, — что непорозумѣніе было причиною неприяности, якая васъ нынѣ навѣстила... Вы свободны, лишь прошу васъ, чтобъ вы своимъ вліяніемъ сдержи-

вали селянъ отъ всякихъ непріязныхъ подвиговъ противъ насъ, а въ моемъ имени можете ихъ увѣрити, что волю, нынѣ забранны, вознаградятся имъ, когда лишь гроши получимъ. Простѣтъ намъ и въ замѣну пріймѣтъ увѣреніе, что мы васъ почитаемъ...

О. Іоаннъ не могъ себѣ пояснити ту ненадѣянную перемѣну въ характерѣ Бѣржинскаго. Недавно обращался онъ съ нимъ, якъ съ простымъ злодѣемъ, теперь же намагался на самыя масенькіи слова. Якъ разительно!..

Но Оля вѣроятно скорше поняла, чья заслуга въ той перемѣнѣ... Она отслонила свое лицо и взоръ ея чорныхъ очей, на которыхъ еще слезы радости мовъ кристалъ блищали, лучше чѣмъ слова выразилъ благодарность пану Владиславу Хижевскому...

— Бѣржинскій дуракъ; въ него, якъ въ старую бабу, что-нибудь вмовишь, — а та дѣвчина красива... Ей Богу, можно въ ней naprawdę влюбиться!

Такии думки сновались въ головѣ ротмистра, когда очи его пристально свернены были на отходящую Олю, опершуюся на рамени своего дѣда.

— Моя дитино, — сказалъ о. Іоаннъ къ своей внучцѣ, — я радуюсь тѣмъ, что ты оказала нынѣ свою привязанность къ мнѣ, но — я вовсе недоволенъ, что ты на такой шагъ рѣшилась...

— Ахъ, дѣдуню, я сама боялась за себе, извинялась дѣвчина, но больше боялась за васъ... Я опасалась, что всѣ конфедераты подобны тѣмъ, которые васъ арестовали, но тотъ, который мене въ обозъ завелъ, былъ весьма чемнымъ и людянымъ... Онъ сейчасъ пріобѣщаль мнѣ, что за васъ пріймется у Бѣ-

ржинского и сдержалъ слово, ибо теперь вы свободны, дѣдуню!

— Моя Олю, слухай мене старого, — отвѣтилъ евященникъ тономъ поважнаго наставленія, — не довѣрай на-слѣпо никому!... Я увѣренъ, что между тѣми волокитами ни одного человѣка съ честью не найдешь, — а что касается того ротмистра... дивно мнѣ, что онъ на твои просьбы за мною вставился... Не замѣтила-ль ты сама, что онъ то не изъ чувства справедливости, а для другихъ скрытыхъ поводовъ сдѣлалъ?...

Оля покраснѣла и спустила въ низъ очи предъ пронизательнымъ взоромъ старика-дѣдуны...

IV.

Слѣдующей по розказанномъ здѣсь noci перемыкались чрезъ лѣсы, положенны между Солотвинами и Мохначкою, якіи-то люди, которыхъ въ непроницательной темнотѣ не можно было распознати. Только колись-не-колись полуголосное проклятво и внятное »форканье« коней заявляло, что то были люди съ коньми. Поступали они гусячимъ рядомъ повольно и съ частыми пріостановками, понеже передовець ихъ часто останавливался, чтобы вершкомъ ялицъ придивитись — мовь бы ними ориентоватись хотѣлъ. Чѣмъ дальше поступали, тѣмъ густѣйшій становился лѣсъ, тѣмъ частѣйше отрывистыи проклятія давали чутися.

— До сто региментовъ!... Яцку, въ пекло ли насъ ведешь? отозвался мужчина, идущій непосредственно за передовцеиъ.

— Не знамъ ищи, кады дорога до пекла, — отвѣтилъ той же коротко и холодно.

— Смотри, туда не возможно человѣку даже про- дертись, — даль опять чутися первый голосъ, по ко- торомъ познаемъ Якуба Гетмана.

— Кады панъ ротмистръ казавъ васъ вести, тады васъ веду, — извинялся Яцко.

— А не заблукался ли ты случайно въ дорозѣ? бо туда лишь волкамъ ходити!

— Видишь-ти (кажется), нѣтъ дотля, а дале — якъ Богъ дастъ.

То было слабое потѣшеніе для пана хорунжого, которого галузье ежеминутно по очахъ гласкало...

Еще якій часъ посувалась та колонна, но вконцѣ застрягла въ такой гушавинѣ смерекъ, что проводникъ едва туда пересмыкнулся, а послѣдующимъ стало почти невозможно и самымъ перейти, и коней за собою пе- ревести. Общее неудовольствіе проявилось въ голо- сныхъ проклятіяхъ и словахъ порицанія.

— За мною, — мы южъ на доброй дорозѣ, — успокоивалъ Яцко взволнованныи умы конфедератовъ.

Перебравшись съ немалымъ трудомъ черезъ до- вольно долгую просторонь реченной гущи, нашлись всѣ на малой поляницѣ.

Яцко, по-видимому, съ удивленіемъ поглядаль то въ-округъ себе, то по звѣздахъ, съ которыхъ нѣсколько видно было на тѣсномъ виднокрузѣ.

— Ну, ведижь насъ дальше, — чего стоишь? — воркнулъ нетерпеливо хорунжій.

— Та бо я не тутъ хотѣвъ васъ завести, — отвѣтилъ малодушно проводникъ, — я не могу полапа-

тись, гдѣ мы теперь!? Видно, что »блудъ« нами водить...

— А, ты насъ въ дурней пошилъ? — крикнулъ сердито Германъ, — тебе, хаме, кажется, свербять кости...

— Не гнѣвайтесь, пане, — успокоивалъ Яцко, — кедъ я сбочивъ зо стежки, то знамъ, же недалеко... Лучше розложите ту огонь и отпочиньте »кусь«, а я за тотъ часъ поглядаю дороги...

Якъ съ одной стороны не осталось ничего другого дѣлати, ибо, продолжая свой маршъ напомацки, могли бы гдѣ въ руки селянъ попастьись, съ другой же стороны всѣ были крайне утомлены: принято совѣтъ Яцка съ большимъ удовольствіемъ.

Въ мигъ наломали хворосту и росложили огонь, который яркимъ свѣтломъ озарялъ интересную группу. На небольшой просторони, окруженной густою смеречиною, всквозь которой и гадинѣ проползати тяжко пришло бы, увидѣлъ ты смѣшанныхъ въ одну пеструю купку людей, коней рогатый скоть и вьюки. А все рознородное: и физиогноміи, и крои одежи, и позиція, въ которой каждый себѣ коло ватры становище избралъ. Кто въ грубой бурцѣ съ капишономъ, кто въ изношенной чамарѣ; тотъ оперезанный шелковымъ поясомъ, которого поблѣдный цвѣтъ свѣдчилъ о древности его да и о лучшихъ временахъ ео властителя, — тотъ же ремнемъ, а другій таки попросту соломянымъ повересломъ, — кто накрытый четырехугольною шапкою, сей баранею кучмою, другій изветшалымъ капелюхомъ, тотъ ротягнулся якъ долгій, другій

сѣлъ на сѣдлѣ, тамтотъ оперся о коня, — а наконецъ иный присѣлъ »на кучки«, по свычаю цигановъ.

Еще замѣчаемъ на убочьи одну женьщину. Роспущенное темное волосье обвивало ея прекрасную шею и чрезъ рамена осланяло прелесть ея груди. Руки заломленные, спочивающіи безвладно на колѣнахъ, и бѣлое ея лице, которое отъ ежеминутно вспыхивающаго поломеня смертною блѣдостью отражалось, — свѣдчило объ отчаянномъ ея состояніи. Такъ сидѣла она неподвижно, смотря пристально впростъ себе, казалъ бы ты — бездушная статуя, изъ бѣлого мрамора сдѣланная, если бы конвульсійное дрожаніе ея устъ насъ не убѣждало, что въ ней тлѣетъ еще искра жизни...

Кто позналъ бы въ той несчастной женьщинѣ Фесю, пещеную единачку Ивана Сметаны?... Если бы ее теперь кто спросилъ, якъ она въ то старанное товарищество попалась, не зналабы она сама отвѣтити. Ей мовь то приснилось, что якіи-то люди вырвали ее изъ постели, накинули ей полотняный мѣхъ на голову и повлекли ее съ собою... Перестрашена — не имѣла даже силъ о помощь кликати... И повели ее въ темнотѣ — куда? не знала; не чувствовала даже болю, якій ей удары лѣсныхъ галузей наносили, — не чувствовала, что ей кровь изъ поцарапанныхъ ногъ и плечей текла, — не чувствовала стужи, якою осенній вѣтръ едва ослоненное тѣло ея обливала.

Изъ той апатіи вырвало ее на минуту одно приключеніе.

Ей казалось, что услышала знакомый себѣ голосъ, — милый голосъ Яцка Бреяна, о которомъ снила мило,

закѣмъ вражіи люди тотъ сонъ перервали ей — и съ тѣмъ убѣжденіемъ лучъ надежды оживилъ ей упалающаго духа. Но вдругъ овладѣла нею догадка, что Яцко находится въ средѣ той шайки, что онъ былъ проводникомъ тѣхъ разбойниковъ, что онъ навелъ тѣхъ хищниковъ на домъ ея отца, — и та гадка обвилась гадиною коло сердца ея и осушила слезы ея, — ибо измѣнникъ не достоинъ, чтобы о немъ думать...

О, не нарѣкай преждевременно, несчастная дѣвчино, на твоего любимца, ибо не знаешь о томъ, что онъ съ болю глубоко впялъ когти въ свою грудь, когда смотрѣлъ на твою недолю, — что черезъ цѣлую дорогу клялся: или тебе освободити, или самому погибнути...

И истинно такъ. Яцко Бреянъ, будучи свидѣтелемъ произшествій на храмъ въ Солотвинахъ и клятвы, которою оба конфедераты на Сметанѣ отомститься грозили, намѣрялъ — пристати къ конфедератамъ. То не трудно ему пришло, такъ якъ онъ, проводя Хижевскаго и его товарища, умѣлъ во время дороги имъ приноровитись, а съ другой стороны — молодой и сильный хлопъ, обознанный съ окрестностью, при томъ проявляющій прозорливость и досвѣдченіе, былъ для конфедератовъ весьма пожеланнымъ. Тѣмъ чиномъ надѣялся онъ не безъ основанія, что прійдетъ скорѣе къ свѣдѣнію обо всѣхъ затѣяхъ, якіи бы противъ дорогаго ему семейства Ивана Сметаны ковались.

Но несчастьемъ — обманулъ онъ себе. О выправѣ въ Солотвины напередъ не зналъ онъ ничего, а когда дознался, не осталось ему ни времени, ни средствъ, чтобы въ неподозрительный способъ Сметану

предостерегчи. Еще надѣялся, что въ дорозѣ, или во время самого напада поддастся ему який счастливый случай, посредствомъ котораго могъ бы намѣреніе конфедератовъ цѣлкомъ или по-части уничтожити. Но и то не сбылось. Хорунжіи велѣлъ ему въ лѣсѣ предѣ Солотвинами при коняхъ остаться — вмѣстѣ съ другимъ конфедератомъ, который зоркимъ окомъ его слѣдилъ, чтобы нигдѣ не отдалялся.

Такъ не осталось ему ничь, лишь терпеливо ожидать успѣха выправки конфедератовъ и по тому обдумати, что дальше дѣлати подобаеть.

Онъ думалъ, что они намѣряли лишь обработати домъ Сметаны, но якъ же ужаснулся, когда увидѣлъ свою любимую Фесю въ рукахъ хищныхъ враговъ! Тутъ предпринялъ онъ, во чтобы то ни стало, освободити ее и раздумывалъ лишь надъ способомъ. Первая счастливая гадка его была: не датись увидѣти Фесѣ, чтобы она случайно не сдрадила ихъ отношеніе и въ подозрѣніе его не ввела, — а вторымъ послѣдствіемъ его плана было, что мы видимъ теперь конфедератовъ по-середѣ непроходимой гущавины — и когда они разложились къ отпочинку, Яцко, подѣ предлогомъ выгяданья дороги, исчезъ.

— Горѣлки давай сюда! — крикнулъ хорунжіи. — По такой борьбѣ она милѣйша, чѣмъ молодая коханка...

— А особенно по такъ успѣшной выправѣ, — прибавилъ его сосѣдъ.

— Въ руки ваши, пане Валентій! — Славная горѣлка!

— Га!... когда славная — отвѣтилъ Валентій, —

то выпью за здоровье того, который ее для насъ въ коморѣ переховаль... До васъ, пане брате!

— Чорта выпійте за его здоровье, — возразилъ съ досадою Якубъ Германъ, — когда псу-братъ не былъ дома!

— Тѣмъ лучше для насъ, — замѣтилъ кто-то.

— Якъ то лучше, когда я намѣрялъ заходящій между нами долгъ на его хлопской шкурѣ поквитовати?!

— Не сквитоваль васъ своею шкурою, то сквитоваль васъ грошми и чѣмъ попало. Якаяжъ вамъ кривда? — замѣтилъ другій.

— А честь ему належится, что умѣлъ складати золотыи, червонцы и таляры, а даже сороковцы, — добавилъ опять одинъ изъ богатырей.

— Станетъ тамъ на якое-то время проигрывать, пане Мацѣю, — зарвалъ съ насмѣшкою его сосѣдъ.

— Стережѣтся, чтобы вы еще не проиграли, — отвѣтилъ Мацѣй.

— А ну, попробуймо, чья правда будетъ?

— Добре, попробуймо — на счетъ участи, якая намъ въ подѣлѣ достанетъ...

Въ той минутѣ одинъ изъ нихъ распростеръ на земли чапракъ, другій кинулъ кости и началась игра.

Когда одни въ-округъ игроковъ скупились, другіи розвлекались поговорками и горѣлкою.

— Якъ есть, такъ есть, — выправа наша славно удалась, — сказалъ съ удовольствіемъ хорунжій тише, — такъ что песь о ней не завываетъ... Тихцемъ подобрались, якъ подѣ Москаля, — да и хорошо мы обловились...

— Будеть ротмистръ нами доволенъ, — замѣтилъ другій.

— То вѣрно, а наибольше, что мы вотъ тую пташку словили, — засмѣялся хорунжій, показуя люльку на Фесю...

Вкусная печеня на зубы Хижевского, — примѣтилъ одинъ.

— По которой намъ хотя облизатись останется...

— Якая шея у ней — якъ у гуски!

— А очи — якъ у серны!

— Бузяки — якъ разъ къ поцѣлую!

— Груды — якъ разъ къ пригортанью!

Такими словами разбирали развратныи конфедераты виѣшность несчастной дѣвчины, которая, будучи не въ силѣ выдержати погляды ихъ жадныхъ очей, руками себѣ лице закрывала...

— Тихо, дитино, — успокоиваль ее одинъ съ циническимъ усмѣхомъ, приступивши къ ней ближе, — не бойся! Каждая дѣвчина съ начала дика и норовиста, но каждая освоится... Вѣрь намъ, что мы не одну уже обуздали!

И вся череда гукнула гомеричнымъ смѣхомъ въ нагороду грубого остроумія своего товарища.

Похожимъ розговоромъ, лишь въ другихъ нюансахъ, забавлялись всѣ дальше.

— Нашего Яцка долго не видно, — примѣтилъ одинъ.

— Кажется, что мы далеко съ дороги сбились...

— То бы ничего, доложилъ иный, но опасатись належить, чтобы онъ намъ какой штуки не выстроилъ... Я Русину никогда не вѣрю!

— Чтожь намъ дуракъ можетъ сдѣлать? Изъ лѣса мы выйти должны, но якая-то нечистая сила гдѣ-то рушилась, ибо кони уха насторошили...

Всѣ оглянулись. Истинно, кони заявили какое-то безпокойствіе.

— Може волка гдѣ почули?

— Волкъ огня боится, — но мнѣ причулся лай собаки...

— Я слышу воюю дыма, такъ что въ носѣ мнѣ закрутило...

Еще не докончилъ, когда ненадѣйно всѣ кони кинулися отчаянно въ лѣсъ, съ сѣдлами и вьюками, а за ними слѣдовалъ рогатый скотъ съ рыкомъ, которому якій-то необыкновенный шумъ, трескъ и свистъ акомпанёвалъ... Всѣ конфедераты сорвались отъ ужаса изъ мѣстъ, только два игроки не замѣтили ничего.

На то надбѣгъ задышанный Яцко.

— Панове, утѣкайте, кому житье миле! — закричалъ онъ такъ отчаяннымъ голосомъ, что ужасъ конфедератовъ дошелъ найвысшей степени...

— Что такое? — спросили всѣ.

— Хлопы изъ Солотвинъ слѣдятъ за нами съ псами!.. Я видѣлъ ихъ, вшитки съ колами и вилами, мало не цѣлое село ихъ! Теперь они подпалили лѣсъ въ-около, жебы насъ выкурить, якъ лиса съ норы!..

Поломень, бухающая изо всѣхъ сторонъ, и великій дымъ, подтвердили слова Яцка...

— Тады, кады быдлыта побѣгли, и намъ бы втѣкати! — совѣтовалъ Бреанъ. — Звѣрина мае свѣй розумъ, лѣпшій часомъ, отъ нашего — а нѣ, то живцемъ спечемеса!..

Истинно лишь то одно мѣстце было отъ поломени свободно, хотя и тутъ дымъ розстелялся и отдыхъ уже давилъ... Всѣ кинулись въ указанную сторону. Густая смеречина не препятствовала имъ въ бѣгствѣ предъ опасностью жизни!

— Дѣвчину ратуйте! берѣть ее, Мацѣю, съ собою! — командовалъ хорунжій.

— Я первый до ратованья! — отвѣтилъ игрокъ, держа еще кости въ руцѣ и — счезъ за прочими въ гущавинѣ...

Не осталось хорунжому ничего, лишь самому быть спасителемъ несчастной дѣвчины. Но онъ — на-шелъ печально съ ея стороны сопротивленіе.

— Волю сгинути, якъ дальше межъ вами оставати, — возразила она рѣшительно.

— Дѣвчино, имѣй разумъ! — убѣждалъ Германъ, — видишь, что огонь коло насъ!

Истинно огонь охватилъ уже ближайшіи дерева. Хорунжій приблизился къ ней, чтобы ее вывести — но дѣвчина съ дикимъ взоромъ поглянула на него.

— Рушай себѣ, поганый, бо очи тебѣ выдру!

— Ради Бога святого, — послѣдняя уже минута! — крикнулъ Германъ и, закрѣмъ Фесю опертись могла, обнялъ онъ ее крѣпкими руками въ полъ и ско-чилъ съ нею въ слѣдъ за другими. Но не знати, якимъ дѣломъ мелькнула ему по-передъ очи тлѣющая го-ловня, — дымъ заперъ ему отдыхъ, — онъ хватился за груди и — Феся выпала ему изъ объятій. Закрѣмъ онъ свободнѣйше отдыхнулъ, уже не было ея коло него, лишь казалось ему, что якая-то бѣлая одежда отразилась секунду въ большой поломени...

— Пропала дѣвчина! — подумалъ себѣ хорунжий; — что скажетъ Хижевскій на то?.. Смотри пане Якубе, чтобъ ты самъ не пропалъ!

Нѣтъ, не пропала дѣвчина. Съ противной стороны отъ той, въ которую конфедераты спасались, выбѣгъ якій-то человекъ изъ горѣющаго лѣса. Голова его была окручена дергою да обсмалена была отъ огню. Въ рукахъ держалъ по-передъ себе якій-то долгій предметъ, обвинутый въ чугу. Станувши на чистомъ мѣстѣ, положилъ тягарь легко на землю, снялъ покрывало съ головы, отдохнулъ нѣсколькократно глубоко, потомъ оглянулся на горѣющій лѣсъ, будто бы хотѣлъ измѣрить опасность, которую перебылъ, а вконецъ сказалъ: »Слава Тебѣ Господи« — и перекрестился богоговѣнно.

Зарево лѣсового пожара освѣтило лице того человека и мы познали въ немъ Яцка Бреяна.

— Жива ли она?.. — спросилъ онъ дальше и нахилился надъ тѣло, лежащее у его ногъ. Долго вдивлялся онъ въ блѣдое лице дѣвчины и прислушивался отдыху ея.

— Жива!.. — сказалъ онъ радостно. — Счастье ваше, панове конфедераты, што ся ми удало выдобути изъ вашихъ пазуровъ отъ-сю половину души моей!.. Я бы не живъ безъ ней, але и зъ васъ бы не »дуже« (много) зѣстало.

— Не ма часу дармо тратити, — продолжалъ онъ; — тебе, любко, треба бы ищи за-темна спрятати... Но де?..

Гдѣ? Онъ недолго надъ тѣмъ раздумываль...

— До отца твоего назадъ? Выслѣдятъ вороги; нѣтъ для тебе теперъ мѣстца, хоть и въ рѣднѣмъ домѣ... Га, до моей матери, — въ мой домъ! Тамъ буде тобѣ безопасно! Конфедераты будутъ за тобою слѣдити — Богъ зна' кады, — а ты подѣ самымъ носомъ ихъ причаишься! Отца твоего я заразы успокою... Такъ допоможь-же ми, Пречистая Мати Избянска, — якъ Ты дотля мнѣ допомагала!..

И онъ обвинулъ бережливо безчувственную Фесю въ свою чугу, чтобы отъ осенняго вѣтра ее предохранити, — обвязалъ ее вполъ тѣла долгимъ ремнемъ, котораго концы себѣ коло шеи застягнулъ, руками же поддерживалъ ея ноги и голову — и такъ понесъ свой дорогій тягаръ въ направленіи къ Избамъ.

— Съ конфедератами не встрѣчусь, — думалъ онъ себѣ по дорожѣ; — моя штука удалась якъ наилучше и они разбѣглись на четыре вѣтры... Въ перестрахи они не видѣли, што страна, въ котру я имъ утѣкати казавъ, цѣлкомъ противно отъ Избъ лежитъ! Або чи я мѣгъ бы выворожити себѣ, што невинная моя забавка — наслѣдовати голоса звѣрины — придастся мнѣ да-коли въ житью? А днесъ ничъ такъ имъ не нагнало страха въ пяты, якъ гавканье собакъ, котре почули! На злодѣю, шапка горить...

Въ такихъ думкахъ не шель, а бѣжалъ онъ впередъ. Не препятствовалъ ему въ томъ ни тягаръ дѣвчины, который, въ отношеніи къ его великанской силѣ ровнялся тяжести дитины на рукахъ няньки, — ни темная ночь, такъ якъ онъ въ молодости пріучился, кромѣ звѣздъ на небѣ, якимъ-нибудь корчемъ ориен-

товатись, — и не было стежки въ лѣсахъ, которой бы онъ — такъ сказати — на слѣпо не зналъ.

Часами лишь усълъ онъ для отдыха и прислушивался, не дасть ли Фесея объява самосознанія. Но то не сбылось. И онъ опять спѣшилъ, поглядая къ востоку, долго-ли еще до дня и удастся ли ему добитись къ своей хатѣ, безъ встрѣчи съ якимъ чловѣкомъ.

Удалось ему. Вправдѣ — начало уже шарѣти на востоцѣ, но онъ тѣмъ не безпокоился, такъ якъ домой уже далеко не было, но густая осенняя мрака залегла горы, такъ что подъ ослоною ея спустился въ село; еще тихо было въ селѣ, никто не сворушился, когда Яцко заколталь къ дверямъ низкой хатины. Такъ якъ та стояла на сторонѣ за другими хатами, то ни собака своимъ лаемъ не открыла необыкновенного странника.

— Кто тамъ? — озвался голосъ изъ внутри.

— Пустьте, мамо! — прошепталь полуголосно Яцко, приложивши уста къ щелинѣ въ окнѣ.

На тотъ голосъ, дряхлая старушка отворила двери. — Про-Богъ святой, Яцку! — удивлялася она, забывши даже поздоровити своего сына, — откале ты такъ вчасно? Яку мару ты влечешь?..

— Тихше, мамонько! Все вамъ росповѣмъ, демъ не гварьте ничъ о томъ людямъ, — а хочьбы кто вывѣдывался у васъ, чи я ту былъ, то »сциганьте« просто въ очи... Богъ милосердный отпуститъ вамъ тотъ грѣхъ...

— Ахъ, жебысьте знали, — доложилъ Яцко, опуская Фесею на постель, — се дѣвчина, котру я

съ помощью Бога и Его Пресвятой Матери конфедератамъ выдержъ! Стережьте ю, мамонько любя, якъ ока вашего, храните ю, якъ счастья вашей дитины, бо якъ ю страчу, то — чую не стане вамъ сына...

Порозумѣла его старуха и, вмѣсто отвѣта, пригорнула голову его къ своимъ грудямъ, которыи онъ теплыми слезами оросилъ...

— Будь спокойный, сыну, я укрую ю въ коморѣ, бо до хижи мѡгъ-бы хочъ-кто зазрѣти! А-же передъ никѣмъ не вымовлюся, ну, знашь, што твоя доля менѣ на сердци...

И молчки сѣли они — мати и сынъ — при постели, на которой безпамятная дѣвчина спочивала. Лишь разъ отворила она очи, безъ цѣли блудила ними по хатѣ, но, едва ея взоръ палъ на Яцка, закрыла себѣ долонью лице...

— Фесю любя, — молилъ Яцко, — хотя разъ глянь на мене, на Яцка — чи не спѡзнала мене?

— Ты былъ съ розбишаками, — прошептала дѣвчина...

— Но ктожь важивъ житье свое, штобы тебе изъ ихъ пазурѡвъ вырвати, якъ не я?.. Не тямшь ли, якъ я »скрезъ« огонь съ тобовъ утѣкавъ?..

Кажется, что поняла его, ибо очи ея еще разъ подивилися на него — и усмѣхъ, которого значеніе только любящися сердца порозумѣти могутъ, заигралъ коло ея блѣдыхъ устъ... По томъ опять попала она въ безчувственность, — щеки розгорѣлись, горячій потъ выступилъ на ея чело, а языкъ ея началъ бредити несотворенное...

Поручивши своей матери еще разъ якъ наибольш-

шую осторожность, побѣгъ Яцко въ обозъ конфедератовъ.

Не удалась выправа. Отдѣленіе, высланное подъ предводительствомъ хорунжого — будто на реквизицію провіанта — по окрестныхъ селахъ, вернуло въ большомъ безпорядку. Каждый изъ нихъ верталъ поодиночки, — не случилось ни одному съ товарищемъ увидѣться. Кто нашелъ своего коня, тотъ вернулъ верхомъ, а другіи пѣшки, но всѣ принесли на поцарапанныхъ лицахъ и осмаленномъ волосы полны доказательства ночного приключенія. Кони потеряли вьюки и сѣдла, нѣкоторые изъ нихъ такъ тяжко повредились, что стались неспособными къ военной службѣ, а изъ скота, присвоенного себѣ отъ Сметаны, нашлось едва пару штукъ. Несмѣло стануль хорунжіи предъ Хижевскимъ, чтобы свой докладъ о выправѣ сдѣлать. Ротмистръ былъ тогда весело расположенъ.

— У Сметаны вымели мы все до чиста, — рапортоваль Германъ.

— Добре хаму! — отвѣтилъ лаконично ротмистръ.

— Но его самого не было дома...

— Кто имѣеть висѣти, тотъ не утопится, примѣтилъ холодно Хижевскій.

— Его прекрасную дочь мы похитили...

— Добре, придасться кому, — воркнулъ равнодушно Хижевскій.

— Никто насъ не видѣлъ, все тихцемъ сталося...

— Хорошо, — я такъ вамъ повелѣлъ.

— Въ поворотѣ случилась намъ бѣда...

— Якая?

— Вооруженны хлопы слѣдили за нами, чтобы отбити отъ насъ добычу...

— Было ихъ нагаемъ потягати!

— Невозможно было, ибо мы ихъ — не видѣли, ни они насъ, — объяснилъ хорунжій и розказалъ приключеніе подробно.

— Кони бѣжали, скоть розбѣгся, вьюки потерялись, — кончилъ Германъ свой докладъ.

— Пойдете еще разъ на реквизицію — и то сегодня, перервалъ холодно Хижевскій.

— И — Феся исчезла, — прибавилъ несмѣло хорунжій...

— Най идетъ себѣ къ бѣсовой мамѣ! — сказалъ ротмистръ нетерпеливо.

Хорунжій отъ удивленія очи выбалушилъ. Да ему не было еще извѣстно, якіи гадки роились по головѣ Хижевского съ вчерашняго дня...

У.

— Нѣтъ, Ваню, самъ не пойдешь! Лѣзти самому въ лабы тѣмъ невѣрамъ — было бы не мудро; знашь, што они острый зубъ на тя мають! Но такъ зробиме; я пойдю найперше самъ въ село и вывѣдаюсь о вшиткѣмъ. Яцко Бреянь, мѣй сестрѣнецъ, теперь коло конфедератѣвъ отираеся, то онъ буде знати, чи твоя дѣвка при нихъ, чи нѣтъ! Чи сякъ, чи такъ выпадетъ, достъ намъ часу буде — обмыслити, где обернутися тебѣ прійдетъ, а дальше сдаймо на Бога!

— Робъ, якъ хочешь и якъ знашь, Андрѣю, бо

менѣ южъ мозогъ высохъ отъ старунку, — сказалъ Иванъ...

— А ты — продолжалъ Андрѣй Ванько, — заждешь на мя тутъ; наилучше въ корчмѣ на Фрицкомъ пути, — то незаходна буда! Тамъ за годину або за двѣ я прійду. Дасть Богъ, што добрую вѣсточку тебѣ принесу, лемъ не фрасуйся по-даремници, бо тымъ себѣ не поможешь! Будь здравъ!.. Но... ба!.. Якъ бы ты видѣвъ где конфедератѣвъ, то спрячса! Лучше бѣду обѣйти, якъ ей на ослѣпъ пхатись! Ищи разъ будь здравъ, — доложилъ онъ, сжавши искренно руку своего друга — и отдалился.

Долго стоялъ Иванъ Сметана на мѣстѣ, извѣсивши голову. Онъ можетъ быти, не замѣтилъ, что Андрѣя при немъ уже не было.

По истеченіи долшей минуты поднялъ онъ голову, оглянулся въ-округъ себе, потеръ чело, якъ бы пригадывалъ себѣ, гдѣ онъ, съ кѣмъ бесѣдовалъ и якіи былъ предметъ бесѣды его.

Тяжкое горе завладѣло душею Ивана... Когда онъ далъ читати акафистъ до св. О. Николая въ часовни на Легнавскихъ поляхъ, и свѣчи жегъ предъ иконою тогожъ Чудотворца, чтобы за его заступничествомъ Богъ отъ вороговъ его охоронилъ; — когда онъ тамъ поклоны билъ и молился съ Закхеемъ: »Аще кого обидихъ, четверицею воздамъ«, — тогда онъ не почувствовалъ, въ якомъ разореніи найдетъ свое хозяйство при возвратѣ домой...

Когда бо онъ сближался къ своему дому, не вышла, якъ обыкновенно, ему Фесея на встрѣчу, чтобы съ дитинною преданностью повиснути на шеѣ своего

отца и съ шутливымъ любопытствомъ перешатрптит его карманы за гостинцемъ изъ богомоля... Лишь се-стра его и ея дочь Феврося встрѣтили его съ засле-зенными очами...

— Где Фесея? — спросилъ онъ...

Плачь обохъ женщинъ былъ единственнымъ от-вѣтомъ...

Якъ ночной нападъ сбился, никто не зналъ ис-толковати, никто не замѣтилъ приближенія розбойни-ковъ, ни съ домашнихъ, ни изъ сосѣдей, такъ якъ всѣ спали первымъ сномъ, — лишь одинъ сосѣдъ за-слышалъ, что собака залаяла и сейчасъ притихла... На другій день найдено собаку неживу съ розмяжен-нымъ лбомъ... Когда обѣ женщины пробудилися, на-шлись въ рукахъ якихъ-то чужихъ людей, который имъ уста полотенцами завязали, головы веретами окру-тили, ноги и руки связали... Тѣмъ чиномъ отнята имъ были возможность — кликати помощи, или, по край-ней мѣрѣ, злодѣевъ познати. То само сталось и съ че-лядью. Нескоро замѣтили сосѣди, что якая-то зловѣ-щая тишина загосподствовала въ домѣ Сметаны, а ко-гда посѣтили солтыство, нашли все — якъ по войнѣ! Дылины выняты, скрини порозбиваны и выпорожнены, предметы меньшей цѣнности пороскиданы, скота ни одного не нашли въ стайняхъ — съ исключеніемъ овецъ, который нетерпеливо бляели, что о нихъ го-сподарь позабылъ. Пустились люди за грабителями, — слѣдили ихъ далеко по недоступнымъ лѣсамъ, обошли въ-округъ дымящейся лѣсъ, изъ которого слѣды копытъ и ратиць перетинались во всѣхъ направленіяхъ, такъ что не знати было, куда обернутись, но тщетно; до-

знались отъ людей изъ сосѣднихъ сель, что конфедераты переходили поодиначки надъ раномъ то полями, то лѣсами, — что тамъ поймали сполошенные кони съ сѣдлами и познали, что належать конфедератамъ, — и та вѣсть велѣла догадываться зачинщиковъ ночной грабежи. Въ томъ убѣжденіи утвердила ихъ сгадка за ночную сцену съ двома конфедератами во время праздника у Сметаны, во вторыхъ же то обстоятельство, что между нѣсколькими штукаами скота, убѣгшого изъ горѣющаго лѣса инстинктивно въ домъ, былъ такожь и молодой лошакъ, но осѣдланый правильно и накрытый чапракомъ, уже изветшалымъ, на котораго рогахъ вышитъ былъ польскій орелъ. Видно, что властитель того сѣдла узналъ за удобно, замѣнить заразъ на мѣстци и съ пользою своею исхудалую свою шкапу за быстроногого лошака.

Не сомнѣвался и Иванъ Сметана, что то рыцарское дѣло имѣло своихъ мастеровъ въ средѣ реченныхъ спасителей ойчизны. Тамъ нужно было ему глядати своего имѣнія, а важнѣйше — своей любезнѣйшей дочери... Сгадка за нее и воображеніе печаливаго сердца, что ея невинность выставлена на тяжкое испытаніе среди людей, которыхъ познати онъ имѣлъ случайность у себе дома, — то погрузило его въ глубокое уныніе и безчувственность и заставило его даже горько заплакати...

Наразъ сорвался Иванъ. Первое впечатлѣніе горя ослабило и уступило мѣстце холодному соображенію. Онъ подаль молчки руку поочередно соболѣзующимъ сосѣдамъ, махнулъ головою сестрѣ на пращаніе и пустился въ дорогу. Никто не смѣлъ спросити его —

куда идти. — Да, онъ учепился только одной гадки — идти въ лагерь конфедератовъ, опиратися на своемъ правѣ отцевскомъ, требовати выдачи своей дочери и отъ начальника ихъ желати наказанія виновниковъ. Неопытный! Онъ въ тяжкомъ горю позабылъ, якъ конфедераты понимаютъ отцевскую власть и якъ почитаютъ право собственности...

Въ такомъ намѣреніи спѣшилъ онъ въ Избы, но на счастье — надъ самымъ селомъ догналъ его Андрѣй Ванько, который такожь туда ишелъ. Долго разговаривали оба друзья о сбывшемся несчастьи, долго раздумывалъ Андрѣй, а вконцѣ поддалъ ему послѣдній совѣтъ, якій съ начала сего отдѣленія уже знаемъ.

За его порадую отмѣнилъ Сметана направленіе. вмѣсто къ Избамъ, пошелъ онъ чрезъ лѣсъ на-впростоцъ къ низенькой хижѣ, которая стояла въ лѣсѣ на границѣ между Фричкою и Избами, на дорожѣ, ведущей въ Угры. То была условленная корчма.

На порозѣ ея стоялъ жидъ — властитель той корчмы. По лохмотяхъ его одежи узналъ ты, что еще не имѣлъ времени разбогатѣти, или нарочно свое убожество на показъ выставялъ, чтобы тѣмъ дѣломъ не дати повода людской алчности.

— Не ма тамъ кого въ хижѣ? — спросилъ Иванъ.

— Ну, кто бы тутъ имѣлъ быти? Ту такъ рѣдкій гость, якъ золотый на пути! Можете себѣ ѳпочати выгѣдно, попоѣсти и выпити... Вино, горѣлка файнъ!

При послѣднемъ словѣ еврей цмокнулъ, чтобы

Ивану побольшити вкусъ. Но не то было въ головѣ Сметаны.

— А не вертятся ли тады конфедераты? — спросилъ Сметана.

— Конфедераты?.. Што имъ за бѣда до бѣднаго жидка? Вчера перешло туда кѣлькокохъ но не вступили до мене, хотя вино имѣю просто изъ самого Уйгеля. Слышалъ я, што самъ маршалокъ, ясный панъ Бѣржинскій, поѣхалъ въ Габолтовъ и тамъ будетъ бывать. Ну, такому пану, по-правдѣ, лучше въ каменницѣ спати, якъ въ обозѣ, въ дѣравѣмъ шатрѣ! Онъ къ тому не привыкъ.

Иванъ еще вагался вступити въ корчму; онъ оглядался напередъ и въ округъ себе. Жидъ съ подлѣбья поглядаль по немъ и по видимому хотѣлъ проникнути поводъ его нерѣшимости.

— Жидку, я бы тутъ просидѣвъ часочокъ у тебе, — отозвался въ концѣ Сметана, лемъ жебысь мене завчасно перестерегъ, якъ бы ту конфедератѣвъ бѣда наднесла! Я бы не хотѣвъ тыхъ зяволоковъ на свои очи видѣти! За услугу я тобѣ заплачу, што не будешь на мя нарѣкати!

— То легко сробится, — уфъ майне мунесь, — божился жидъ. Сядете сой (себѣ) при отвореннѣмъ ѡкнѣ. Якъ бы я увидѣвъ съ далека конфедератѣвъ, сейчасъ дамъ вамъ знати — и вы ѡкномъ чмихъ въ лѣсь! Тогда пропавъ козакъ, — гони его, якъ вѣтеръ въ поли...

Иванъ вступилъ въ корчму. Жидъ поставилъ предъ нимъ збаночокъ съ виномъ, потомъ вышелъ предъ корчму, чтобы подстерегати сближеніе конфедератѣвъ,

а больше — чтобы якого подорожного въ корчму приманити.

Не долго онъ ждалъ. Со стороны Угорщины узрѣлъ онъ якого-то человекъ, который повидимому боялся середины дороги, а шелъ лишь краемъ лѣса. Бережливо оглядался онъ на все стороны — якъ тотъ, который опасается якой напасти. Жидъ, непостереженъ отъ него, далъ ему предъ самую корчму подойти, по чемъ выбѣгъ ненадѣйно.

— Прошу, мой ласкавый пане, загостити до мене! Вино, горѣлка у мене, якихъ и нашъ рабинъ не пьеть!

Подорожный заслужилъ вполне на титулъ »пана« въ той окрестности, убогой панами. Одѣтъ былъ онъ въ бурку изъ сѣрого грубого сукна, якая въ холодной осени придатна ему была — и баранья шапка на головѣ соответна была, а чорный сподни изъ тонкой матеріи, высувающійся изъ-подъ бурки поверхъ холявъ, свидѣтельствовали о лучшемъ матерьяльномъ состояніи ихъ властителя; а если бы еврей былъ у него узрѣлъ еще шкуряный чересь, якъ казалось, полно набитый, былъ бы не залишилъ до »пана« и »ясно-вельможного« додати.

Подорожникъ недовѣрчиво обмѣрилъ жида очами.

— Не волочатся ли туда конфедераты? — спросилъ онъ.

Жидъ такъ само отвѣтилъ, якъ Сметанѣ на тотъ самъ вопросъ.

— Бѣржинскій въ Габолтовѣ? — задумался незнакомецъ, выпустивши изъ устъ съ якою-то неспо-

койною торопливостью тотъ вопросъ, но вскорѣ полагался, когда узрѣлъ любопытствомъ сверкающіи очи жида.

— Ну, а чегожь пану бояться конфедератовъ? — спросилъ жидъ.

— Видишь, — между ними есть различныи дуди. Я ходилъ въ Бардіевъ на волы, — не купилось; мой товарищъ занедужалъ въ дорожѣ, — я не могъ воза достати, а самому опасно вертати...

Истинно, онъ наружностью своею былъ довольно похожъ на торговельщика волами.

— У мене не имѣете чего бояться, — успокоивалъ его жидъ; — на случай, окно отворено къ лѣсу... Якъ бы кто приближался, есть куда бѣжати въ гушавину, а тамъ вы уже безпечны...

— А нѣтъ ли кого въ корчмѣ? — спросилъ еще чужинець.

— Еще одинъ хлопъ, »Руснакъ« изъ бискупщины. Онъ якій-то не свой; кажется, что и ему конфедераты надоѣли, ибо ихъ назвалъ заволоками и разбойниками...

— Добре, кончилъ пришелець; я отпochну у тебе, ибо я и такъ еще на-тще. А ты стережи на дорожѣ и дай мнѣ сейчасъ знати, еслибы кто подозрѣнный надходилъ. На задатокъ нагороды за твою услугу имѣешь тутъ —

И всунулъ жиду въ руку монету. Жидъ въ колъна ярмуркою поклонился, ибо почувствовалъ въ рукахъ по объемъ той монеты, что то былъ таларъ.

Иванъ Сметана сидѣлъ, подперши голову, такъ недвижимо и въ той самой позиціи, въ которой его шинкаръ оставилъ. Вино въ збаночку стояло нетронутымъ.

— Слава Іисусу Христу! — поздоровилъ его пришелець,

Иванъ махиально поднялъ голову, отвѣтилъ обыкновенно и опять попалъ въ давнюю задуму.

Жидъ, оставивши збанокъ и чарку на столѣ, отдалился. Незнакомый вынялъ люльку. Слѣдовало долгое молчаніе, во время которого пришелець нѣсколькократно оторвалъ свой взоръ отъ густыхъ клубовъ люльчаного дыму, чтобы Ивану придивитись.

— Вы, газдоньку, чего-то зажурились? — зарвалъ незнакомецъ.

Иванъ не далъ отвѣта.

— Газдо! Я до васъ говорю, чи чуете? — спросилъ онъ еще разъ и трутилъ съ легка нашего солтыса по руцѣ.

Иванъ поднялъ очи и стрѣтился со взоромъ незнакомца, который съ добродушнымъ усмѣхомъ ожидалъ отвѣта. Но Сметана и теперь еще ничего не сказалъ, лишь глубоко вздохнулъ.

— Что вамъ, газдоньку, такъ сердце обременило? Вѣдай якій тяжкій камень, когда даже вина не покоштовали?

— Ой, тяжкій, паноньку, тяжкій! Бодай Богъ каждого человекъ отъ того заваровавъ (сохранилъ), — промовилъ Иванъ.

— Ну, выпейте чарку; »вино веселитъ сердце человекъ.«

— Знаю о тѣмъ, пане, бо мало не цѣлый псал-

тырь на память умѣю; веселить, но въ бѣдѣ не поможетъ...

— Уже хотя на початокъ доброе вино, — совѣтоваль незнакомый, — когда розвеселить, ибо тѣмъ насъ отъ отчаянія охороняеть, — а о помощь надо удатись прежде къ Богу, послѣ къ людямъ...

— Богъ высоко, царь далеко, — востхнулъ Иванъ, — а люди, отъ, якъ люди!

— Но, но, сосѣде, — понукнулъ незнакомецъ, — вино дebre, а мы сидимъ, якъ бы оба гнѣвались!

— Но жебысьте не гварили, што я мамъ гнѣвъ на православного христіанина...

— И на Русина, якъ вы, — добавилъ незнакомецъ.

— Такъ? То тѣмъ радиѣйше выпью съ вами. Дай Боже здравья!

— Дай Боже и вамъ, — чтобъ журбы посбылись!

Не минуло и четверть часа, а уже Иванъ и незнакомый бесѣдовали, якъ бы двадцать лѣтъ знали. Помалу высповѣдался селянинъ изъ своей бѣды.

Незнакомецъ слушалъ внимательно, вконцѣ спросилъ:

— И чтожь вы теперъ намѣряете дѣлати?

— Абожь я знамъ? Я мышлю, чи не добрѣ такъ буде, жебы ийти до конфедератѣвъ и потребовати ѡтъ нихъ, штобы менѣ дѣвку отдали, бо я ей отецъ! Кедь-же нѣтъ, то я пѣйду до ихъ маршалка. Онъ не ма позваляти своимъ людямъ, штобы они надъ бѣднымъ хлопомъ сбытковались! Но одинъ мѣй пріятель казавъ ми ту ждати на себе, а самъ пѣшовъ до Избѣ

провѣдаться, чи доправды дѣвка моя въ ихъ неволи, а потомъ маме ся обратити, где помочи глядати...

— И я вамъ то само совѣтую, — замѣтилъ незнакомецъ, — чтобы вы до маршалка Бѣржинского удались а онъ сдѣлаетъ вамъ справедливость, — тѣмъ скорше, что я за вами ходатайствовать буду...

— Вы, паноньку? Най вамъ Богъ то слово озолотить!

— Но въ замѣнъ за мой трудъ — сдѣлаете мнѣ одну прислугу.

— Хотя бы казали, штобымъ собѣ руку оттявъ, отъ ту мате, — кликнулъ Сметана, и въ доказательство того положилъ обнаженную по локоть руку на столъ. Незнакомецъ принялъ съ усмѣхомъ удовольствія тотъ отвѣтъ.

— Того не требую отъ васъ, — сказалъ онъ, — а цѣлкомъ вного дѣла.

— Бесѣдуйте, пане, а я слушаю!

Но закѣмъ незнакомецъ объяснился, въ чемъ то услуженіе состояти будетъ, отворилъ онъ двери и заглянулъ въ сѣни. Онъ не засталъ тамъ никого, кто бы могъ ихъ подслуховати. Но онъ не видѣлъ того, что жидъ, мовъ окропомъ опаренный, оторвалъ ухо свое отъ дверей и двома скоками былъ уже на дворѣ.

— Если удастеся къ Бѣржинскому, — говорилъ шепотомъ незнакомый, усѣвши ближе Ивана, — то доручѣтъ ему сіе письмо. — Тутъ вытягнулъ изъ-за хоявы невеличкое опечатанное письмо. Я не могу лично межъ конфедератами явиться, ибо я съ ними въ въ такомъ самомъ отношеніи, якъ и вы. На верху того письма я припишуся съ прошеніемъ къ маршалку,

чтобы ваше дѣло выслушалъ и вамъ удовлетворилъ...

— Радо, пане! — то невеличка рѣчь, — присталь въздорованный Сметана.

— Не прельщайтесь, — то не такое безпечное дѣло, якъ вамъ кажется, — возразилъ незнакомецъ, пишучи спокойно на обвертцѣ письма; — а чтобы вы въ случаѣ, храни Боже, неудачи — не нарѣкали на мене, то я вамъ напередъ скажу, чѣмъ та справа пахнетъ. Письмо тое не имѣете ніякой живой душѣ показати, лишъ въ четыре очи Бѣржинскому одати, — иначе, если бы кто другій изъ конфедератовъ его дохотился, то бы васъ считали за шпіона; тогда было бы круто съ вами... Понимаете ли теперъ?

— Хотя бы и такъ, пане, то пойду, — сказалъ резолютно Иванъ. — Кобы я лемъ Фесю уратовавъ, то про себе не дбамъ, хоть-бы и на »шибень« мене тягли...

— Если такъ, то имѣете тутъ письмо; сховайте оно въ глубокую кешеню...

Иванъ отперезалъ свой шитокій ремень, ножикомъ вытялъ ремень, которымъ поясъ въ двое былъ сшитъ, и тамъ сховалъ письмо, почему опять затягнувъ ременьцемъ шевъ.

— Тутъ будетъ безпечно письмо, — замѣтилъ Сметана.

И незнакомому казалось такъ. Послѣ сказалъ онъ:

— Еще одно: Якъ вамъ на имя и гдѣ обитаете?

— Я звуся Иванъ Сметана, солтысь солотвинскій.

— Добре. Я допрошусь за вами, ибо може дастъ вамъ Бѣржинскій якій письменный или устный отвѣтъ для мене...

— А якъ бы панъ маршалокъ хотѣвъ знати, кто менѣ то письмо вручивъ, якъ я ему мамъ повѣсти? — спросилъ Иванъ.

Вмѣсто отвѣта взорвался незнакомецъ изъ лавы:

— Утѣкаймо! конфедераты за дверми! — и въ мигъ перебрался сквозь окно, а Иванъ за нимъ; уже была голова Ивана и одна нога его на дворѣ, когда услышалъ, что кто-то задержалъ его за рукавъ отъ «чуги.» Захѣвъ былъ въ состояніи пряжку подъ шією созстыгнути и оставити чугу въ рукахъ напастника, чтобы освободитися, — уже крѣпкая рука потягла его за волосье назадъ въ комнату и современно спросилъ знакомый ему голосъ:

— Чего утѣкаешь, братку?!

Когда солтысъ солотвинскій обернулся, узрѣлъ предъ собою — Хижевского. Въ дверехъ стояли: хорунжій и еще два конфедераты

— А, а!... изумѣлся ротмистръ и очи его заискрились. — Ненадѣянная встрѣча!

— Та ненадѣянная — подтвердилъ Иванъ несмѣло, видя своего врага...

— Пане ротмистръ, тутъ былъ и другій съ нимъ, но онъ убѣгъ въ лѣсъ, — вмѣшался одинъ изъ конфедератовъ, — но Флоріанъ и Валентій полетѣли за нимъ. То подозрѣнные люди!

— Подозрѣнные!? Я знаю о томъ, — отвѣтилъ Хижевскій, — и прото я вопрошаю тебе: чего ты утѣкалъ? — спросилъ онъ Ивана.

— Бо-мь не хотѣвъ съ вами стрѣтисся, — отвѣтилъ той же спокойно.

— Ты боялся, хаме, чтобы я тебе на мѣстѣ не застрѣлилъ, якъ собаку?

— Я въ вашихъ рукахъ, пане...

— Теперъ ничего тебѣ бояться, ибо я клялся, что безборонного убивати не буду. Но отвѣчай: кто былъ тамъ-тотъ, что тутъ съ тобою сидѣлъ?

— Я не знамъ, — я его первый разъ видѣвъ!

— А чегожь онъ утѣкалъ предъ нами?

— Або я знамъ? — Мусѣвъ такожь васъ боятись, — отвѣтилъ Иванъ.

— Жиде, ты тутъ былъ, скажи, кто былъ там-тотъ другій? — спросилъ Хижевскій, обратившись къ шинкарю.

— Ну, ясный пане я не знаю! Онъ казалъ, что онъ гандлюеть волами, но на гавдляря онъ не дуже похожь, — объяснялъ корчмарь.

— Такъ? А что розмавляли тѣ два съ собою?

— Якъ я былъ въ комнатѣ, то ничего не бесѣдовали, а якъ я вышелъ, то не могу знати, что было между ними...

— А гдѣжь ты былъ въ тотъ часъ? — истязалъ далѣ Хижевскій.

— Я вартоваль на дворѣ, чи панове конфедераты не идутъ. — най то не будетъ во гнѣвъ яснымъ панамъ, — бо мнѣ такъ казали и за то заплатили.

— Кто казалъ? Кто заплатилъ?

— Ну, прошу ясного пана, тотъ — отвѣтилъ жидъ, указуя пальцемъ на Ивана, — тотъ обѣщаль заплатити, а тамтотъ далъ таляра на задатокъ.

— Таляра?.. — изумилися конфедераты, — то жирная рыба...

— А не слышалъ ли ты, жиде, что они бесѣдовали съ собою? — сказалъ Хижевскій.

Жидъ отягался съ отвѣтомъ, вконцѣ сказалъ не смѣло, что ничего не знаетъ.

— Врешь, жиде! — крикнулъ розъяренный ротмистръ и рука его спочала на рукоятцѣ пистолета. — Ты слухалъ подь дверьми, якъ мы надошли, а теперь хочешь вылгаться? Подайте кій!

— Ай-вай! — скричалъ дрожащій жидъ, — только не кія, ясный пане, я и безъ кія все до крихты скажу...

— Говори, но правду, — повелѣвалъ Хижевскій.

— Ну, ясный пане, они съ початку ничего не бесѣдовали, ажъ я вышелъ за двери, — потомъ нили разомъ...

— Дальше!

— Потомъ казалъ сей, что панове конфедераты, съ перепрошеньемъ гонору панского, — розбойники...

Иванъ не видѣлъ тѣхъ грозныхъ очей, якими конфедераты на него стрѣляли...

— Что его ограбили до чиста и доньку его похитили — продолжалъ еврей. Дальше я ничего не слышалъ, ибо они начали шепетомъ говорить. Только сквозь щелину я бачиль —

— Что такое?

— Что тамъ-тотъ даль сему якій-то паперъ и остро пальцемъ его напоминалъ.

— Правда ли то, Иване? — спросил теперь ротмистръ.

Иванъ молчалъ. Въ то время пришли два другіе конфедераты съ рапортомъ, что бѣглеца нигдѣ найти не могли.

— Иване, знаешь ли о томъ, что молчаніемъ себѣ не поможешь, лишь чистая правда тебе спасти можетъ? — спросилъ Хижевскій.

— Того я не знаю, чи правда ма' у васъ цѣну, — отвѣтилъ Иванъ, — но то-то знаю, што я несчастливо попался въ руки ваши и што мя загладити хчете на свѣдоцтво того нехриста... Не доста вамъ того, што вы мене обрали? додалъ возвышеннымъ голосомъ, — и дитину ѳтдерли ѳтъ сердца отцу? »Ищи« настааете на мое житье? Чи нѣтъ Бога надъ вами?

— Молчи, дурню! — крикнули всѣ.

— Нѣтъ, — панъ ротмистръ гварили, што молчанье менѣ не поможеть, — отвѣтилъ Иванъ съ печальною улыбкою — такъ я откликуюсь »ищи« до сердцець вашихъ людскихъ и до справедливости христіанской! Возьте мое житье. кедъ вамъ его забагаеся, лемъ отпуст'те мою дѣвку, най вмирамъ въ потѣсѣ, што моя дитина но безчещена!..

Всѣ смотрѣли съ безчувствіемъ на несчастного отца, который на колѣнахъ ихъ просилъ не о ласку, а о справедливость.

— Не сдуришь насъ, Иване, твоимъ плачемъ, — сказалъ Хижевскій, — но если хочешь доньку освободити и себе спасти, то — отдай письмо, которое тебѣ тамтотъ шніонъ доручилъ!

— Закляньтеса, што Феса буде вольна? — спросилъ боязливо Сметана.

— Заручаю словомъ гонору! — Тотъ гоноръ можно было дати собацѣ съѣсти, ибо ротмистръ зналъ, что Фесѣ нѣтъ между конфедератами и ту утѣшительную вѣсть онъ утаилъ предъ отцемъ.

— Най буде, вѣрю вамъ! И Иванъ распоролъ скрытый сховокъ у своего пояса и далъ извѣстное письмо Хижевскому. Тотъ съ увагою перечиталъ приписокъ на обвертцѣ листа, приглянулся печати, которая изображала польского орла безъ нѣякого вензеля, — вконцѣ обернулъ стороною адреса.

— Адреса нѣтъ, затѣмъ намъ свободно распечатати!

Якъ сказалъ, такъ сдѣлалъ... Едва первыи строки перебѣгъ очами, наглядно смѣнились черты его лица, а при концѣ чтенія протяглись въ выраженіе найвысшого удивленія.

— Кому препоручено тебѣ сіе письмо отдать? — спросилъ онъ Ивана.

— Пану Бѣржинскому...

— Ему?! То не возможно!..

— Такъ по-правдѣ, пане! Тотъ пришелецъ, што утѣкъ, вытягнувъ изъ мене, што мамъ замѣръ иди до пана маршалка со скаргою, што вы мѡй дѡмъ напали и дѣвчину взяли... Тогда онъ просивъ мене, штобы я тото письмо отдавъ пану Бѣржинскому... Мате правду, якъ на святой исповѣди!

— Тутъ наглядно якъ на долони, что тамъ тотъ есть шпиономъ московскимъ, а тотъ его вспольникомъ, — сказалъ Хижевскій, обратившись къ своимъ товари-

шамъ. Вы слышали, панове братья, каждое слово изъ признанія того хама и того жида?

— Слышали и посвѣдчимъ! — подтвердили всѣ конфедераты.

— Такъ ходи-жь, любцю, — сказалъ ротмистръ, а его очи занскрились злобнымъ триумфомъ. Ты хотѣлъ до пана Бѣржинского, такъ заведемъ тебе, чтобы ты не заблукался. А чтобы ты насъ случайно въ дорожѣ не покинулъ, такъ свяжѣтъ ему руки и возьмѣтъ въ середину!

Тѣ руки, что на шляхтича порывались! — засмѣялся Германъ, заглядывая съ насмѣшкою Ивану въ очи.

Недалеко уйшли конфедераты, влекучи съ собою несчастнаго солтыса солотвинскаго. Жидъ еще съ порога поглядѣлъ за ними, пока на поворотѣ дороги за деревьями ему съ очей не исчезли, якъ надбѣгъ сюда задышанный Андрѣй Ванько.

— Жиде, нѣтъ ли у тебе хлопа изъ Солотвины?

— Чи тутъ одинъ хлопъ перешелъ сюда? — отворкнулъ шинкарь.

— Но тутъ имѣлъ одинъ хлопъ ждати на мене, — такій высокій, плечистый.

— Былъ, но уже пошелъ...

— Куда?

— Съ конфедератами...

Андрѣй сплеснулъ руками.

— Несчастливая годинопька моя! Не постигъ я донести ему, што его Феся въ добрыхъ рукахъ! По штожь онъ пошелъ съ конфедератами?

— Та по то, чтобы его связали, поштуркали, выпытывали, ганьбили, въ дыбы заковали а потомъ — я уже не знаю дальше...

— Та зачь (за что)? — испытывалъ дальше поблѣдшій Андрѣй.

— Та за то, что съ якими-то шпіонами удался! Самъ бѣдѣ своей виненъ! Най хлопъ съ далека стоить, если паны бьются...

— Лихая доля его переслѣдуетъ! И влѣзь въ окаянныи руки, кедъ я его такъ перестерегалъ! нарѣкаль ворожбитъ...

— Ну, онъ самъ не лѣзь, а конфедераты нашли на него, — объяснилъ еврей.

— А по чему ты, поганскій сыну, не перестерегъ его? — загремѣль изъ заду якій-то голосъ.

Корчмаръ подскочилъ съ перестраха. Предъ нимъ стоялъ извѣстный незнакомецъ. Въ руцѣ держалъ пистолеть, великій палець почивалъ на курку... То обнялъ жидъ однимъ поглядомъ.

— А почему ты подслушивалъ подъ дверьми? — вопрошалъ онъ дальше, а очи его прошивали на сквозь дрожащего жида.

— А по чему ты, поганскій сыну, срадилъ селянина и навелъ несчастье на невинну голову его?..

Жидъ припалъ на колѣна и роспростеръ руки передъ себе, мовь бы ними хотѣль заставитьсь отъ пистолета, который за каждымъ вопросомъ незнакомый ему ближе къ головѣ прицѣлялъ...

— Я не виновать, ясный пане, — я говорилъ, бо казали... Хотѣли на лаву мене простерти и бити, — бредилъ шинкаръ въ страху; вконецъ казалось, что

счастливая гадка приступила ему въ голову, ибо от-
важнѣйше доложилъ:

— Ясный пане, я уже отдамъ вамъ таяра на-
задъ, только не жартуйте съ пистолетомъ, бо може
съ нимъ припадокъ статися...

— Молчи, собачій роде, — крикнулъ гнѣвно не-
знакомый. Думаешь ли, что я шутки строю съ такими
доносчиками, якъ ты, Искаріоте? Могъ бы я тебѣ сей-
часъ черепъ кулю рострѣскати, но лишу то на позд-
нѣйше, если еще разъ предателемъ станешся... А чтобы
ты имѣлъ то въ памяти, что предательство смертью
карается, и чтобы ты его хоронился, дамъ тебѣ на-
учку. Выбирай себѣ: въ руку ли, иль въ ногу?..

Жидъ только руки сложилъ... Онъ не былъ въ со-
стояніи слова проболтати. Ожиданіе предстоящей кары
стягнуло ему горло, — лишь уста дрожали конвуль-
сійно...

— Пане, даруйте ему! — вмѣшался съ просьбою
Андрѣй.

Но въ той самой секундѣ пистолетъ выпалилъ...
Жидъ хватился за колѣно и палъ, стогная отъ пеку-
щего болю...

— Пане, вѣрите ли вы въ Бога? Што вы сдѣ-
лали? — спросилъ перестрашенный Андрѣй.

— Что я сдѣлалъ? — отвѣтилъ незнакомецъ,
поглядывая съ презрѣніемъ на жида, который вился по
земли; — отъ, я укаралъ подлеца, что про его сдраду
увязнили безвинного челоувѣка и може его повѣсятъ...
Но и я имѣю его на совѣсти, что я, нехотячи, Богъ
мнѣ свѣдомъ, того не предвидѣлъ и въ мой интересъ
его вмѣшалъ...

— Не бѣдуйте, пане! — успокоивалъ его Андрѣй. Уже якъ кого доля преслѣдуетъ, то нѣтъ для него спасенія, пока не исполнится то, што тамъ въ звѣздахъ написано.

— Есть еще спасеніе, — перервалъ свою задуму незнакомецъ. Знакомъ ли вамъ тотъ Иванъ?

Андрѣй подтвердилъ.

— Чи не поднялись бы вы одного труда въ цѣли освобожденія того человѣка?

— Съ охотою, онъ мѣй пріятель!

Незнакомый вынулъ кусень бумаги и написалъ на немъ нѣсколько словъ червоною глиною. То подалъ онъ Андрѣю.

— Доручѣтъ тое пану Бѣржинскому или сами, или кѣмъ вѣрнымъ, но такъ, чтобы никто больше не узналъ, отъ кого и якимъ путемъ то письмо ему досталось... Може услышаетъ голоса справедливости и чести и пуститъ Ивана на волю...

— Дай Боже, чтобы то помогло! — сомнѣвался ворожить.

— Якъ не поможетъ, то по крайней мѣрѣ не будетъ мнѣ совѣсть закидати, что я не старался объ освобожденіи человѣка, который про мое легководшіе попался въ бѣду...

— Якъ ваше посланничество выпадеть, скажете мнѣ завтра или по-завтра. Гдѣ имѣю васъ глядати?

— Я называюся Андрѣй Ванько. Извѣдуйтеса за ворожитомъ въ Избахъ, то васъ и дитина заведеть въ мѣй дѣмъ.

— Добре, я васъ посѣщу. А на случай неудачи

остается мнѣ одно средство спасенія, но — послѣднее... Бывайте здоровы!

— Най васъ Богъ ведетъ, — попрощался Ванюсъ отходящимъ незнакомцемъ, который не залишилъ при отходѣ кинуть стогнающему жиду горсть серебряной монеты на цидулка.

— Нѣтъ спасенія для Сметаны, — повторилъ Андрѣй до себе; — я не видѣлъ, чтобы ягня выдобрелось изъ волчихъ зубовъ...

VI.

— Лихіи духи наднесли ту исторію! А Хижевскій — діаволовъ сынъ — всегда встроитъ руку тамъ, гдѣ ея наименее нужно! Я записался въ конфедерацію, чтобы для себе тѣмъ большую выгоду отъ короля и Репнина выторговати, — началъ переговоры а, якъ тотъ Курнацкій мнѣ доносить, не сторшее общаются: староство, вознагражденіе за убытки въ моихъ имѣніяхъ, да и грошей... А якъ бы мене еще генеральнымъ маршалкомъ всей конфедераціи провозгласили, то навѣрно вдвое только дадутъ, ибо больше боятся мене будутъ... Что за нужда теперь?.. Курнацкій препоручаетъ мнѣ, чтобы желанію того мужика удовлетворити, а на несчастье — Хижевскій обжаловалъ его яко шпіона, и на видъ достаточныи свидѣтельства предкладаетъ, что мужикъ съ врагами ойчизны въ сношеніи.. Не наказати его за предательство, то потерю въ конфедераціи довѣріе и сведу на себе подозрѣніе, что я самъ измѣнникъ; — повѣсити его, якъ Хижевскій требуетъ, то не исполню условіе,

якое мнѣ Курницкій кладеть: могутъ переговоры разбитись, а тогда якая польза для мене? Да — только та, что буду волочитись и дальше, якъ циганъ: ни сѣсти уцтиво, ни выпатися, ни прогулятися, а всегда остерегаться, якъ бѣглый злодѣй, — когда, въ противномъ случаѣ, тамъ улыбається мнѣ лучшая доля! Тутъ не дай, тутъ же не пускай! Духу святой, просвѣти мене, а не поможешь ты менѣ, то взываю васъ всѣхъ мудрыхъ обывателей адскихъ, подайте мнѣ вашъ чертовскій разумъ: что мнѣ теперь дѣлать?!

Такойъ монологъ велъ панъ Бѣржинскій, маршалокъ конфедерации сѣрадской въ своемъ обиталищѣ въ Габолтовѣ, и то второго дня по описанномъ здѣсь происшествіи. За цѣлый часъ тѣхъ думокъ теръ онъ desesperатски свое чело, а при послѣднемъ словѣ тупнулъ съ досады ногою. То може было причиною, что онъ не замѣтилъ, якъ Хижевскій пришелъ въ комнату.

— Добрый день, пане маршалку!

— Черта добрый! — воркнулъ »подъ носомъ« Бѣржинскій, — по чемъ голосно додалъ:

— Якую добрую вѣсть приносите мнѣ, пане ротмистръ?

— Вѣсти ніякой, лишь я пришелъ васъ спросити: что сдѣлать съ тѣмъ шпіономъ московскимъ?

Бѣржинскій не нашель отвѣта на тотъ вопросъ, но чтобы сыскати времени, въ которомъ надѣялся, что ему или Духъ святой, или діаволь поддасть мудрую гадку, сказалъ:

— Необходимо съ нимъ совѣстную индагацію перевести. Може окажется, что онъ совсѣмъ не шпіонъ, а только вамъ привидѣлось.

— Извинѣтъ, пане маршалку, перервалъ Хижевскій, по-видимому оскорбленъ: мы вѣдь не дѣти!

— Но, но, не гнѣвайтесь, пане Владиславе, мнѣ выскользнулось слово, — умирялъ Бѣржинскій, — но самы знаете, что въ вопросѣ о жизнь или смерть нужно намъ осторожно поступати, чтобы намъ засудъ безвинного челоувѣка на совѣсти не тяжилъ... Я желаю спокойно умирати...

— И я такожь добрый христіанинъ и твердый католикъ, — чванился ротмистръ, — и я не хотѣлъ бы себѣ совѣсти обременяти, но доказы, что Иванъ Сметана есть въ сношеніи съ Москалями, суть такъ ясны, именно — сознание еврея, которого мы свидѣтелями были, сознание самого делинквента, вконецъ то письмо...

При восминцѣ извѣстнаго письма, Бѣржинскій не могъ скрыти смущенія подъ проницательнымъ взоромъ Хижевскаго.

— Ну, такъ повторѣтъ тѣ доказательства, требовалъ маршалокъ.

— Primo, — рецитовалъ Хижевскій, — онъ боялся конфедератовъ и общалъ жида заплату, чтобы его о нашемъ приближеніи предъостерегъ, — такъ само якъ и тамтотъ убѣгшій, который ему за ту услугу далъ таляра на задатокъ... Если бы они имѣли чистую совѣсть, не имѣли бы причины предъ нами утѣкати... Наглядно тутъ такожь, что та корчма была условленнымъ мѣстцемъ къ ихъ затѣйнымъ нарадамъ, ибо знакомы были съ собою, говорили дружелюбно и сошлись тамъ съ противныхъ сторонъ, а не случайно, ибо Сметана ожидалъ тамъ-того долгій часъ... Онъ, кажется,

не пришелъ изъ Солотвинъ въ ту корчму нарочно по то, чтобы стаканчикъ вина выпити. — *Secundo*, они насъ не навидятъ, — ибо называли насъ разбойниками, волоцюгами и прч. *Tertio* — то письмо есть доказомъ, что оба суть московскими шпіонами, которые, подъ предлогомъ заманенія васъ, маршалку, къ измѣнѣ, хотятъ наше становище выслѣдити...

— То суть только виѣшніи доказательства; нужно намъ еще извиненіе слышати, — возразилъ Бѣржинскій.

— Извиненія? якого?.. Онъ совсѣмъ не извинялся, а признался предъ нами къ всему и знаетъ, что его по »закону« ожидаетъ...

— Може онъ говорилъ подъ натискомъ вашимъ? Впрочемъ — въ томъ безыменномъ письмѣ есть приписка, чтобы я зажаленію того хлопа удовлетворилъ, не можемъ про то залиштити — совѣстно его выслухати. Може якъ та справа выяснитъся, или лагодящій обстоятельства выявятъся...

— И того не нужно, — отвѣтилъ рѣшительно Хижевскій. Мы его въ томъ дѣлѣ спрашивали. Онъ имѣетъ уроенную претенсію къ намъ, будто бы мы его ограбили и доньку его похитили... О грабежи не дозволяетъ нашъ гоноръ шляхетскій думати, весь провіантъ на справедливой дорожѣ контрибуціи реквизируванъ, а о его донцѣ никто въ обозѣ ничего не знаетъ... Затѣмъ не остается вамъ, пане маршалку, якъ только, въ силу вашей власти, приговоръ смерти подписати...

Съ тѣми словами роспростеръ ротмистръ сѣжо написанный засудъ.

— Но про Бога и его Матерь, то неформальный

засудь, пане-брате, а »доразьный!« крикнулъ Бържинскій и отъ страху поступилъ въ задь..

Формальностямъ удовлетворено. Я, Германъ, Неселовскій и больше еще — были мы свидѣтелями сознанія его до вины, — прочую писанину оставимъ Нѣмцамъ. Судь же долженъ быти напрасный, если долженъ сдѣлати впечатлѣнїе на неспокойныи умы...

Бържинскій не могъ рѣшиться... Ему не ходило тутъ о жизнь Сметаны, ибо, яко шляхтичъ чистой крови, не больше цѣнилъ себѣ житье хлопа, чѣмъ житье скотины, — а ходило ему, чтобы тѣмъ шагомъ въ извѣстномъ интересѣ своемъ себѣ не повредить.

Долго молчали оба. Одинъ собиралъ гадки въ головѣ, другій ожидалъ исполненія своего требованія. Но первому Хижевскому не достало терпеливости...

— Не хотите ли? — спросилъ онъ. Добре... Но въ томъ случаѣ позвольте мнѣ высказать, что васъ ожидаетъ...

Бържинского обнялъ неспокой, ибо Хижевскій принялъ гордый видъ.

— Впервыхъ попадете, пане маршалку, у конфедератовъ въ подозрѣнїе, что хотите измѣнити...

— Кто? я измѣнникъ? — загорячился Бържинскій.

— Я не называю васъ впрость тѣмъ именемъ, только думаю, что, если кто получаетъ письма съ званїемъ къ измѣнѣ и съ предлогами великихъ выгодъ за то дѣло, то достаточно, чтобы въ подозрѣнїе предательства попалъ...

— Но, а потомъ что?..

— Ба, потомъ — гмъ! можетъ статись, что вы по праву, якимъ всѣ, приступившіи къ конфедераціи,

сьобовязались, предъ судъ конфедератскій призван-
ный будете!..

Бѣржинскій поблѣдъ. — Хижевскій воспользо-
вался тѣмъ.

— Отъ того подозрѣнія можете только тогда
освободиться, если тотъ приговоръ подпишете. Тогда
каждый признасть вамъ энергію съ якою сближеніе
московскихъ агентовъ отъ себе отдаляете...

— Вы, бачу, напосѣлись на смерть того му-
жика?! — Что онъ вамъ провинилъ? — спросилъ
Бѣржинскій.

— Не таюся въ томъ, — отвѣтилъ хладнокровно
ротмистръ, — что имѣю острый зубъ на него... Онъ
порвался одного раза съ кулакомъ на мене въ при-
сутствіи многихъ мужиковъ... Если теперь увидятъ
»зухвальца« на шибеницѣ, научатся насъ почитать...
Отже — кромѣ общественного блага, сдѣлаете тѣмъ
и мнѣ еще особенную прислугу...

Бѣржинскій еще надумывался.

— А понеже прислуга желаетъ взаимной при-
слуги, — продолжалъ тамъ-тотъ дальше, — то я обя-
зуюсь агитовати у конфедератовъ, чтобы васъ гене-
ральнымъ маршалкомъ провозгласили!

То подѣйствовало. Съ полученіемъ того досто-
инства — надѣялся Бѣржинскій великой пользы для
себе, хотя бы и начатыи теперь переговоры разбились.
Съ горячковою поспѣшностію вырвалъ онъ бумагу изъ
рукъ Хижевского.

— Желаніе ваше исполню, но уываю мои руки
отъ смерти неповинного, — сказалъ онъ, подписуя
помянутый приговоръ смерти.

— »Смерть его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!« — пародіёвалъ ротмистръ со злораднымъ усмѣхомъ на устахъ — и удалился скоро съ засудомъ смерти на Ивана Сметану.

— Онъ прозрѣлъ мене на сквозь, хитрецъ, — думалъ теперь Бѣржинскій, глядя безъ намѣренія въ окно; — видитъ онъ якъ въ зеркалѣ всѣ мои намѣренія; необходимо стеречись мнѣ предъ нимъ! Добре ли я сдѣлалъ, что удовлетворилъ требованію Хижевскаго?.. Можетъ быти, что буду маршалкомъ конфедерации, но если Курнацкій перерветъ переговоры, что мнѣ тогда съ маршалковства? Буду въ почести на равнѣ съ королемъ циганскимъ! Тытулъ мене не накормить, — а если конфедерация не возьметъ верхъ, что вѣроятно, то я и то потеряю, что сегодня имѣю... Не хотѣлъ я гусяти, та взялъ яйце!.. Плохо я сдѣлалъ...

Погруженъ въ своихъ гадкахъ, онъ не замѣтилъ, якъ двери въ комнату тихо отворилися и одновременно палъ якій-то тяжкій предметъ на полъ. Лоскотъ отъ того заставилъ Бѣржинскаго обратитись и взоръ его палъ на реченный предметъ. Закѣмъ его поднялъ, суевѣрно перекрестился.

Не было то что другое, лишь въ червоный платокъ завинутый довольно тяжкій камень, но тамъ находилась такожь невеличкая, червонымъ карандашемъ записанная карточка. Видно, что почеркъ письма былъ ему знакомъ, ибо сказалъ:

— Ахъ, опять отъ Курнацкаго! Что онъ мнѣ пишетъ? — »Заклинаю тебе на гоноръ шляхетскій, отпусти Ивана Сметану на свободу, ибо онъ въ ничемъ не виноватъ! Я его принудилъ, доручити тебѣ

письмо, а онъ даже не знаетъ, что въ томъ письмѣ стояло и кто ему оное далъ. Если безъ опасности подозрѣнія не можешь того сдѣлать, то позволь ему бѣжати, иначе я буду тебе считати человѣкомъ безъ чести и справедливости, а съ такимъ не только нѣкихъ сношеній не буду имѣти, но еще, по оконченной войнѣ, обжалую тебе яко убійцу безвинного человѣка!»

— Угроза ясна, — сказалъ къ себѣ Бѣржинскій по прочтеніи сего письма, но и совѣтъ мудрый... А я, дуракъ, цѣлую ночь не спалъ и на тотъ выкрутъ не пришелъ! Было ему дати случайность — еще сей ночи бѣжати, а не было бы клопота! Но еще не поздно; пусть въ слѣдующую ночь идетъ себѣ на всѣ четыре вѣтры...

Кто тую карточку въ комнату кинулъ, не можно было довѣдаться.

Впрочемъ Бѣржинскому не было въ томъ журбы, онъ бо зналъ, что Курнацкій только на необыкновенной дорожѣ съ нимъ сообщатись можетъ.

Черезъ прослужного пахолка велѣлъ Бѣржинскій призвати ротмистра.

— Такъ станется: тутъ въ побочную комнату кажу его замкнути, двоихъ людей будетъ его сторожить. Угорское вино съ ласки магната найдется... Мои хлопцы не тѣ, чтобы не цопились и не заспали, — а тогда черезъ мою комнату выпущу хлопа...

Въ тотъ способъ думалъ себѣ Бѣржинскій — и въ виду того, что выскользнется изъ замѣшательства, которое его счеты такъ непріятно мѣшало, затиралъ себѣ руки отъ удовольствія, когда Хижевскій явился.

— Нужно-бы деликвента, пане ротмистръ, гдѣ-то въ безпечномъ мѣстѣ замкнути.

— Я о томъ уже позаботился, — отвѣтилъ Хажевскій; я отослалъ его уже подъ эскортою въ Избы...

— Тажъ тутъ, въ отдаленіи отъ знакомыхъ себѣ хлоповъ, былъ бы онъ безпечный, и экзекуція отбылась бы спокойно, безъ взволнованія умовъ селянъ — примѣтилъ Бѣржинскій.

— Куда вы, пане маршалку, думаете? — возразилъ ротмистръ. — Помнѣть, что Габолтовъ не подъ нашимъ правленіемъ, а въ Угорцинѣ. Мы бы помѣшали себѣ съ Эстергазимъ, если бы мы безъ его вѣдома господаровали якъ въ нашемъ домѣ, — и людей »горломъ« карали! Тутъ не мы панами, — въ Избахъ же — то другое дѣло. А касательно вашего второго замѣта — я думаю противное... Въ обозѣ, гдѣ нѣсколькосотъ людей находится, тамъ ни вязню убѣгнути, ни селянамъ насильно освободити его не возможно. А чтобы умы селянъ утихомирить, то моимъ намѣреніемъ есть: поставити висѣлицу предъ церковью, чтобы каждого часа себѣ въ память проводили, якая кара бунтовщиковъ ожидаетъ...

Бѣржинскій не нашелъ отвѣта на тѣ слова. Онъ и непримѣтилъ, что ротмистръ теми самыми доказательствами домогался смерти Солотвинского хлопа, которыми настаивалъ на освобожденіе Избянского приходника.

А между тѣмъ Ивана Сметану таскали два конфедераты — привязанного въ серединѣ къ конямъ... Сколько во время цѣлой дороги въ Избы штурханцевъ и нагаевъ почувствовалъ онъ съ ласки пана Якуба Германа, хотѣвшего тѣмъ помстити пекущую вспо-

минку про оборванный въ Солотвинныхъ ударъ въ лице — и сколько ругательныхъ словъ наслушался онъ изъ шляхетскихъ устъ пана Михаѣла Несѣловскаго, терпящаго врожденную антипатію къ »хамамъ«, — то лишь Бегъ почислилъ...

А въ отдаленіи за ними ступалъ унылый Андрѣй Ванько и говорилъ:

— Пропала учтивая душа... Видится — такъ ему Богъ судивъ...

Правду сказалъ Бѣрзинскій, что Хижевскій напосѣлся на смерть Сметаны.

Онъ не довольствовался засудомъ; его такъ и жгло, чтобы чѣмъ скорше исполненіе того приговора совершити.

Еще того самого дня по полудни явился онъ въ приходскомъ домѣ въ Избахъ.

— Извинѣте, ксенже, что мое пришествіе соединено съ прошеніемъ, котораго исполненіе вамъ весьма неприятнымъ будетъ, сказалъ ротмистръ, поздоровивши о. Іоанна, и при томъ принялъ онъ видъ самой одицетворенной вѣжливости и скромности. Отцу Іоанну пало въ очи то разительное различіе и противорѣчіе между посѣщеніемъ Хижевскаго, а Несѣловскаго и его товарищей.

— Прошу высказать ваше желаніе; если лишь не выходитъ по за округъ возможности, а на передъ общаю служить вамъ.

— Я пришелъ васъ просити о послѣднюю душевную послугу для одного несчастливца, приговореннаго на смертную казнь...

Излишно было въ томъ дѣлѣ трудиться самому Хижевскому. Онъ могъ выручитися первымъ—лучшимъ изъ подвластныхъ, но онъ имѣлъ въ томъ собственный поводъ...

О. Іоаннъ помѣшался, слыша такую вѣсть, которой наименше надѣялся.

— То мое званіе, отвѣтилъ онъ со смятеніемъ, — но... не можно бы узнати отъ васъ имени того бѣдняка? Може онъ другого вѣроисповѣданія?

Отвѣту на сей вопросъ помѣшалъ входъ въ комнату прекрасной Олѣ. Ротмистръ такъ и лишилъ очи свои на ней. Въ дозовомъ одѣяніи она прелестно выглядяла. Изъ подъ черного кафтаничка, тѣсно опятого, что тѣмъ больше круглыи формы ея замѣтнымъ дѣлало, высувалась въ густыхъ фалдахъ сподничка, блѣдо-фьялковаго цвѣта, сягающая едва по костки, такъ что можно было оцѣнити нѣжность ножки, втисненной въ плиткій черевичекъ на высокихъ каблукахъ.

Оля повидимому помѣшалась, узрѣвши ненадѣянаго гостя. Темный румянецъ розлился на ея бѣломъ лицѣ и, будтобы соромясь, хотѣлъ скрытиса подъ ея черными косами...

Послѣ поздравленія, которому Хижевскій старался придати особенное значеніе, употребляя выражений, на ладъ французскій прикроенныхъ: пригадалъ о. Іоаннъ ротмистру, что онъ ему долженъ отвѣтъ на послѣдній вопросъ.

— То зажиточный солтисъ Солотвинскій, — отвѣтилъ конфедератъ, — а называется Иванъ Сметана. На видъ онъ кажется быти невреднымъ сотворѣніемъ...

— Иванъ Сметана?! — изумѣлся старикъ, — я

его знаю, — то найчестнѣйшій человекъ подь солнцемъ! Чѣмъ же провинилъ онъ такъ тяжко?!

— Доказы суть достаточны, что онъ въ сношеніи съ ворогами ойчизны... Онъ стался орудіемъ враговъ еи въ цѣли, чтобы вредити нашей справѣ, а такимъ дѣломъ по закону проигралъ свое горло...

— То не возможно, чтобы онъ... да и въ какой цѣли? — спросилъ со смущеніемъ священникъ, — за гроши ли?.. Онъ богатый человекъ! Съ политическаго убѣжденія?.. На то недостаетъ ему розума! На теперь ему все равно, кому онъ чиншъ платитъ! Не былъ бы онъ при здоровомъ умѣ, если бы шпионствомъ забавлялся, гдѣ ничего сыскати, а все преиграти можно... Тутъ очевидно якая-то ошибка заходитъ...

— Во виѣшнихъ доказательствахъ невидима ніякая ошибка, — возразилъ Хижевскій, — а касательно его совѣсти, — то извѣстно, тамъ нѣтъ окна, сквозь которое можно бы зазрѣти и въ безвинности убѣдиться. Я самъ нравственно убѣжденъ, что онъ безвинный, что онъ только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, — но всѣ виѣшніи обстоятельства говорятъ противъ него — и то его несчастье. Я даже вставлялся за нимъ у маршалка, — продолжалъ Хижевскій, — вконцѣ просилъ я о проволоку — въ надеждѣ, что случится якое обстоятельство, которое бы его безвинность объявило, — но все дармо. Отклика до высшей инстанціи нѣтъ, — и Иванъ Сметана уже вычеркненъ изъ счета живыхъ...

О. Іоаннъ сумно понизилъ голову...

— И я, точно вамъ, не вѣрю въ его вину, — сказалъ о. Іоаннъ въ концѣ, подаючи свою единую

руку ротмистру... Прійміте благодарность, что вы вступались, хотя безуспѣшно, за безвиннымъ человекомъ... Вашъ образъ будетъ до смерти записанъ въ моемъ сердцѣ, тѣмъ бо лишь могу выplatиться за долгъ, который разъ отъ имени Ивана Сметаны, а другій отъ мене вамъ належится.

Хижевскій понизилъ скромно очи долой, словно шестнадцати-лѣтная дѣвушка, которая первый разъ услышала лестныи комплименты отъ молодого мужчины. Не даромъ онъ у іезуитовъ въ Вильнѣ воспитывался... Но больше чѣмъ изъявленіе благодарности и уваженія со стороны о. Шавинского — польстилъ ему взоръ, якій онъ уловилъ изъ синихъ очей Олѣ...

— Приманка уже заставлена на ту птичку, — тѣшился Хижевскій въ душѣ.

Долше, якъ слѣдовало, забавился нынѣ ротмистръ на поповствѣ. Онъ началъ разговоръ о повседневныхъ дѣлахъ, но ловко втянулъ въ разговоръ и молчаливую Олю... Ему пришлось тогда удивляться ея многостороннему образованію, какое ея печаливый дѣдунъ внушилъ, ея остроумію, а иногда ея наивность и невинность занимали его живо. Онъ былъ бы пересидѣлъ цѣлый вечеръ съ нею и прислушивался серебряному звуку ея бесѣды, порушающему всѣ чувства душевные изъ апатичного сна, — онъ придивлялся бы нѣжной рученьцѣ той молодой господинѣ, которая съ такъ невынужденною граціею вино подносила, если бы о. Іоаннъ не примѣтилъ, что день уже клонится къ западу и не пригадалъ Хижевскому о цѣли его посланничества...

— Простѣтъ, пане, что я первый принужденъ

вамъ припомнути, что я долженъ завчасно быть въ обозѣ, ибо я ожидаю нынѣ на ночь нѣсколько подальшихъ священниковъ, которыхъ я на завтрашнее богослуженіе пригласилъ.

При выходѣ его сказалъ священникъ:

— Думаю, что не послѣдній разъ мене вы сегодня посѣтили...

— Воспользовался бы я вашимъ приглашеніемъ, — отвѣтилъ Хижовскій съ вѣжливою улыбкою, — ибо и такъ жизнь обозовая одностаина и глядетъ развлеченія, если бы я не обавлялся, что моими посѣщеніями только вашей прекрасной господинѣ причину труда...

— Гость, которого мой дѣдунъ уважаетъ, будетъ и отъ мене уважаемымъ, отвѣтила Оля.

Молчки совершали оба дорогу въ обозъ, разъ — что имъ невыгодно было, ѣдучи верхомъ, бесѣдовать съ собою, а во вторыхъ, что оба предались отмыннымъ гадкамъ... Священникъ раздумывалъ надъ безсовѣстностью людей, у которыхъ человѣческая жизнь не стоила больше, якъ люлька табака, конфедерать же думалъ о синихъ очахъ прекрасной Олѣ...

Пришедши на мѣстце, повелъ Хижевскій о. Юанна по-межъ бараки, на скорости изъ сырого дерева сооруженны, покрыты только лубомъ, а вмѣсто стеклянныхъ оконъ, снабженны отворами, сквозь которые тутъ и тамъ дымъ выходилъ — до своей палатки изъ полотна.

— Не смѣю просити васъ, ксенже, до моего обывалища, ибо могъ бы я васъ оскорбити... Въ неопрытную комнату гостя вводити не годится...

— Тѣмъ часомъ благодарю васъ за доброе намѣреніе, — отвѣтилъ съ улыбкою старикъ, — но пригадую вамъ опять цѣль, въ которой мене тутъ вы призвали. Не могу теряти времени...

Едва нѣсколько шаговъ дальше повелъ Хижевскій священника. Предъ баракомъ, похожимъ на всѣ прочіи, стояли два конфедератъ на стражѣ. На знакъ, данный ротмистромъ, сторожи отомкнули поданными себѣ ключами двѣ тяжкіи колодки и дверь отворилася.

Съ тяжкимъ сердцемъ вступилъ о. Іоаннъ, но ничего не могъ видѣти, ибо въ середину ни одинъ лучъ солнца не просмыкнулся. Доперва когда на его желаніе конфедераты отсунули изо вѣтъ оконницу, узрѣлъ онъ человѣка, сидяго на земли; ноги его были въ колоду забиты, руки до противоположныхъ стѣнъ прицѣплены, свѣсилась ему на груди голова, которую онъ едва на вторичный закликъ о. Іоанна поднялъ. Тогда увидѣлъ священникъ лице мертвецки блѣдое и уже земный цвѣтъ по-подъ очи, которыи однако немножко прояснились, узрѣвши предъ собою священника.

— Поблагословьте мене, панъ-отче, — сказалъ Сметана слабымъ голосомъ...

— Такъ я тебе принужденъ видѣти!.. — сожалѣлъ старикъ.

— Ой такъ, тяжкій допустъ Бога! — востхнулъ Иванъ... Но не думайте себѣ, панъ-отче, што я якимъ проступкомъ гнѣвъ Божій на себе стягнулъ, — я до ничего не почувася, лемъ людская злѣсть попхала мене въ то-то мѣстце...

— Не нарѣкай, человѣче, — помни, что все съ воли Бога походить и не рѣдко Провидѣніе лихихъ людей за свое орудіе употребляетъ, чтобы ими другихъ или наказати, или вѣру ихъ искусити...

— Вѣрю вамъ, отче духовный, прото не нарѣкаю на Бога, а людямъ отпускаю, штобы и я его милосердія достигъ... Богъ справедливо укаралъ мене за мою гордость... Я гордѣлъ моимъ счастьемъ туземнымъ, я гордѣлъ повагою у людей, я гордѣлъ моею дитиною, а гордость то-ту днесъ Богъ хочетъ понижити... Най будетъ воля Твоя, Боже!

— Може имѣешь якое желаніе? — спросилъ о. Іоаннъ по оконченной исповѣди, — я свято обѣщаю, исполнити твою послѣднюю волю...

— Найперше хотѣлъ бы я мою Фесю видѣти и ю передъ смертью поблагословити... Она тутъ въ неволи у конфедератовъ...

О. Іоаннъ вышелъ, чтобы желаніе Ивана Сметаны ротмистру сообщить, по вскорѣ вернулъ.

— Нѣтъ ея между конфедератами. Хижевскій словомъ чести заручилъ, что о ней ничего не знаетъ...

— Боже, тяжкая рука Твоя, што менѣ то-ту остатню потѣху отбирашь — востхнулъ Иванъ. — Но вы, панъ-отче, може есть она въ живыхъ, такъ передайте ей мое благословеніе... Ей и вшиткимъ знакомымъ повѣйте, штобы стереглись Хижевского, кедъ имъ милый покой и житье, бо въ чій домъ онъ ногою вступитъ, несчастье внесетъ...

— Може ошибаешься, человѣче, — онъ не такой, кажется, лихій, — упомнулъ старый священникъ Ивана...

— Нѣтъ, панъ-отченьку! Съ неправдою на устахъ

я не хочу ставати на судъ Божій... А штобы я и передъ вами оправдался, то послушайте и самы осудѣтъ. — Затѣмъ розсказаль онъ первую и послѣднюю встрѣчу свою съ Хижевскимъ и его товарищами.

— А наконецъ — продолжалъ Иванъ — прошу васъ, штобы вы оголосили, што я вщиткимъ отъ сердца прощаю, и Хижевскому, — и взаимъ прошу, штобы менѣ уразы простили...

Съ тяжкимъ сердцемъ розстался о. Іоаннъ съ Иваномъ Смитанюю... Его терзала двойная гадка: разъ, что безвинный челоуѣкъ про злобу людей долженъ умерати, а другое, что убѣжденіе Ивана казалось сумною ворожбою...

Хижевскій былъ сегодня первый разъ на приходствѣ.

— Не требуетъ ли чего отъ насъ делинквентъ? — спросилъ Хижевскій, когда о. Іоаннъ сѣдалъ на коня.

— Просить, чтобы вы велѣли ему на столько руки освободити, дабы ихъ могъ къ молитвѣ сложити, къ молитвѣ за себе и за своихъ вороговъ... Послѣ прошу васъ, чтобы вы дали мнѣ знати, о якомъ часѣ намѣряете исполнити засудъ смерти на томъ бѣдняку, чтобы я могъ еще св. Тайнами снабдити его на вѣчную дорогу и съ евангелскимъ утѣшеніемъ его отвести...

— То станется въ само полудне, — отвѣтилъ ротмистръ, — и я увязненному то скажу, да и васъ въ свой часъ увѣдомлю...

Во время того уже вечерѣло. Когда о. Іоаннъ оставилъ за собою обозъ конфедератскій и былъ въ половинѣ дороги между обозомъ а селомъ, изъ парова, заросшего корчами, припирающаго однимъ концемъ къ дорожѣ, выбѣгло нечаянно трехъ людей и задержали его коня. О. Іоаннъ съ негодованіемъ принялъ тое.

— Даруйте, добродѣю, што Васъ задержуемъ, сказалъ одинъ изъ нихъ; маме лемъ кѡлька словъ васъ спытати...

— А, то ты, Яцку? а то Андрѣй! — познавалъ священникъ, — а тамтотъ третій кажется чужій...

— Тамтотъ изъ Солотвинъ, — пріятель Ивана Сметаны, — объяснилъ несмѣло Андрѣй.

— Чегожь хотите отъ мене? — спросилъ о. Іоаннъ.

— Вы были, панъ-отченьку, теперь у Ивана, — сказалъ Яцко Бреанъ; — будьте ласкавы, скажѣтъ намъ, въ которомъ бараку онъ находится...

— Заразъ коло шатра Хижевского, — може десять шаговъ на право... А на что вамъ то знати?

Ни одинъ изъ нихъ, кажется, не приготовился былъ на тотъ вопросъ. Всѣ молчали, оглядаясь одинъ на другого. Вконцѣ сказалъ мнимый Солотвинянинъ:

— Мы бы его хотѣли видѣти, и о прощеніе просити, — мы бо про наше легкодушіе стались причиною его бѣды...

О. Іоанну пала на умъ не такъ та незручная вымовка, якъ больше гласоудареніе въ бесѣдѣ того Солотвинянина. Такъ Лемки не говорятъ. Но мимо того отвѣтилъ священникъ:

— О то можете спокойными быти, ибо вотъ не-

давно просилъ мене Иванъ Сметана обвѣстити, что онъ всѣмъ отъ сердца прощаетъ и взаимно прощенія у нихъ просить...

— Дякуеме, што нашу совѣсть вы успокоили, — отвѣтилъ Солотвинянинъ.

О. Іоаннъ хотѣлъ уже двинутись изъ мѣста, когда Яцко Бреянтъ еще его спросилъ голосомъ, въ которомъ любопытство съ сожалѣніемъ мѣшалось:

— Якъ той бѣдачско ся ма? Певнѣ прикутый, связанный?!

— Такъ, небоже, — подтвердилъ о. Іоаннъ, — прикованный къ двумъ стѣнамъ, руки натягнуты, какъ на крестѣ, а ноги въ колоду забиты, что ни двинутись не можетъ... Най Богъ хоронитъ каждого... Бывайте, дѣти, здоровы!

Три селяне стояли нѣкое время въ молчаніи по отходѣ о. Щавинского.

— Трудная справа! — сказалъ вконцѣ Яцко Бреянтъ.

— Лихо! — подтвердилъ Солотвинянинъ.

— Не ма ратунку! — примѣтилъ Андрѣй Ванько.

— Есть, или нѣтъ, все равно... Купити, не купити, торговати можно, прото попробовати намъ не повредить, — добавилъ рѣшительно мнимый Солотвинянинъ, котораго голосъ пригадывалъ мимовольно незнакомаго изъ Фричской корчмы, только съ тѣмъ различіемъ, что теперь не доставало ему усовъ и одѣтъ былъ онъ въ обыкновенную одежду Лемковъ... Догадаетесь, что то былъ п. Курнацкій, посредникъ между Бѣржинскимъ, а королевскою партією.

— Идижь, Яцку, — сказалъ онъ вконцѣ — въ обозъ

и дай докладъ ротмистру изъ твоей дороги, — а мы скроемся въ ярѣ подѣ условленнымъ буквомъ... Только предовѣмъ осторожность и холодная розвага! Если тебѣ удастся, то заголоси совянымъ голосомъ, въ противномъ случаѣ завый по собачьему, а мы приспѣмъ тебѣ въ помощь... Счасть тебѣ Боже!

Андрѣй и незнакомецъ исчезли за корчахи, Яцко же направился къ лагерю.

Откуда взялся онъ тутъ? Ахъ, онъ самъ на себе и на людей лихій! Едва только вернулъ изъ извѣстной Солотвинской выправы, велѣлъ ему Хижевскій идти въ Бѣчь, гдѣ было сходбище всѣхъ приверженцевъ конфедераціи, съ письмами, такъ что не осталось ему ни времени, ни удобства, увѣдомити Сметану, что его дочь въ безпечномъ мѣстцѣ...

Когда нынѣ верталъ онъ и по дорожѣ вступилъ въ домъ своей матери, засталъ тамъ Андрѣя и знакомого, который ему обо всемъ шепотомъ розказали, чтобы недужная Феся о нестастьи отца не узнала... Яцко рвалъ съ отчаянія волосе на своей головѣ, проклиная лхую долю, пока знакомому не удалось холодную розвагу ему внушити... Послѣдствіемъ того былъ долшіи совѣтъ между тѣми трема людьми.

Теперь Яцко, идучи въ обозъ, клялся, что, если его намѣреніе не удастся, то при первой случайности падеть жертвою его мести Хижевскій. Богъ уже проститъ мнѣ, думалъ Яцко, — что укараю челоуѣка, который столько бѣдствій нанесъ на семейство, близкое моему сердцу...

Хижевскій прохаживался по тѣсномъ шатрѣ. При слабомъ свѣтѣ олѣйной лампы можно было видѣти на его лицѣ выраженіе удовольствія, когда Яцко вступалъ въ шатеръ.

— Чтожь? Добры ли вѣсти приносишь намъ? — спросилъ скоро ротмистръ.

— Все добрѣ, — отвѣтилъ Яцко, вынимая спорый связокъ писемъ изъ кармана.

Поспѣшно принялъ Хижевскій поданныи себѣ письма.

— Гроши незадолго надойдутъ, — рапортовалъ Яцко, — и о хлѣбѣ и фуражѣ вскорѣ постараются. Такъ папѣ Тишицкій, подкоморій Горлицкій, менѣ горворилъ.

— Что больше? — вопрошалъ Хижевскій, поклонившись надъ лампу, плечами къ Яцку, чтобы можно было выгодиѣйше письма отчитати.

— Передъ зимою велѣли «ищи» обозрѣти положеніе Мушинки и Конечной, чтобы догодное мѣстце на обозъ вынайти. Но о томъ, здаеся, тамъ въ письмахъ стоитъ... Дальше не могу себѣ отъ разу пригадати.

Ту Яцко розглядался то въ гору, то въ низъ, а часомъ и по сторонамъ, якъ человекъ, который силы воспоминаія напрягаетъ.

Очи его оперлись на якомъ-то предметѣ; видно, что черезъ сочетаніе мыслей пригадалъ себѣ дальшіи новости.

— Чтожь такое? — спросилъ Хижевскій, не отвертая очей отъ чтенія писемъ.

— Якъ обозъ въ Мушинцѣ будетъ готовъ, а хотя

бы въ зимѣ подѣ снѣгомъ должны коло него робити — тогда надойдетъ войско изъ дивизіи пана Пулавского, — говорилъ Яцко, подсуваясь въ одну сторону палатки, но зиркая однимъ окомъ на Хижевского...

— Съѣдутся вшитки панове маршалкове конфедерациі, — панъ Красинскій, панъ Шиць и панъ... Казиміръ Пулавскій до Мушинки, — говорилъ поволи Яцко, цѣдя каждое словце сквозь зубы, но тѣмъ скорше спряталъ якіи-то предметъ въ свой карманъ.

— И будутъ выбирати генерального маршалка, — кончилъ Яцко поспѣшно.

— Такъ?!... изумился ротмистръ. — Тутъ въ письмахъ не стоитъ. Откуда ты то знаешь?...

— Такъ въ Бѣчѣ гварили, — утверждалъ Яцко. По долгой минутѣ молчанія спросилъ онъ вконцѣ:

— Чи дате менѣ, пане, якую орудку?

— Нынѣ еще нѣтъ — можешь ложитись спати, но когда перечитаю всѣ письма, то, кажется, pošлю тебе завтра.

Яцко поклонился и вышелъ. Конфедератъ нахилился надъ лампою и опять съ вниманіемъ заглублился въ письмахъ.

Уже все было въ лагерѣ тихо и всѣ огни погасли, когда Хижевскій кончилъ свое чтеніе; вконцѣ и онъ ложился спати, но сонъ не брался его, думки не допускали. — »Въ зимѣ будутъ маршалка выбирати! — такъ Яцко донесъ и въ письмахъ намекъ сдѣлано. Кто нимъ будетъ? спросилъ онъ самъ себя. — Бѣржинскій — баба, слабодухъ, шаткій, якъ лозина. О него нѣтъ что и стояти. Пулавскій — имѣлъ бы и отважное сердце, и олѣй въ головѣ, но онъ простой шляхтичъ,

а конфедераты за магнатомъ потягнуть... Иоакимъ Потоцкій или Михаилъ Красинскій? одинъ изъ двухъ; на кого голосовати? Которого изъ нихъ благосклонность себѣ зыскати, чтобы, по оконченной справѣ, съ голыми руками не выйти?« — Тотъ вопросъ загнѣздился Хижевскому въ головѣ и не далъ ему заснути. А между тѣми гадками вились — будто бы въ одинъ цвѣточный вѣнецъ навязанныи всѣ прелести Олѣ: ея очаровательный усмѣхъ на коралевыхъ устахъ, ея чорныи брови надъ задумчивыми очами, ея темныи бѣсы, осланяющіи снѣжную шею, ея цѣлая фигура... Все то воображалъ себѣ въ десятый разъ панъ Владиславъ Хижевскій, а щеки его запылали пристрастіемъ...

— Она должна быти моею! Начало сдѣлано, — думалъ Хижевскій, — она мнѣ благодарна за освобожденіе ея дѣда, а отъ благодарности къ любви невеликій шагъ; къ тому еще уважаетъ мене, что я вступался за Сметаню... Га, га! Правда, что она еще несмѣла, обыкновенно — сельская гуска, но и я не даромъ слылъ мастеромъ въ приобрѣтеніи благоволенія у женщинъ...

И въ укладаніи себѣ стратегическаго плана въ отношеніи къ Олѣ очи его склеились.

Но не на долго. Протяглый голосъ совы пронесся воздухомъ и тронулъ неприятно слухъ дремавшаго ротмистра...

— Бодай ты сдохла, что мнѣ такъ солодкій сонъ перервала, — негодовалъ Хижевскій. Слышишь ли чью смерть? Ну, днесь уже навѣрно выворожишь!

И опять ложился, но перерванный сонъ отбѣгъ

уже его. Може съ полъ часа перекачивался онъ на постелѣ, когда наразъ казалось ему, будто бы слышалъ тяжкій ходъ человѣка.

— Стража, навѣрно, — подумалъ Хижевскій, но вскорѣ былъ другого мнѣнія, когда причулся ему звукъ, похожій на бренькотъ ланцуха. Ему современно пришла Иванъ Сметана на гадку. Онъ сейчасъ всталъ и хватилъ за пистолеты.

Ночь была довольно темна, только большіи звѣзды сквозь осеннюю мраку искрились слабымъ свѣтломъ. Первое дѣло Хижевского было: убѣдиться, есть ли увязненный на своемъ мѣстѣ. Немножко загнувалъ онъ, видя, что огонь былъ потушенъ, а сторожи сномъ справедливыхъ передъ дверьми барака спали, но успокоился, когда убѣдился, что двери были замкнены и ніякій подозрительный слѣдъ не нашелся. Но бренькотъ ланцуха опять повторился отъ стороны лѣса. Ротмистръ цѣлою долгою своихъ ногъ поспѣшилъ туда и сквозь мраку распозналъ якую то темную массу вблизи вала, посувающуюся впередъ. Масса та похожа была, якъ когда бы двоихъ людей третяго таскали.

— Кто тамъ? гасло!... крикнулъ Хижевскій...

Отвѣта не было, но за то замѣтилъ, что та громадка поспѣшнѣе сунулась и звукъ ланцуха голоснѣе далъ слышатись...

Онъ подбѣгъ блисше и узналъ, что передъ той массы спускался уже изъ вала, а на верху насыпа отражался отъ мраки точно очеркъ человѣческой фигуры. Въ мигъ выстрѣлилъ онъ. Съ отголосомъ выстрѣла помѣшался стонъ человѣка. Ничего уже не

было видно; то однакожь не сдержало Хижевского, чтобы не побѣгнути въ реченное мѣсце. Когда онъ тамъ стануль и нагнулся надъ ровъ, замѣтилъ по другой сторонѣ рова якій-то долгій предметъ, лежащій на земли.

— Туда, панове! — крикнулъ онъ на конфедератовъ, которыхъ выстрѣль розбудилъ.

— Владиславе Хижевскій! далъ слышатись изъ лѣса крѣпкій голосъ: — ты замаралъ шляхетскій клейноть подлостью! Та куля минеть тебе днесъ, чтобы тебе не спасла отъ висѣлицы!

И ровно съ грохотомъ стрѣльбы свиснула куля коло уха Хижевского.

Всѣ конфедераты начали проискъ. Въ лѣсѣ не осмѣлился никто итти, да и небезпечно было. Но въ ровѣ наши лежащего человекъ. Онъ не былъ въ состояннн поднестись, ибо руки были въ ланцухахъ, а ноги въ колодѣ. То былъ Иванъ Сметана...

— Якимъ ты способомъ убѣгъ? — скричалъ разлученный Хижевскій. Но на тотъ вопросъ ни на всѣ прочіи не далъ Иванъ отвѣта; даже грозьба вытокъ не выстрашила отъ него сознанія о соучастникахъ въ его освобожденнн.

Кто были тнн?... Надъ тѣмъ напрасно ломилъ себѣ голову Хижевскій.

Сторожи спали еще крѣпко, — даже ударами ногою, которыхъ не щадилъ разбѣшенный ротмистръ, не возможно было ихъ розбудити. Ихъ отнесено подъ стражу, щобы рано ихъ истязати. Двери темницы были замкнены на колодки, когда же пришло ихъ отомкнути, ключей въ шатрѣ ротмистра нигдѣ не можно

было отыскати... Прото велѣлъ Хижевскій колами двери выважити. Скобли, къ которымъ руки Сметаны были прицѣплены, найдено вываженными изо стѣнъ, но рукъ съ ланцуха и ногъ съ колоды не освободили ему освободители, кажется, что не хотѣли надъ тѣмъ долго времени теряти, и то собственно успѣху ихъ помѣшало...

Утромъ приведенный оба сторожи однодушно сознали, что Яцко Бреанъ, вышедши изъ шатра ротмистра, сѣлъ съ ними при огни и началъ розсказывать вѣсти изъ свѣта, якихъ въ Бѣчѣ наслушался. При томъ почествовалъ ихъ горѣлкою, которая однако была може якою дурѣйкою заправлена, ибо сейчасъ имъ головы отяжели и они немедленно заснули.

Хижевскому очи отворились. Истинно, Яцко Бреанъ былъ вечеромъ у него, и онъ, а не кто другій, сваровалъ ключи...

— Собака Русинъ! Приведѣтъ его сюда!...

Но »собаки Русина« въ лагерь уже не было. Хижевскій откомандировалъ нѣсколько отдѣленій по пять людей, чтобы отыскати Яцка Бреана.

— А ты, хаме, не утечешь больше, — обратился ротмистръ къ Ивану. Я хотѣлъ тебѣ дати пожити до полудня, но за кару пойдешь на другій свѣтъ еще сію минуту!

Но Иванъ тѣмъ не засмутился. Онъ лишь голосно молился и благодарилъ Бога, что ему передъ смертью дозволилъ узнати, что его дочь живетъ подъ опѣкою преданныхъ людей...

VII.

Не спала старая мати Евка той ночи... Горячка у Фесѣ усилилася, она бредила, нерѣдко срывалася изъ постели и хотѣла бѣгнута на дворъ. Много намучилася старая съ нею, пока ее яко-такo не усмирила. Тогда, не отступая отъ ложа недужной, она такъ сидя задремала. Но не минуло времени и за два »Отченaши,« якъ разбудило ее стуканье въ двери. Осторожно подошла она къ оконцу. Но призовъ изъ двора: — »Ево! про-Богъ, пускай насъ скоро!« — въ которомъ она голосъ своего брата Андрѣя узнала, заставилъ ее, удовлетворити скоро его требованію.

Ева руки заломала такъ, что въ составахъ пальцы затрещали и въ голосъ заридала, когда при слабомъ свѣтлѣ лучины узнала, что человекъ, котораго Андрѣй съ Курнацкимъ въ хату внесли, не былъ кто другій, лишь ея сынъ-единакъ Яцко... Блѣдный якъ хуста и безчувственный, только когда материнскій плачь услышалъ, открылъ очи слабо и опять скоро ихъ закрылъ...

— Ажь-то, брате, принесть ты менѣ потѣху! заголосила Ева...

— Тихо, сестро, може не такъ злѣ, якъ тобѣ видится, — успокоивалъ ее Андрѣй, — кусъ меньше плачу, а помочи бѣльше, то все добрѣ буде... Подай воды лѣтной и шмать!

Курнацкій, не внимая на печаль матери, взялся за дѣло. Съ помощію Андрѣя удалось ему въ непродолжительномъ времени сняти одежду изъ Яцка, а послѣ

обмыли оба кровь съ руки его, такъ что могли рану познати.

— Куля перешла на сквозь руку, — сказалъ Курнацкій, — но счастье, что черезъ самое тѣло... Кость вправдѣ тронута, но неповреждена... Опасности нѣтъ, лишь уплывъ крови ослабилъ его. Не журись, старая, — твой сынъ не только будетъ жить, но, дастъ Богъ, вскорѣ выздоровѣетъ...

Обвязавши рану Яцкову, стали теперь совѣтовати надъ своимъ положеніемъ.

— Одно несчастье, что онъ хорый, — а другое неудобство, что вскорѣ могутъ его тутъ глядати, — сказалъ Курнацкій. — Нужно его спрятати...

— Где? якъ? его слабого? спросилъ съ удивленіемъ Андрѣй.

— Не поможетъ, — отвѣтилъ тамтотъ коротко и задумался.

— Имѣете ли Андрѣю гдѣ на другомъ селѣ якихъ знакомыхъ, на которыхъ спуститись бы можно и гдѣ бы его конфедераты не подозрѣвали? — спросилъ Курнацкій.

— Хвалити Бога — мамъ!

— Ну, такъ запряжѣтъ коня къ возу, и то сейчасъ, закѣмъ еще не свитаеть, бо иначе могутъ намъ собаки на пяты влѣзти... Прочее вамъ объясню...

Закѣмъ Андрѣй исполнилъ порученное себѣ дѣло, Курнацкій розсказалъ Евѣ приключеніе такъ, якъ мы уже знаемъ. Раненіе Яцка было перепоню, что освобожденъе Ивана, такъ благополучно начатое, осталось безъ успѣха...

— А все то сдѣлавъ онъ съ любви къ тому

дѣвчати, — нарѣкала старая Ева, — а то вшитко можетъ быти надармо, бо она смертельно хора, а якъ бы »ищи« дѣзналась про своего ѡтца, што съ нимъ поводилось, такъ тутъ ей и аминь!

— Такъ стережѣтъ же ее, чтобы бодай теперъ ничего не узнала. — совѣтоваль Курнацкій, — а на всякій случай можете ровно съ днемъ по священника послати, чтобы ей елей освятить...

— Мамо, — озвался раненый слабымъ голосомъ, — Фесѣ лучше?...

— Старайся про себе, сыну, а ей — якъ воля Божа, — гнѣвалась стара и съ плачемъ, и съ утѣхою...

— Най ю »хоць« разъ побачу, — требоваль Яцко. — Не помогло; — они поднесли и поддержали его. Долго вдивлялся онъ молчки въ лице дѣвчины...

— Не будешь жаловатись на мя, любя, — сказалъ онъ, — што я не стоялъ о твое счастье... Вшиткими способами пробоваль я, штобы тебе отдати въ опѣку Бога, бо мои силы слабы...

Якъ бы слышала его слова, отворила Феся очи и, кажется, познала его, ибо сумная улыбка заиграла коло ея усть. Усмѣхъ тотъ былъ подтвержденіемъ ихъ сердечной связи...

Попращайся же, Яцку, съ твоею милою и съ матерью — велѣлъ Андрѣй, вшедшій въ хату. — Вшитко готово, часъ въ дорогу!

— И мнѣ пора о свою голову заботитись, да нѣчто пробовати, акъ бы Ивана освободити, — сказалъ Курнацкій. — Простѣтъ, люди, что я, со знакомствомъ съ вами, внесъ смутокъ межъ васъ.. Надѣюсь, что побачимся въ лучшихъ временахъ...

Еще не свитало на дворѣ. Изъ подвоя старой Евы выѣхаль возъ, нагруженъ гонтами. Сухую шкану поганяль Андрѣй Ванько. Ему, повидимому, сѣшшилось, нбо не щадилъ батога для коня. Надѣялся бы ли кто, что въ сподѣ воза, накрытый корытомъ, лежалъ Яцко Бреянь?...

Осталась сама Ева дома. Она пригадала себѣ со-вѣтъ Курнацкого, якій далъ ей передъ отходомъ, тому первымъ ея дѣломъ было: вымести хату чисто, затерти слѣды крови, окровавленную одежду добре скрыти, а все то въ цѣли, чтобы никто не догадался, что Яцку приключилось и что онъ дома былъ.

Когда съ повелѣнїя Хижевского нашли конфедераты на ея хату, застали тамъ о. Юанна при священнодѣйствїи. Блѣдность молодой дѣвчины, лежащей на постели, въ руцѣ которой свѣщу старая мати поддерживала, казала имъ догадыватись, что тутъ пригото-вленїе на путь вѣчности совершается. Хотя ихъ кор-тѣло перетрясти домъ за Яцкомъ, то однако прину-ждены были подождати, пока обрядъ маслосвятїя не окончился. Тогда спросили они старую Еву за ея сыномъ.

— Яцко »ищи« не вернулъ изъ Вѣча, — объ-снялась Ева.

— Онъ вернулъ вчера вечеромъ, — отвѣтили конфедераты, — но гдѣ-то подѣлся...

— Боже мѡй сильный, ачей ему ничего злого не стало?!

— Мы не знаемъ, что съ нимъ стало, — от-вѣтилъ старшїй изъ конфедератовъ, — для того мы пришли глядати, чи тутъ не скрылся.

Пронскъ сдѣланный не попалъ Яцка; конфедераты отошли безуспѣшно. Счастье, что между ними не былъ ни одинъ, который участвовалъ въ солотвинской выправѣ, а то може былъ бы въ хорошей дѣвчинѣ позналъ кто Фесю и убольшилъ подозрѣніе на голову старшей Евы.

Ажъ теперь осталось свободное время матери Яцка, поплакати надъ своимъ положеніемъ. Кто перенесется въ положеніе, быти неспокойнымъ каждой минуты о жизнь милѣйшей личности, сына-единака, всей надежды и потѣхи старости, — знати, что онъ раненъ, а не знати, куда его Андрѣй повезъ, при томъ опасатись мести конфедератовъ: тотъ пойметъ причину, для которой густыя слезы лились по желтыхъ щекахъ старухи... Она пошла бы за сыномъ, обходила бы его на ложѣ болѣзни со старанностью, якую только любовь матери въ силѣ заявити, — своею грудью заступила бы его отъ вражнихъ напастей, если бы Яцко не лишилъ ей завѣщанія — покровительствовати Фесю...

— Она несчастная, — думала себѣ Ева, — нынѣ не стало ей приклонной души, кромѣ мене одной, — отецъ въ неволѣ, можетъ и лишити ее сиротиною...

Но Феся не спала. Опертая на руцѣ, вдвлялася она въ лице незнакомой себѣ старухи. Ея ясныя очи, въ которыхъ не отражался уже ніякій признакъ горячки, выражали удивленіе.

-- Где я? — спросила она слабымъ голосомъ.

— У добрыхъ людей, дитино, — усмиряла ее Ева.

— Што со мною подѣялось? — розгадывала дѣвчина и, мовь хотѣла бы избѣгнути неприятнаго воспоминанія, закрыла очи.

— Успокойся, дитино, ты уже безпечна у насъ... Я мати Яцкова, — знаешь его? ты въ его домѣ...

На лицѣ дѣвчины разлилась замѣтная радость.

— А конфедераты?... спросила Феся голосомъ, въ которомъ ужасъ перебивался.

— Есть тутъ въ селѣ, но они не знаютъ о тобѣ, не машь чого ихъ бояться.

— А няньо мѡй?... Чи бывъ онъ тутъ? Чому онъ мене съ собою не возьметъ?...

Старуха отвернула лице, чтобы хора не замѣтила помѣшательства, въ якое вопросъ дѣвчины ее ввелъ...

— Твоѡй отецъ еще не знаетъ о тобѣ, — но Яцко пѡшовъ дати ему знати... Нынѣ може надойдутъ...

— Яцко недавно ѡтойшовъ? — спросила Феся. — Мнѣ привидѣлось, што онъ такій блѣдый бывъ и смутно поглядавъ на мене... Правда ли то, ибо менѣ въ головѣ такъ помѣшалось...

Ева за груди хватилася, — слова дѣвчины сердце ей разрывали...

— Нѣтъ, дитино! — сказала она и погладила ея блѡе лице, — Яцко не бывъ смутный, бо удалось ему тебе изъ рукъ конфедератѡвъ вырвати...

— А, то онъ бывъ! — пригадывала себѣ радостно Феся. — Я пригадую собѣ, што кто-то вырвавъ мене изъ рукъ хорунжого, — знаю, што бѣгъ со мною черезъ лѣсъ, а въ коло насъ былъ полуме'нь — и знаю, што я на его грудяхъ спокойна была и — бѡльше ничого не помню...

— Такъ видишь, то онъ бывъ — объясняла старая, — онъ приставъ до конфедератѡвъ, штобы тебе стеречѣ, — онъ важивъ житье, штобы тебе изъ когтей

вороговъ выдобыти, — онъ и теперь мусѣвъ бѣжати, бо якъ бы конфедераты узнали, што —

Феся рукою очи закрыла; казалось, — видѣла несчастье, якое изъ мести конфедератовъ надъ головою ея висѣло...

— Но теперь ничего тебѣ уже бояться. Яцко безпечный, кобы ты, лемъ, выздоровѣла, то бы онъ не мѣнявся съ никѣмъ на свѣтѣ...

— Я »южь« здоровша, — утверждала Феся, — прежде менѣ въ ухахъ шумѣло, якъ въ млынѣ, голось людскій чула я, якъ бы изъ пѣдъ земли, очи мнѣ заступило, а теперь въ головѣ менѣ ясно и въ сердцѣ легко, якъ бы на ново родилась...

И въ доказъ того поднялась съ постели, и довольно крѣпкимъ, хотя унылымъ шагомъ, перешлась по хатѣ.

— Славажъ Тобѣ Боже! — возрадовалась старая Ева, видя такую перемѣну въ здоровьи Фесѣ, — лемъ не трудись много, а полежь себѣ въ постелѣ, штобы до силъ пришла. А я тѣмъ часомъ пойду въ церковь, бо нынѣ святочная Служба Божая, штобы уприсити Пречистую Матерь Божую о ея чудовную опѣку надъ всѣми нами... Лемъ засунь двери и не пускай никого до хижи, штобы мыслили, што дѣмъ пустый. Я не долго забавлюсь...

Осталась сама Феся. Розказъ старухи возобновилъ въ ней давнее чувство любви, которое теперь тѣмъ сильнѣйше отозвалось. Она бо теперь познала, что Яцко питаетъ къ ней самую горячую безкорыстную любовь, — ибо ставилъ онъ свою жизнь, чтобы освободити дѣвчину, лишенную всего грабежниками...

— Вартъ ты того любый! — говорила къ себѣ Феся, — штобы тебе любити щиро... »Покля« капля крови отзываетсь будетъ въ моемъ сердцѣ, »дотля« любовь моя жива будетъ для тебе... О тобѣ снити, о тобѣ думати, твои мысли сгадывати, то будетъ роскошь моя...

Звонъ колоколовъ церковныхъ потрясъ воздухомъ. Дѣвчина богоговѣйно сложила руки, ея уста не вымвлиали словъ, но чистая душа высылала въ небо горячую молитву за отца, за себе и за Яцка...

Якъ долго молилась она? кто знаетъ?.. Нечаянный стукъ въ двери перервалъ ея молитву. Феся, помня пересторогу старой Евы, не отозвалась, только съ боязни всунулась за печь.

— Кумо Ево? чуєте?! — далъ чутись голосъ, помѣшанный съ колтаньемъ въ шибы, — пустьъ, то я, Марѳа Прокопова! Дихо велике! Ивана Сметану ведутъ на смерть!..

Если бы та, которая назвала себе Марѳою Прокоповою, вѣроятно увѣрена, что кумы Евы нѣтъ дома, не побѣгла дальше, чтобы рознести сумную вѣсть, была бы услышала сердце роздирающій крикъ — и была бы узрѣла, якъ за нею выбѣгла съ отчаяннымъ взглядомъ блѣдая дѣвчина...

Истинно узрѣла Феся толпу людей, которая помалу посувалась сельскою дорогою впередъ...

Отдѣлъ конныхъ конфедератовъ, подъ предводительствомъ Хижевскаго, попережали пѣшии, которые, съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ, вели по-середь себе Ивана Сметану. Несчастнй шель связанъ, босо, съ открытою головою, — лишенъ верхней одежды.

Волосье его долгое падало на очи, казалъ бы ты, — хотѣло его заслонити отъ сорама, якій онъ чувствовалъ, видя себе на ровнѣ съ послѣднимъ извергомъ челоуѣчества...

Никто изъ селянъ не стрѣтился съ тѣмъ печальнымъ походомъ, ибо всѣ были собраны въ церкви на торжественномъ богослуженіи и впрочемъ не знали о томъ...

Недалеко церкви походъ нечаянно остановился; въ серединѣ его сбылось какое-то замѣшательство.

— Няню, соколку!.. — закричала Феся, обнявши руками своего отца, — што съ вами дѣется?!

— Боже ласкавый! — сказалъ тихо Иванъ, поднявши очи къ небу, — дякую Тобѣ, што передъ смертію не лишнѣ Ты мене недостойного послѣдней потѣхи... Давъ Ты мнѣ способнѣсть, мою дитину поблагословити...

— Куда васъ ведутъ, няню?!.. Чи правда, што — Не высказала до конца, ибо сама гадка о томъ замкнула ей уста...

— Успокойся, дитино, — потѣшалъ ее Иванъ, — машь Отца въ небѣ, Той тебе не лишитъ безъ своей опѣки.. Я Его, и то цѣлую нѣчь, моливъ и въ той надѣѣ на милосердіе Его тебе благословлю...

Слезы, плынушіи ясно съ очей его на голову Фесѣ, заняли мѣстце словъ...

— Такъ то правда?! — застогнала дочь...

— Иди, дѣвусь, до церкви, помолись Богу, — сказалъ Иванъ. — Пойдешь, неправдажь? Ты всегда была послушною дитиною...

— Нѣтъ, няню, днесъ за ништо въ свѣтѣ тебе

не послухамъ, — скричала нелюдскимъ голосомъ Феся; — коли умерати, то разомъ! Безъ тебе чего миѣ жити?.. Кто насъ розлучить?..

Окружающіи конфедераты приглядались съ такимъ хладнокровіемъ, съ якимъ обходитъ насъ неспокойной собаки, которой забирають щенки, чтобы ихъ потопити... Нѣкоторые изъ нихъ посунули свою безчувственность къ той степени, что не соромились нѣсколько циническихъ примѣчаній въ курсъ пустити. Первый Хижевскій сталъ нетерпеливъ...

— Пора, — розлучити ихъ, — повелѣлъ.

— Не треба гвалту, пане, — отвѣтилъ смиренно Иванъ, — она сама отойдетъ...

— Нѣтъ времени!

— Пане, я »ищи« на часъ зайду тамъ, где твоя ласка менѣ кажетъ, но ачей менѣ позвольте дитину поблагословити...

— Ну, кончи скоро твою комедію, — сказалъ гнѣвно ротмистръ...

— Дитино люба, послухай мене послѣдній разъ, — подивись на мене, най потѣшуся свѣтломъ твоихъ очей...

Феся подняла голову. Долгую минуту вдвлялася Иванъ въ лице своей дочери...

— Най тебе Господь благословитъ на каждомъ кроку, въ каждой мысли твоей и въ каждомъ дѣлѣ... А теперъ — подивись на того — доложилъ, показуя головою на Хижевского, — придивись ему добрѣ, штобысь »сой« затила, кто причинився до твоего и моего несчастья... Най ему Богъ на страшномъ судѣ того не пригадуеть...

прихожанамъ, чтобы нынѣшняго дня не только всѣ дорослыи сдержались до запада солнца отъ стравы, но чтобы даже и дѣтямъ корма отняли, всѣ же чтобы исповѣдались своихъ грѣховъ и причащались, присутствуя съ богоговѣніемъ богослуженію, къ совершенію котораго онъ численныхъ собратей пригласилъ. И ровно теперь обступилъ почётъ священниковъ алтарь въ правой каплицѣ, среди которыхъ видѣлъ ты почтенныи лица старцевъ, якими тутъ были о. Іоаннъ Ференцевичъ, приходникъ изъ Новицѣ, о. Ѳеодоръ Сембратовичъ, приходникъ Лѣщинскій, о. Лука Шавинскій изъ Мушинки, о. Іоаннъ Мохнацкій изъ Тылича и другіи. Всѣ они съ неизглаголимимъ чувствомъ поглядали на икону Покрова Богородицы, изъ которой нынѣ льющіися слезы почти всѣ подставленныи чаши и дискосы наполнили. Народъ же проявлялъ свою древнюю побожность смиренными поклонами и единодушнымъ пѣніемъ: »Пресвятая Богородице спаси насъ«.

Одна только душа христіанская, хотя присутствовала богослуженію, не имѣла участія въ томъ всенародномъ моленіи. Въ притворѣ церковномъ опералась о стѣну почти никѣмъ незамѣченная женщина, которой недостаточное одѣяніе рѣзко отражалось отъ праздничной одежды прочихъ людей и холоднымъ окомъ блудила по внутрѣ церкви, мовь бы числила наклоненныи головы вѣрныхъ. То была Феся...

Внезапно она притиснула руку къ сердцу, — глухій стонъ выскользнулъ изъ ея груди. Та внутренняя болѣзнь, кажется, опамятала ее на минутку, ибо уста ея шептали:

— Плачь, Мати Божая, надъ поганымъ родомъ,

который перехвалкуется, што въ оборонѣ Сына Твоего стаеть... Плачь, лемъ ряснѣйшими слезами, штобы они смягчили тотъ камень, который люди сердцемъ зовуть... Плачь, ибо они въ Христа вѣрують по своему; ближняго своего продають за доброго коня, а недоля людская меньше ихъ обходить, якъ голодь ихъ собакъ... О дай и менѣ слезы Твои, ибо моихъ южь не стало, штобы загасити мои муки...

И опять замолкла... Лице ея приняло видъ безчувственности, очи станули неподвижно, безъ блеску, безъ жизни...

Когда люди выходили изъ церкви, первое, что имъ въ очи пало, была — висѣлица, сооруженная на холмѣ за водою, а на той висѣлицѣ колысаль вѣтръ тѣломъ Ивана Сметаны. Рыданіе людей помѣшалосъ съ дикимъ смѣхомъ...

— Смотрите-ле, люди! — верещала охрыплымъ голосомъ Феся, — якій погребъ моему няню справили! — Иги!... То не мѡй отецъ, ктось сбаявъ, — то якійсь панъ шляхтичъ! Вынесли его надъ всѣхъ хлопѡвъ!... Старыи чорты ему грають, а молодыи чортенята въ червеныхъ шапочкахъ его обслужили... Якъ ѡнъ танцуетъ по надъ землею, якъ на весельи... Чортовское веселье, — якъ оно красне!...

И въ дикой радости подскочила и сплесла въ долони...

— Бѣдное дѣвча сошло съ ума!... Сожалѣли надъ нею люди...

(КОНЕЦЪ I. ЧАСТИ).

ЧАСТЬ II.

I.

Минула зима. Черезъ оконца приходского дома въ Избахъ закрался лучъ теплого весенняго солнца и, пробираясь сквозь густой листь насажденных въ вазонахъ цвѣтовъ, озарилъ лице женщины, сидящей возлѣ столика. Благодаря тому, могу ея личность представить. Если бы ея густыи брови по часочкамъ чуть не подрогивали, можно бы заключити, что то не живое существо, что въ ней нѣтъ ни сердца, ни чувства; такъ сидѣла она, опутивши безвластно руки на лоно и влѣпивши очи въ одну точку, кажется, что въ сукъ въ подлозѣ... Было-ли чего тотъ сукъ обсервевати? Вотъ, она сама не знала, гдѣ дивится, — ея думки были розброшены всюда, безъ цѣли, безъ связи. Почемужь на ея лицѣ, красиво созданномъ, водворилась нынѣ мраморная блѣдность? Почему отъ корня ея римского носика протяглися двѣ меланхолическии черты? Почему ея очи, нынѣ безъ жару и безъ свѣтла, подведены синею оболочкою, которая крайними своими концами развѣтвилась въ два по-вздожь лица бѣгущи ярочки, повидимому — выжобленные отъ частыхъ и обильныхъ слезъ?..

Женщина та — то Іоанна, дочь о: Шавинского. Она не числитъ нынѣ надѣ 35 лѣтъ жизни, а сколько горя въ половинѣ тѣхъ лѣтъ умѣстилося! Отдана противъ своей воли, за нелюба, связала жизнь свою съ человѣкомъ, казалъ бы ты, безъ характера, если бы его низкіи нравы не были изящнымъ характеромъ его. Петръ Святковскій (такъ называется ея мужъ), приготовлялся къ священническому званію и что только по своей свадьбѣ имѣлъ чинъ тотъ воспріяти, когда владыка дознался заблаговременно объ его развратной жизни и отказалъ ему въ рукополаганіи. Четверть солтыства, на которого купно оба отцы солидарно сложились, становило единственное содержанье супруговъ. Ничего бы то не вредило, — тотъ кусень святой земли, свободный отъ ига панцизнянаго, далъ бы имъ спокойное существованіе, если бы супругъ своимъ розгульствомъ не истощилъ скромнаго имѣнія, а своимъ грубымъ поведеніемъ не вытиснулъ той меланхолической печати на лицѣ когда-то прекрасной женщины...

Она нынѣ пріѣхала съ посѣщеніемъ къ своему отцу. Но о. Іоанна еще нѣтъ, онъ куда-то въ дѣлахъ, свойственныхъ декану, поѣхалъ, но возврата его каждой минуты надѣялись.

Кто знаетъ, якъ долго была бы Іоанна въ томъ положеніи пересидѣла, если бы изъ смежной комнаты не роздался былъ мелодійный спѣвъ Оли. При первыхъ звукахъ того пѣнія, не искусственного вправдѣ, но бесѣдующаго впростъ къ душѣ, казалось, что какое-то неизвѣстное или заумершее чувство въ сердцѣ г-жи Святковской очутилось къ жизни; помалу очи ея ожи-

вились, но дали источникъ раснымъ слезамъ, котящимся извѣстными желобочками на лицѣ ея. Ей привидѣлось, что она еще сегодня малою дитиною у своего батька въ той самой комнатѣ, въ которой столько счастливыхъ думокъ переснила, а тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, что ея старшая сестра (уже давно въ Бозѣ почившая) наполняетъ отъ раня до вечера воздухъ веселымъ пѣніемъ... Да, то было лишь привидѣніе, то былъ лишь пріятный сонъ, но горькое пробужденіе... Плачь, несчастная женщина, за невозвратнымъ сномъ...

— Чи Оля будетъ счастливою? — востхнула тихо Юанна. Най Богъ сохранить ея сердце такъ свободнымъ, умъ легкимъ, душу безъ предчувствій будущности... Най не знаетъ, якъ солнце жарить, якъ гроза реветъ, най думаетъ, что стези людскіи цвѣтами выстелены... Въ томъ только пріятномъ обманѣ есть она счастливою...

Подтвержденіе того положенія казалось быти выписаннымъ на лицѣ Оли, которая теперь вошла въ комнату. Очи ея сіяли радостью, уста ея удовольствіемъ усмѣхалися.

— Тетуся! По чему вы всегда такіи смутныи? — спросила Оля, по чемъ прилякнула къ Юаннѣ и вдивилась въ ея очи тѣмъ наивнымъ взоромъ, съ якимъ дѣти ожидаютъ розрѣшенія непонятной для нихъ загадки...

— Я смутна? — отвѣтила Юанна, — тебѣ лишь такъ кажется... Вѣдь не схочешъ отъ мене, чтобы я всегда плясала и спѣвала.

— Того нѣтъ, но хотѣла бы я хотя разъ видѣти, якъ выглядитъ веселый усмѣхъ на вашемъ хорошемъ

лицѣ... Мнѣ видится, что вы, тетя, никогда въ жизни не засмѣялись...

— Не вѣрь тому, дитино! Когда я была въ твоихъ лѣтахъ, я такъ само была пустою, якъ ты, щетбушко, — обыкновенно не имѣла я журбы на головѣ. Когда и ты выйдешь замужъ, то за недѣлю споважнѣешь...

— Я не хочу, — возразила скоро Оля — я хочу всегда веселою быти!

Въ первый разъ промчался мирный усмѣхъ на лицѣ Юанны вслѣдствіе того протеста Оль...

— Вѣдь, моя любко, не на столько радости въ свѣтѣ, что въ спѣванкахъ да пляскахъ — увѣщевала тетка. — Съ любимъ супругомъ жизнь погодна, якъ чело дитины, чиста, якъ слеза дѣвчины... Въ злой лиль доброй минутѣ, не великое различіе. Горькую минуту взаимное утѣшеніе ослабитъ, тяжесть горя на два рамена передѣлится, а въ добрую минуту взаимная любовь тѣмъ дорожшею сдѣлаеть.

— Съ любимъ — може, — прошептала Оля, но довольно голосно, такъ что Юанна дослышала тое.

— Да, съ любимъ, — подтвердила Юанна, а хмара зависла надъ ея очами, — ибо ктожь бы силывалъ тебе идти за нелюба?..

Собственные гадки, якіи при тѣхъ словахъ пересунулись черною строкою передъ воспоминаніемъ тетки, не дозволили ей примѣтити, якъ на ея зимной руцѣ холодила Оля свое распаленное личко. Она продолжала:

— Когда я въ ту бесѣду запустилась, дамъ тебѣ еще одну пересторогу на цѣлую жизнь. Памятай,

любка моя, чтобы не каждый красивый мужчина был тебѣ уже и любимъ... Не одна выплакала очи свои за то, что очами избрала себѣ мужа, а не досвѣдчила, необачная, знаютъ ли ихъ сердца одну бесѣду, porozумѣются ли они... Неопытныи дѣти презирають неоглаженный вѣшностію камень, не зная, что въ серединѣ его нерѣдко мѣстится цѣнное золото, — уганяются за поверхными блискотками и жалуютъ послѣ, что обманили себе, ибо то была лишь позолоченная глина... Хотя бы и тотъ Хижевскій... Урода его — какой другой годѣ найти, но неменьше нужно бы богато свѣта перейти, чтобы найти кого, чтобы въ полыхъ его свойствахъ выровналъ ему... Ночевалъ у насъ прошлой осени нѣкій п. Курнацкій, — точно тогда, когда Иванъ Сметана такъ сумно изо свѣта пошелъ... Тотъ Курнацкій увѣрялъ насъ, что виновникомъ того трагического событія никто другій, лишь Хижевскій, а то съ мести, что солтысь солотвинскій боронилъ свою Фесю отъ жадного пристрастія его... Ложнымъ свидѣтельствомъ обременилъ Хижевскій свою совѣсть подвойно: смертію тѣлесною Сметаны, и смертію душевною Феси... Най Богъ будетъ ему милостивъ, если то правда, но я не таю моего безпокоя, что онъ такъ часто тутъ у батенька гостить... Стережись, Оля, отъ его лестныхъ словъ...

Но Оля, не знати по чему, не имѣла смѣлости поднести свои оченята къ тетцѣ...

— Чтожь? Ты, бачу, не конечно слушаешь, что я тебѣ наговорила? — обозвалась по долшей минутѣ Юанна, трепая ласкаво Олю по рамени. — Извини, что я твою головку пустою бесѣдою заиряжала... Но

то не повредить; ты уже въ лѣтахъ, въ которыхъ дѣвчинѣ призадуматься бы не лишъ о самыхъ цвѣтахъ, птичкахъ и кроликахъ... Впрочемъ я буду молити Бога, чтобы тебѣ достался мужъ, по очахъ и по сердцу...

Оля теперь подняла очи. Но выраженіе ея лица было такое отмѣнное, казалъ бы ты, что въ той минутѣ она споважиѣла, — изъ веселой дѣвчины стала розсудливою женщиною! Вліяніе совѣтовъ Іоанны было совсѣмъ другого рода, якъ того она надѣялась... Что могло быти тому причиною?..

— Не знаю, достанется ли мнѣ такой мужъ, — отвѣтила Оля на послѣднее примѣчаніе своей тетки...

— Но я знаю, — успокоивала ее Іоанна, улыбаючись пріятно; — пожди! Небавомъ, якъ мнѣ извѣстно, попросится у тебе Матвѣй Чирнянскій... Но, но, хлопецъ, хоть куда, — навѣрно, не будемъ тебе наговляти, чтобы ты съ нимъ подъ вѣнецъ станула...

— Тетусь! — дѣдунъ пріѣхалъ! — сказала Оля и выбѣгла старцу на встрѣчу.

Да, о. Шавинскій въ самъ часъ надѣхалъ, ибо поддалъ Олѣ случайность, скрыти свое волненіе и незамѣтно сдѣлати блѣдность своего лица...

Привѣтствіе о. Іоанна со своею дочерью казалось бы чужому страннымъ, — оно бо было совсѣмъ того рода, якъ когда чувствительный отецъ нѣжничаетъ съ любимою дитиною: и гладитъ ея личко, и подноситъ ея бородку, чтобы выгоднѣйше въ ея пустыни оченята надивитись, и цѣлуетъ по-очередно то чело, то брови, то усточка...

Но по чему же по томъ привѣтствіи насупились

брови у старика?.. Почему яка—то скрытая печаль захмарила его погодное лице? Вотъ, онъ почувствовалъ на своей ладони поцѣлуй, изъ которого одновременно позналъ, что уста, которыи его вытиснули, судорожно трепетали, — онъ позналъ дальше, что на изліяніе его нѣжной любви отвѣтила дочь слезами, которыхъ пекуцій жаръ чувствовалъ отецъ въ своемъ сердцѣ...

— Ты сама пріѣхала? — спросилъ ее, послѣ короткого молчанія.

— Сама.

— Почему твой Петръ съ тобою не пріѣхалъ?..

— Нѣтъ его дома.

— А гдѣжь пошелъ?

Вмѣсто отвѣта, г-жа Святковская расплакалась въ—голосъ...

— Та гдѣжь твой мужъ? — спросилъ опять о. Іоаннъ, но на сей разъ съ видимымъ беспокойствомъ.

— Я сама не знаю навѣрное, гдѣ, — розсказывала отрывочно печальная женщина. Двѣ недѣли тому, якъ тайкомъ ушелъ и не далъ доси ніякой вѣсти о себѣ... Сосѣдъ нашъ Федоръ, что ходилъ за овцами въ Лютовиска, говорилъ, что слышалъ отъ людей, будто бы Петръ къ конфедератамъ присталъ...

— Къ конфедератамъ?.. изъумѣлся о. Іоаннъ, — но въ сяноцкой земли о ніякихъ конфедератахъ я не слышалъ!

— Не знаю, якъ тамъ есть, но Федоръ розсказывалъ дальше, что Петръ есть при отдѣлѣ, которыми якій—то панъ Дубецкій доводитъ.

— Дубецкій? — кликнулъ старикъ перестра-

шенный. — Дубецкій? Чи ты, доню, не переслухалась?.. Вѣдь то шляхтичъ ходачковый, — правда, что Русинъ, но столько и его славы! Промарновалъ все, собралъ шайку ровныхъ себѣ негодяевъ и бавится теперь въ конфедерацію... Тѣ конфедераты, что къ намъ приволоклися, не стоятъ сплѣснѣлого гроша но Дубецкій и его товарищи — то простыи розбойники!..

Юаннѣ не стало уже слезъ... Она закрыла лице отъ стыда, а груди ея тяжело волновались отъ смущенія...

— Христе Спасителю, отними тотъ крестъ, ибо за тяжкій на рамена слабой женщины, — востхнулъ о. Юаннѣ...

— Успокойся, дитино, — продолжалъ онъ послѣ, — може то все неправда, може то все выдумкою легкодушія или злобы людскій. Твой Петръ, правда, вѣтренникъ, но я вѣрю, что еще на столько почитанія чести ему осталось, чтобы отъ такъ низкого паденія предохранился...

Старикъ слабымъ голосомъ утѣшалъ свою дочь, — кажется, самъ сомнѣвался въ основности наведенной нимъ причины... Юанна и ту послѣднюю надежду разрушила, когда сказала:

— Петру не осталось теперь ничего другого дѣлати... Честнымъ способомъ не умѣеть онъ заробити на содержанье, а имѣніе наше вѣрители заграбили... Я не умѣю уже сегодня своей стрѣхи...

То былъ такожъ нечаянный, но тѣмъ больше тяжкій ударъ для о. Щавинского... Съ начала онъ не могъ даже слова промовити, но по долшей минутѣ,

во время которой всею волею старался быть спокойнымъ, сказалъ :

— Не имѣешь стрѣхи?.. Есть она у мене! Петръ розорвалъ послѣднюю связь, которая тебе къ нему привязывала. Не имѣть больше ніякого права къ тебѣ. Отъ сего дня будешь обитати у мене. По толикой пережитой горести — часъ уже, чтобъ ты спокойно отдохнула. И такъ не-одолго може самъ останусь... Оля може...

Онъ не окончилъ начатого положенія, оторвался отъ новой думки, ибо не могъ такъ легко новой печали позабыти...

— Еслибъ мене кто былъ передъ твоимъ вѣнчаніемъ предостерегъ, тому былъ бы я въ нагороду крови моей наточилъ; ничѣмъ было бы мое житье, если бы я нимъ искупилъ свою дитину отъ тѣхъ грустныхъ дней, на якіи мои старыи очи надивились... А онъ такій казался быть пріятный, честный, скромный...

— Я предчувствовала. — перервала Юанна монологъ своего отца...

— О, не выкидай мнѣ того грѣха, любезная дитино, — возразилъ печально старикъ, — ибо мене упрекаетъ за тотъ нерозумъ ежедневно моя совѣсть... Я не хотѣлъ твоего зла, что я тебѣ приказалъ за него идти, — я только обманулся! Я не зналъ еще тогда, что женщины сердцемъ угадуютъ то, что мы мужчины холоднымъ умомъ обчисляемъ! Мене мой отцевскій розумъ заставилъ, присиловати тебе къ тому сунружеству, тебе же сердце споводовало — отказати. Такъ я согрѣшилъ, что далъ увлечись виѣшнимъ того негодая поведеніемъ, которымъ онъ зналъ предо мною

такъ хорошо блестяти... Человѣкъ — не книга, которую можно было бы раскрыти и о внутреннемъ содержаніи ея убѣдиться... Я за то наказанъ, что я принужденъ твоею неволею страдати...

— Извини́тъ, батеньку, я не хотѣла васъ моимъ замѣчаніемъ оскорбляти, — сказала Юанна, цѣлуя его руку; — я знаю, что вы изо всѣхъ отцовъ наилучшимъ отцемъ — и иначе вы тогда не могли сдѣлати... Но я хотѣла вамъ пригадати то, что вы что только высказали, — именно, если дѣвчина отказуется отъ вѣнца, то не конче то класти треба на счетъ ея нерозума, или »гримасовъ«...

— О, что до того, то больше у мене не повторится, — увѣрилъ о. Юаннъ; — я обученъ въ томъ горькимъ опытомъ... И въ доказъ того скажу тебѣ вѣсть, которая, надѣюсь, и тебе пріятно тронеть... Я узналъ нынѣ по дорожѣ, да, таки упередили мене, что сегодня пріѣдутъ сваты до нашей малой Оли: Матвѣй Чирнянскій, хорошій юноша, учтивый, якъ его батько; господарство у него, якъ у шляхтича, — но если бы Оля не хотѣла... я ни слова на то!

— О то не бойтесь! — упѣрила Юанна, — я нынѣ немножко исповѣдала Олю и кажется миѣ, что она только того и ждетъ...

— Най бы Богъ далъ, — кончилъ богоговѣино о. Шавинскій, — чтобы я мою старость счастьемъ Оли упріятнилъ... А ты, доню, потѣшь себе, что все въ рукахъ божихъ... Двигай бодро твой крестъ, Богъ бо не даетъ тяжшего, только якій кто може нести, а силою Своею Онъ безсильныхъ скрѣпляетъ... И я, бы-

вало, неразъ уже упадалъ подъ бременемъ, но Богъ всегда мене воздвигалъ и потѣшалъ...

Не ошибся о. Іоаннъ, если надѣялся нынѣ сватовъ для своей Оли. Едва солнце къ вечеру наклонилось, заѣхала повозка передъ окна и послѣ минуты дало слышатись стуканье въ двери.

— Да будетъ Богу слава, дому сему миръ во Христвѣ, а вамъ счастье и здравье, честныи господа, — сказалъ войшовшій поджиленный священникъ, такожь бородастый, въ сопровожденіи юноши и одного молодого священника, но по новѣйшему воспитанію уже — гладко обритога. Старый священникъ — былъ то о. Петръ Гумецкій, приходникъ въ Перунцѣ, младшій же — о. Стефанъ Адамовичъ, приходскій сотрудникъ въ Банницѣ, а юноша среди нихъ не былъ кто другій, лишь извѣстный Матвѣй Чирнянскій, солтысъ въ Чирной, писанный въ книгахъ съ придаткомъ *pobilis*.

— И всѣмъ входящимъ въ онъ, — отвѣтилъ о. Іоаннъ. — Просимъ покорно сѣдати и розгоститись.

— Не сядемо и гоститись не будемо, доки насъ не выслушаете, прочто рѣчь ведемо, — возразилъ ораторъ.

Изъ той пригравки порозумѣли домашніи цѣль посѣщенія гостей. О. Іоаннъ повеселѣлъ, г-жа Святковская поглянула на Олю со значущимъ усмѣхомъ — а та послѣдняя, покраснѣвши, пошла скоро въ прибочную комнату.

— Если вы съ чѣмъ добрымъ пришли, подякуемо, а и злое пріймемо. Говорѣтъ!

Старый свать началъ рецитативомъ:

— Цвѣтъ-княжикъ молодой, выйшолъ сой на ловы, не словилъ ничего, лемъ думку пустую. А пустая думка повѣдае, чомъ онъ пары не мае, чомъ особнякомъ въ свѣтѣ стоить, якъ была въ чистомъ полѣ... Ажъ туй побачилъ красную дѣвицу, свѣтлую якъ зорницу, якъ разъ вподобну и пригодну себѣ за помочницу, за любую товаришку. Пустился ее словити, до сердца притулити, но красная дѣвица, боязлива якъ ласица, исчезла ему съ очей. За то лишилась туга въ сердцѣ нашего друга, княжика-молодика, за свѣтлой зорницей, пышной царицей. А мы его други и вѣрныи слуги ходили, слѣдили и съ помощью Бога дошли къ вашему порогу. Такъ кланяемся Вамъ разъ, другій и третій: дайте вашу Олю-красавицу вотъ сему молодцу за помочницу, за любую товаришку!

— Гдѣ ты такой раціи научился? — спросилъ, смѣясь, о. Юаннъ сего свата, а своего друга еще отъ азбуки.

— Где-не-что запомнѣлось еще изъ того времени, — отвѣтилъ тойже, — когда то я былъ княжикомъ-молодикомъ, — тая бо минута незабвенна до смерти — а что не запомнѣлось, то выдумалось...

— Ну, славный съ тебе свать, что охота беретъ тебе уцѣловати! Прошу, розгостѣтся у мене такъ свободно, якъ радо я васъ у себе пріймаю!

— Нѣтъ, не такъ, — возразилъ о. Гумецкій. — Я, яко свать, держусь старого свычая и прото еще разъ повтаряю: Не будеме пити, не будеме ѣсти, покля намъ не дасте, по что-мы ту прійшли.

— Даю, даю! — кликнулъ о. Щавинскій съ та-

кимъ радушьемъ, какое ему въ жизни мало случилось; — имѣешь мою волю, любовь и благословеніе, хлопче! — Но дѣвчину таки треба спросити, бо якіи козы въ дѣвочей головцѣ родятся, того мы старшіи уже не знаемъ; можетъ которая дѣдуню роги показати!.. Но наилучше — иди, Іоанця, — сказалъ, обратившись къ своей дочери, — и спроси Олю, чи уже напярла на ручки; — передъ тобою она скорше выскажется, а передъ дѣдунемъ може бы и соромилась.

Минуло долшее время, закѣмъ г-жа Святковская вернула изъ своего посланничества. Но на лицѣ ея отразилось какое-то замѣшательство...

— Батеньку, — сказала она, — идѣтъ самы поговорити съ Олею...

— Я? — изумѣлся о. Іоаннь, — я имѣю идти?.. Но то на супротивленіе закруветъ!

Гости только по себѣ глянули. Старшій свать покачалъ головою, молодшій саркастически улыбнулся, а женихъ покраснѣлъ и потупилъ въ землю очи..

И опять слѣдовала долгая минута, тѣмъ скучнѣйшая, что заполненная невыносимымъ молчаніемъ. Вконцѣ обозвался о. Адамовичъ:

— Утягнутъ-ли насъ кони съ поворотомъ? бо тяжкій повеземъ гарбузъ...

О. Гумецкій нахмурилъ брови и, повидимому, наготовилъ себѣ строгій отвѣтъ, но г-жа Святковская вмѣшалась:

— Того не опасайтесь, но не дивуйтесь, что Оля капризничаетъ. Дѣвчина молодая, соромится.

— Нѣтъ, она не соромится, — перервалъ вшедшій о. Щавинскій, — а такой роги надставляетъ.

— Значится иначе: »Бывайте здоровы?« — спросил старшій свать.

— Того я еще не сказалъ, а только извольте потерпѣти нѣсколько дней, закъмъ Оля немножко розума набереть...

— А не можно ли бы знати, если ласка ваша, почему ваша внучка такъ неласкавая на насъ? Може молодець ей не понравился?

— О, противно, которой дѣвчинѣ Матвѣй не понравится?.. Но причины — она и сама не знаетъ; — кажетъ: не пойду, я васъ, дѣдунъ, не покину, я безъ васъ умерла бы, — отъ, самыи дитинячии бесѣды...

— Затѣмъ слѣдовало бы тебѣ, друже, дитинячии бесѣды своимъ вліаніемъ на правый путь навести, — замѣтилъ о. Гумецкій.

— Якъ то разумѣешь, — чтобы я на счетъ ея безусловнаго повинованія къ мнѣ силоваль ея?.. Такъ ли? О, того я никогда не сдѣлаю, — ибо...

Взоръ его печальный, якимъ глянулъ онъ на Иоанну, добавилъ прочее...

— Когда такъ, — началъ о. Гумецкій.

— То повеземъ гарбузь, — дополнилъ о. Адамовичъ.

— То бывайте здоровы, — продолжалъ старшій свать, пустившій мимо ушей насмѣшку своего молодшого товарища. — Не гнѣвайтесь на насъ, что не въ часъ мы пришли, якъ и мы не гнѣваемся на васъ, что вы нами возгордѣли...

— Я возгордѣлъ вами? — кликнулъ, оскорбленный о. Иоаннъ. — Тяжкое слово сказалъ ты, друже! Если бы ты зналъ, якъ оно мене заболѣло, былъ бы

ты его съ слиною полкнулъ. Но прошу еще разъ: розгостѣтся у мене, дайте мнѣ случайность показати вамъ, якъ милыми гостями вы для мене...

— Другимъ разомъ, а при такъ оконченномъ дѣлѣ, якъ теперъ, гоститись не есть свычаемъ у людей, — отвѣтилъ хмарно о. Гумецкій. Благодаримъ за мудрое слово, а въ замѣнъ оставляемъ васъ съ Богомъ!

И затѣмъ вышелъ со своимъ младшимъ товарищемъ. Одному только жениху тяжело приходило отходить. Тяжело приходило ему розстатись съ тѣмъ счастьемъ, о которомъ днями мечталъ, ночами снилъ; былъ онъ въ положеніи на ровнѣ съ тѣмъ пловцемъ, который при самомъ березѣ тонетъ...

— Прощайте, панъ-отче, — сказалъ онъ со слезами, цѣлуя руку о. Щавинского. То было первое и послѣднее слово, какое онъ нынѣ сказалъ.

— Бывай здоровъ, Матвѣю! — отвѣтилъ мирно старикъ; — жаль мнѣ, что не могу еще наречи тебе нынѣ сыномъ моимъ, но что отстрочено, то еще не пропало. Посѣщай мене часто, най Оля тебе ближе познать, а я, знаешь, съ радостью поблагословлю тебе...

— Ни мнѣ приснилось, что такой грызоты сегодня нажюсь, — сказалъ о. Іоаннъ, когда, по отходѣ гостей, на-единѣ со своею дочерью остался. — И мой другъ Гумецкій оскорбился, что его сватовство не повелось, къ тому еще у мене, — и Матвѣя жаль мнѣ, а больше мене болитъ, что Оля, которую я по дѣтяхъ больше люблю, такого смутку мнѣ причинила...

Въ той минутѣ вошла Оля, поблѣдая, а на ея зрѣнищахъ тряслись капли слезъ...

— Слышала-ли она послѣдніи слова своего дѣдуна? А хотя бы не слышала, то чувствовала, что его упрекательный взоръ на ней почиваль... Она не выдержала и съ плачемъ кинулась на груди старику... И лице его выпогодилось, якъ лице усмѣхающейся дитины...

Сцену тую перервалъ новый пришелець. Былъ то — Хижевскій. Заѣмъ могъ онъ поздоровитись съ о. Іоанномъ, не залишилъ поглянути на прекрасную Олю. Іоанна замѣтила, что взоръ его и сопровождающій его усмѣхъ, сталъ на границѣ, гдѣ обыкновенное почитаніе кончится, а довѣренность начинается. Оля отдала поздравленіе на видѣ приличнымъ способомъ, но тетка не была тѣмъ довольна, — ей начало въ головѣ проясниться...

— Не довольно досады нынѣ, еще тотъприходить довершити, — подумалъ себѣ о. Щавинскій.

— Извинѣтъ, ксенже, — сказалъ конфедератъ нослѣ обыкновенного привѣтствія, — что и моимъ пришествіемъ помѣшалъ изліянію нѣжной преданности вашей прекрасной внучки, но когда мнѣ предстоитъ далекая дорога, а тѣмъ больше тревожная, что въ неизвѣстную будущность, не могу залишити, чтобы не попрощатись съ тѣмъ домомъ, въ которомъ я столько жичливости и розвлеченія находилъ, во время скучной зимы, между —

— Вы отходите? — перервалъ ту буффонаду о. Іоаннъ.

— Завтра, до-свѣта.

О. Шавинскому полегчало на сердць.

— Завтра отходимъ всѣ, — куда? въ томъ нашего маршалка, пана Бѣржинского, голова; зависимо то будетъ отъ политической констелляціи и отъ движенія коронныхъ и русскихъ войскъ.

Изъ того зашла бесѣда природнымъ путемъ на повседневныи новинки, изъ среды которыхъ найсвѣжшая и въ очахъ конфедерата найважнѣйшая была та, что собранныи въ Мушинцѣ маршалки избрали генеральнымъ маршалкомъ всѣхъ конфедерацій п. Михаила Красинского. Изъ-за-того Бѣржинскій, который готовился на полученіе того достоинства, розгнѣванный до живого, рѣшилъ: не признати ніякого генерального маршалка, а воевати на собственную руку...

Для чего Хижевскій, зная о непатріотическихъ намѣреніяхъ Бѣржинского, остался при того же отдѣлѣ, того онъ не объявилъ, но исторія не замолчала, что къ Бѣржинскому горнулись всѣ подъупавшіи шляхтичи, всѣ люди подозрѣнной чести, ибо тамъ не вязались ніякою войсковою карностью, а послѣдовали правилу: грабити до крови, чтобы нажитись богатства! Вотъ, якъ ратовали они ойчизну...

Долше, якъ бы слѣдовало, забавлялся Хижевскій того дня въ домѣ о. Іоанна.

Съ ловкостію варшавского салоновца умѣлъ онъ удерживати розговоръ въ границахъ, которыи не препятствовали и молчаливой Іоаннѣ участвовати.

Замѣтно только было то, что каждоразовое отвертіе дверей заставляло Хижевского оглянутись, въ надеждѣ: не войшла ли пожеланная личность. Если онъ того дня Оли не видѣлъ, то и не было чему

дивоватися, что подь-конецъ посѣщенія юморъ его опустилъ и выразъ неудовольствія отразился въ твердо-затисненнхъ устахъ. Но за то г-жа Святковская усмѣхалась злорадно...

— Най ему Богъ даетъ все доброе, най его хоронитъ отъ злого приключенія въ той вояцѣ. — сказалъ о. Іоаннъ къ своей дочери, когда за отходящимъ Хижевскимъ двери затворились, — но най его опять не приводитъ въ Избы, — я его терпѣти не могу...

— Но може за то.. для кого другого есть онъ сноснѣйшимъ, — замѣтила значительно Іоанна...

— Что ты въ тѣхъ словахъ подроумѣваешь?

— Оли тутъ нѣтъ, то могу вамъ сказати. Вотъ, пришло мнѣ на гадку, чи случайно такой хорошей мужчина, якъ ротмистръ, не былъ причиною, что Оля гарбузомъ Матвѣя надѣлила?...

— Яки поводы склоняють тебе къ подобному мнѣнію? — спросилъ неспокойно о. Іоаннъ.

— Ніякіи, но я чувствую то сердцемъ, — а вы, батеньку, доходѣтъ состоятельности оногo мнѣнія розумомъ...

— Сердцемъ?... розумомъ?... повторялъ махинально старикъ, по чемъ, сдерживая насильно ровновѣсь своего духа, добавилъ: Невфройтного въ томъ нѣтъ ничего, а что тотъ пройдисвѣтъ черезъ зиму почти ежедневно тутъ волочился, то такожь не безъ причины!... Вѣдь для него разговоръ со мною, старымъ попомъ, не былъ розвлеченіемъ, не былъ поводомъ его частыхъ посѣщеній... Ту что-то другое крыется... Нужно свѣтла въ томъ дѣлѣ... О Боже, если тому правда, то новый крестъ изъ рукъ Твоихъ!...

II.

— Я знаю, якіи смутокъ опановавъ ваше сердце, — говорилъ Андрѣй Ванько вечеромъ того же дня къ Олѣ, сидящей на деревяной скамейцѣ, обѣнненной густымъ листьемъ розвившейся уже липы. — Позвольте, паннунцю, най вамъ выворожу! Красный на видѣ цвѣтокъ до очей припадае, до души усмѣхатся, до сердца примилатся... Осторожно! Пôдъ зелеными листочками, пôдъ червонными цвѣточками — гадина крыесея... Не бажайте красного цвѣточка, бо скрыта гадиночка жало выпустить, въ ручку укуситъ, сердцу рану задасть, душу высушитъ, житье замучить... Ахъ — «варуйтесея» ёго, — вы знаете кого?... пана Хижевского... Лучше того привитайте, ручку ему подайте, который, якъ барвѣнокъ зеленый, приклонился къ землѣ, не видѣнный, незнанный между пашными цвѣтами... Якъ осенній вѣтръ холодомъ потисне, пышный цвѣтокъ усхне, слезы дѣвчинѣ вытисне за промарнованою красотою, за пропавшимъ счастьемъ, за переснитымъ раемъ... Барвѣнокъ, лемъ, все неотмѣнный, вѣчно-зеленый, очи тѣшитъ, сердце веселитъ, душу радуе... Тѣмъ барвѣнкомъ, паннунцю, знаете кто?... Матвѣй! Выбирайте собѣ, бо выборъ нетрудный... О Хижевскомъ вамъ каждая дитина въ селѣ скаже, а о чемъ люди тихо шепчуть, о томъ голосно бесѣдуе — шибеничный верхъ... Най васъ Господь и его Пресвятая Мати мають въ своей памяти...

По чему ты, дѣвчино, такъ сумуешь?... По чему изъ грудей твоихъ тяжкіи вздохи выдобываются, а слезы сквозь пальцы протискаются?... Почему въ твоей голо-

воньцѣ гадки попутались, а уста шепчуть слова безъ связи?... Не видишь ли, что мѣсяцъ любопытно придвигается тебѣ, будто бы хотѣлъ отгадать, что въ душѣ твоей дѣется, что на днѣ твоего сердца крыется, въ намѣреніи, записать твою грусть въ число тѣхъ различныхъ оттѣнковъ людской нужды, на якіи онъ во время своего отвѣчного странствованія довольно надивился?

И Оля, видно, порозумѣла желаніе бѣлолицого, ибо очи ея поднялись въ небо, а гадки ея — разброшенные — слились теперь въ одну плачевную пѣсню:

— Почемужь, о Боже, не далъ Ты мнѣ власти, чтобы я могла выбросить сердце изъ груди, яко излишнее бремя, которое мой супокій затрило?... Почему полюбила я того, которого любовь мене страхомъ надѣляетъ, якъ тотъ магнесъ, который однимъ концемъ притягаетъ, а вторымъ отталкиваетъ?... Почему принужденъ одинъ имѣти красоту безъ сердца, а другій сердце безъ красоты?... Почему невозможно переполовить сердце и одного любить для очей, а другого для чувства? Ахъ, сорокъ и грѣхъ... Возможно ли то, чтобы подъ такъ миловидною внѣшностью крылось такъ поганое сердце?... Боже, умиласердися надо мною!

Мѣсяцъ выслушалъ ту исповѣдь съ холоднымъ лицомъ, ему бо не въ первый разъ случилось слышати жаль дѣвочій, высылаемый въ тихую ночь, — и покойно, якъ всегда, посунулся на обыкновенной дорожѣ впередъ...

— Добрый вечеръ!

Оля задрожала на тотъ знакомый голосъ. Передъ нею стоялъ — Хижевскій.

— Взаимно, — отвѣтила она и повстала въ намѣреніи, удалитися домой, но ротмистръ препятствовалъ ей въ томъ.

— Прошу, останьтесь немножко, я благодаренъ случаю, который мнѣ дозволилъ встрѣтити васъ, — я прошу васъ о соизволеніи, сказати вамъ нѣсколько словъ...

Оля, подъ вліяніемъ его пламенныхъ очей, не была въ состояніи двинутись изъ мѣстца, лишь съ усиліемъ своей воли возмоглась на отвѣтъ :

— Я не вижу причины, для чего вы, господинъ, собственно тутъ со мною бесѣдовать хотите, когда можете то каждого времени сдѣлати дома, при моемъ дѣдушѣ!...

— О, я уже съ дѣдушемъ вашимъ былъ и попрощался съ нимъ, — вы же такъ скоро вышли изъ комнаты, что я принужденъ былъ тутъ васъ отыскати, чтобы и съ вами попрощатися...

— Вы отходите уже? — спросила Оля полуголосно.

— Отхожу — въ мрачную неизвѣстность... Не знаю, верну ли, не знаю, жити ли буду... Воину каждая минута опасна...

Оля не сказала на то ничего, лишь почувствовала какое-то необыкновенное біеніе сердца...

— Нынѣ говорю тутъ съ вами, — продолжалъ конфедератъ, — а за двѣ седмицы тѣло мое, можетъ быть, лежати будетъ безжизненно гдѣ-то въ чистомъ полѣ...

— Ахъ, не продолжайте, то страшно слухати, — перервала скоро дѣвчина.

— Извинѣтъ, если я васъ налякалъ, — но я тому невиноватъ, война то съ собою несетъ... Не боюсь смерти на побоевищѣ, противно, я желаю умерти со славою за славу ойчизны, но тѣмъ смѣлѣйше шелъ бы я на встрѣчу ворогу, если бы я былъ увѣренъ, что мене сопровождаетъ сочувствіе какой пріязной души и что, кромѣ черного ворона, еще кто-то больше пожалѣетъ о моей смерти... Панна Оля, могу-ли я васъ о то просити?...

— О томъ можете быти увѣрены... Дѣдунъ и я — мы васъ будемъ на каждомъ шагу съ нашими желаніями сопроводати... Мы не забудемъ, сколько мы вамъ одолжены... Хотя тѣмъ изъяснимъ нашу благодарность къ вамъ...

— Благодарность, благодарность, — повторилъ съ неподаржаемымъ патосомъ Хижевскій. — Ахъ, не выговляйте опять то слово; оно такъ холодно звучитъ якъ розбитый колоколь! Моя душа желаетъ значительнѣйшого слова, мое сердце жаждетъ теплѣйшого чувства, чѣмъ благодарность... Тая имѣетъ мѣсто между должникомъ и займодавцемъ, которыи точно съ собою обчисляются! Помилуйте, не надѣляйте нею мене...

Оля судоржно притискала руку къ грудямъ, — повидимому боролась съ собою. Предостереженіе ея тетки и ворожба Андрѣя — казали избѣгати ей того, которого очи такъ искренно дивились, которого слова самую сердечною любовью дышали...

— Буду молитись о васъ, чтобы вы здорово и со славою изъ войны вышли, — прошптала дѣвчина.

— Молитесь? — спросил ротмистръ голосомъ, въ которомъ нѣкое удивленіе довольно замѣтно было. — О, я непоколебимо вѣрю, что молитва изъ вашихъ чистыхъ устъ заступитъ мене отъ вражихъ пуль... Но помнѣть, что молитва есть обязанностию каждого христіанина; нею мене отправляете якъ нищего, которому, вмѣсто хлѣба, дается холодное: счастье тебѣ Боже! — Мнѣ другой милостыни нужно, той, безъ которой мнѣ жизнь немила... Вы знаете, что я васъ люблю, — люблю пламенно, безусловно, необмеженно... Безъ васъ я потеряю вѣру въ жизнь. вѣру въ небо... Любленымъ быти отъ васъ — то рай для мене: васъ любити — то жизнь для мене. Дайте мнѣ хотя то невеликое увѣреніе, что я вамъ не равнодушенъ, чтобы я зналъ, съ чѣмъ иду на войну... Тогда мнѣ все равно... Умрули, — то съ усмѣхомъ радости на устахъ, что обожаемая мною помнетъ обо мнѣ; выйду-ли живъ, то буду жити любовью и для любви. Скажѣтъ, любезнѣйшая Оля только одно словечко, а я найсчастливѣйшій буду изо всѣхъ людей..

Внутренняя борьба у Оли усилилась, борьба упорная, между горячимъ сердцемъ, а холодною розвагою... Разумъ указывалъ на требованіе чести, сердце хотѣло утолити свою жажду за блаженнымъ чувствомъ... Умилительный взоръ Хижевского и его трогательное слово поддало молодому сердцу побѣдоносное оружіе, передъ которымъ разумъ постепенно слабнулъ. Дѣвчина не возмогла опертись тому, что на ея руцѣ влюбленный конфедератъ горячій поцѣлуи вытискалъ, а то коротенькое слово, о которое онъ такъ настойчиво молилъ, уже туй-туй имѣло тихо выскользнути изъ ея

устъ, когда нечаянно со стороны шибеничного верха пронесся воздухомъ странный кликъ, протяглый, жалостный, при томъ беззвучный, похожий по части на краканье хищной птыцы, а по части на вынужденный голосъ изъ охрыплого горла... Въ тихій вечеръ, при свѣтлѣ мѣсяца, онъ двойно страшно подѣйствовалъ на молодую парку, тѣмъ больше, что ему завторовалъ вой нѣсколькихъ собакъ...

— Что-то такое? — ужаснулся Хижевскій.

Дикій кликъ повторился еще разъ, потомъ слѣдовало будто пѣніе, но такъ дразливое и, можно сказать, дикое, безъ напѣва и безъ лада, якъ пѣніе пьяного мужика. Повидимому, оно приближалось къ селу.

— То »шаленая« Феся, — сказала Оля...

— Истинно, то она — подтвердилъ Хижевскій — безъ potreбы настрашила насъ...

Казалось, что убѣжденіе, что тотъ пугливый голосъ не походилъ отъ призрака, а отъ челоуѣка съ тѣломъ и костями, должно бы ихъ успокоити, но противно, оно возбудило въ нихъ отмѣнные чувства... Хижевскій былъ неприятно тронуть уже тѣмъ, что не дождался пожеланного отвѣта на свое любовное объявленіе, а во вторыхъ, — что сгадка за Фесю и, черезъ ссчтаніе мыслей, сгадка за »шибеничный верхъ« дрожью его надѣляла...

А Оля? И она пробудилась изъ того ошеломленія, въ якое ее навалъ любовныхъ словъ ротмистра ввелъ. Голосъ сумасшедшей дѣвчины казался ей бити всенародною жалобою на людей, которые ее сиротою сдѣлали, ея отца злобно жизни лишили... Годовный

виновникъ того дѣла стоялъ на колѣнахъ передъ нею и жевралъ любви у ней. Имѣла ли она, не дорожа своимъ достоинствомъ, кинуть сердце свое недостойному? Хотя бы терпѣти, а не унижиться! То было успѣхомъ ея недолгого раздумія...

Она ободрилась. Гордость ея, происходящая изъ почувствія своего достоинства и изъ понятія чести, наклонилась въ некорысть ротмистра.

— Почему она волочится по ночамъ?... по чему ее въ родинное село не отошлютъ? — спросилъ Хижевскій больше самого себе.

— Ее брали сродинки нѣскольkokратно, но она всегда бѣжала, — примѣтила Оля холодно, отрываясь отъ своихъ гадокъ, — она пребываетъ здѣсь у старой Евы. Нерозлучное пѣніе и посѣщеніе »шибеничного верха« заполняютъ ея безъутѣшную жизнь... Несчастливая дѣвчина...

— Несчастливая! — сочувствовалъ ротмистръ, или лучше, узналъ за удобно — сочувствовать.

— Якій отвѣтъ дадутъ тѣ на страшномъ судѣ, который ей отца незаслуженно жизни лишили?

Хижевскій помѣшался. Онъ никогда не думалъ о по-за-гробовой жезни...

— Скажѣтъ мнѣ отверто, спросила теперь Оля поднесеннымъ голосомъ, — не имѣли ли вы въ той нечестной справѣ участія?..

— Откуда вамъ пришелъ такой вопросъ на умъ? — удивился конфедератъ...

— Откуда? Цѣлкомъ послѣдовательно! Вы объяснились мнѣ въ своей любви, которая каждой женщинѣ удовольствіе можетъ принести, но я слишкомъ

дорожу моею любовью и то препятствуетъ мнѣ, питати ее къ человѣку, котораго имя здѣсь не помянется иначе, лишь въ соединеніи съ простымъ убійствомъ...

— Я?... спросилъ на видъ оскорбленный Хижевскій...

— Такъ, васъ обвиняють всѣ безъ изъятія, что вы ложнымъ свидѣтельствомъ погрузили Ивана Сметану въ бѣду... Дочь его, безумная Феся, то отголосокъ общественнаго мнѣнія...

— И вы, любезная Оля, имѣете такъ слабое воображеніе о моей чести, что на слово съумасшедшей, осуждаете мене бозпоощадно?...

— Извинѣть, подозрѣніе мое не основуется исключительно на безсвязныхъ словахъ съумасшедшей. На несчастье ваше, стаеть противъ васъ нѣкій вѣродостойный человѣкъ, который на доказательствахъ обвиняеть васъ въ хитрости, что смерть Сметаны не была послѣдствіемъ правосудія, а лишь вашей личной мести... Тотъ человѣкъ старался всѣма силами спасти безвиннаго и даже получилъ отъ Бѣржинскаго помилованье, но за поздно... Вы поспѣшились противозаконно съ исполненіемъ засуда смерти — съ боязни, чтобы неповинная жертва изъ рукъ вашихъ не выскользнула... Неменьше и то правдою есть, что Сметана передъ смертію на васъ вину своего несчастья слагаль, а кажется мнѣ, что нѣтъ въ свѣтѣ такъ пониженнаго человѣка, который бы съ ложю на устахъ порогъ вѣчности переступить хотѣлъ... Затѣмъ — не гнѣвайтесь, что я вашу истинную цѣнность сомнѣнію подвергла, ибо передъ доказательствами счезають всякіи взгляды...

Тотъ, котораго языкъ имѣлъ на всякій вопросъ

готовый отвѣтъ, на каждый упрекъ готовую отговорку, на каждую истину готовую ложь, — тотъ, слыша исчисленіе своихъ грѣховъ, не былъ въ состояніи ни слова промовити. Нечаянное обличеніе его въ дѣлахъ, которые радъ бѣ въ непамяти похоронити, предовсѣмъ со стороны дѣвчины, о которой благоволеніе убивался, розстроило его совсѣмъ.

Смущеніе отсвѣтилося на его протягомъ лицъ, дрожащихъ щекахъ и неподвижныхъ очахъ. То не избѣгло вниманію Оли.

— Можете ли обезвинитесь? — спросила она, послѣ долгого молчанія...

Тотъ вопросъ опомнилъ его. Онъ принялъ видъ безвинно оскорбленного человѣка.

— Скажѣтъ, Оля, кто вамъ обо мнѣ такіи бредни наговорилъ? Якъ зовется тотъ человѣкъ, на которого свидѣтельство покликуетесь?...

— Курнацкій...

— Курнацкій?! — спросилъ протяжно ротмистръ и опять пришлось ему внутренней неспокой обнаружить. — Откуда онъ тутъ взялся?

Тотъ послѣдній вопросъ далъ онъ себѣ самому.

— Я зналъ одного Курнацкого, — продолжалъ онъ, — но то личный мой врагъ, который не пренебрегаетъ въ средствахъ, чтобы моею славѣ вредати... Если то тотъ самъ, то самы изволите познати, что его свидѣтельство очень подозрѣнное... Впрочемъ какое мнѣ дѣло до того?... Я кладу то свидѣтельство въ почетъ безсовѣстныхъ сплетней, куда ему заслуженное мѣсто! Больше мене болитъ, что собственно вы, любезнѣйшая, безосновнымъ и безсовѣстнымъ вѣстямъ увѣрили,

когда я старался на вашу благосклонность себя заслужить и льстил себя, что добьюсь вашей любви...

Оля поднеслась из скамейки и станула гордо.

— Я не таюся; я была вамъ благосклонною, — сказала она дрожащимъ голосомъ; — еще больше доложу, пусть то роковое слово разъ на свѣтъ выйдетъ: я васъ полюбила...

— О благодарю, — я счастливъ человекъ, съ никѣмъ не хочу мѣняться, — ликовалъ Хижевскій и протягнулъ руки къ ней, — но она ихъ отклонила.

— Погодѣте, чтобъ я не замаралась, — сказала она съ грустною улыбкою; пока ни очиститесь отъ пятна, которое на васъ тяжить доси, до бремени преступлений своихъ добавите и тотъ грѣхъ, что душевный покой бѣдной дѣвчины вы возмутили... Я же буду до смерти плакати, что я свое сердце въ болото бросила...

Очи ея пылали великодушнымъ огнемъ, которого даже густыя рясицы притушить не могли; щеки ея покраснѣли благороднымъ негодованіемъ, а лице ея, осіянное блѣдымъ блескомъ луны мовъ авреолею, получило видъ почти величественный. Оля была въ той поставѣ восхотительно хорошею. Хижевскій, увлеченъ видомъ той гордой красоты, повергся къ ея стопамъ.

— Ангелъ мой, любовью къ тебѣ дышу, любовью къ тебѣ только жить могу. Можешь-ли думати, что я, испрошая у ногъ твоихъ любви, посмѣлъ съ оскверненными убійствомъ руками сближиться къ такъ чистому существу, якъ ты?... Чимъ же тебѣ докажу, что я въ томъ обвиненіи такъ безвинный, якъ новорожденная дитина?... Людей тѣхъ, которые мене обвиняють, тутъ нѣтъ, не могу затѣмъ ихъ клевету въ

твою присутствіи имъ въ очи назадъ бросити... Не вѣришь ли мнѣ?... Вотъ — кленусь, что я присталъ къ конфедерации, чтобы святое право ойчизны отстаивати, а не по то, чтобы сгнушатись надъ бѣднымъ, безъ того селяниномъ... Кленусь, что я о столько смерти Ивана Сметаны виновать, что я его передалъ суду; — кто его безвинно засудилъ, пусть той отвѣчаетъ... Чтобы я такъ безъ утѣшенія умиралъ, если неправду говорю, — чтобы я передъ смертью всѣхъ враговъ видѣлъ. чтобы при всходѣ души моей, вмѣсто сочувственного рыданія, якій смѣхъ я услышалъ...

— Ха, ха, ха!... роздался за нимъ дикій хохотъ... Хижевскій сорвался на ровны ноги, волосье дубомъ ему стало...

Изъ за корча бозу высунулась женщина, которой видъ страхомъ могъ наполнити каждого. Блѣдность ея лица, умноженная тосклымъ свѣтломъ луны, становилась ужасною и пригадывала на жителей гробовъ; додати до того, еще, что ея розтрясенное волосье, безжизненные очи и лахманище, едва окрывающее ея исхудлое тѣло, во-все не возмогли усмирить отвратительного чувства... Кто бы позналъ въ томъ страшилищѣ прекрасную когда-то Фесю?...

Она роспростерла свои костистыя рамена къ конфедерату, будто бы его обняти намѣряла. Хижевскій, подъ впечатлѣніемъ нечаяннаго явленія того пугала, не могъ прійти къ себѣ, — онъ лишь махинально отступилъ въ задъ.

— Ходи, мой любимый, най тебе приголублю! Што? Ты не хцешь?... А прецѣй ты мене колись цѣловалъ!... Тото я не забуду, бо оно мя дотля въ лице пече...

Якъ я была красавица,
 Цѣловали хлѣцѣ въ лица, —
 А я теперь гидка баба,
 Не цѣлуютъ, хоць бы рада...

— Отчепись, маро, — пробормогаля Хижевскій...

— Такъ?... Теперь отчепитись кажешь? Га, га!

Я знамъ южь, прочь! Ты полюбивъ другую, а мене лишиши хцешь?

Прочь я тобѣ южь не мила,
 Прочь я тобѣ обмерзѣла,
 Што на другу поглядаешь,
 Што къ другой ся примляешь?...

— Ты, нанночко, — сказала Фesia, обернувшись къ Оль, — чего ты его любишь, коли онъ мой... Нѣтъ, я тебе, мой голубчику, не попушу, — ты станешь со мною подъ вѣнецъ — онде, тамъ, подъ шибеницевъ... Няня мой съ горы будетъ дивоватися, што я такого красавца сой привела!.. Босорки будутъ свахами, чорты дружбами, го, ей, якъ то краснѣ буде... Ходь, най ты приголублю!..

Ротмистръ потеряль свою самоувѣренность. Онъ не зналъ что другое сдѣлати, лишь грубо оттолкнути съумасшедшую, такъ что она заточилася и чуткимъ стономъ болѣзнь свою проявила...

— Охъ, якъ заболѣло, — саме такъ, якъ тогда, коли ты мого няня велъ отъ-тамъ, — сказала жалобно Фesia, указуя рукою въ сторону » шибеничного верха... «

Оля не могла имѣти удовольствія въ такомъ неусладительномъ явленіи; она объявила намѣреніе удалиться.

— Оля, любезнѣйшая, только одно словце на прашанье, — сказалъ Хижевскій и хотѣлъ за руку

ее задержати, — но не постигъ того сдѣлати, ибо въ той секундѣ упала ему Феся въ рамена и обвисла на его шеѣ...

— Ты мой будешь, я не дамъ тебе другоѣй любить! Охъ, якъ мнѣ легко на твоихъ грудяхъ, никто насъ не разлучить...

На силу удалось конфедерату освободиться изъ ея объятій. Онъ, познавши, что съ безумною ничего сдѣлати, началъ ее успокоивати.

— Феся, — сказалъ онъ, — тебе головка болитъ! Ты хора? Иди домой, уже часъ спати...

Вмѣсто отвѣта, принужденъ онъ былъ слѣдующую выслушати пѣсенку:

Повѣдаютъ люди, што я пьяна,
 А я не пьяна, лемъ невыспана,
 Не пиламы ничего ници отъ рана,
 Лемъ меду солодкого,
 Съ устъ мого миленького,
 Я кусъ высала..... Ги! ги!... Говъ!...

Хижевскій, увѣрившись, что Оли уже нѣтъ, направилъ свои шаги къ сторонѣ обоза. Феся однако не попустилась его, лишь идя-побочь него, присиѣвывала:

Где ты идешь, пане брате?
 Чи до корчмы погуляти?
 Где ты пойдешь, тамъ и я,
 Штобымъ съ тобовъ гуляла! — Гопъ! гопъ!

Противъ другого напастника съумѣлъ бы ротмистръ легко оборонитися, но противъ безумной — не осталось ему ничего, лишь желѣзною терпеливостью вооружитися; и онъ то сдѣлалъ въ той степени, что даже стерпѣлъ, когда Феся при послѣднемъ стиху несамовито съ нимъ окружилась...

— Почему не отчепишься разъ отъ мене? спросилъ Хижевскій.

— Чому?... Я тобѣ повѣмъ до уха, лемъ штобысь никому не свѣрився... И затѣмъ взяла Феся подъ руку конфедерата и наклонилась къ его уху, якъ человекъ, который важную тайну вѣрному другу повѣряеть...

— Слышишь-ли, любый: якъ тобѣ на имя?

— Владиславъ.

— Владиславъ?! — изумѣлась она, — нѣтъ, то неправда! Мѡй любый зовеся Яцко, то и тобѣ Яцко! Отже чуешь, мѡй любый, въ тотъ часъ, якъ ты велъ мого няня, штобы его генъ на тѡмъ столбѣ повѣсити... чи видишь где? а онъ-де... его видно отталъ...

— Вижу, вижу, — подтвердилъ Хижевскій, ибо не имѣлъ отваги поглянути въ указанную сторону.....

— Отже тогда я плакала передъ Пречистою на мою недоленьку, а Пречистая тожъ плакала про лихихъ людей; — попы раховали каждую ея слезу, бо каждая слеза обмыла одинъ грѣхъ... А дуже у тебе грѣхѡвъ, мѡй лебедику?...

— Не дуже, — отвѣтилъ Хижевскій...

— Не дуже?! — Та чоґожъ Мати Божая про твои грѣхи плакала?... Чоґожъ мѡй няня сказавъ менѣ, што ты его сгубивъ, а мене сиротою лишивъ?...

И у сѣумасшедшихъ есть своего рода послѣдовательность, противъ которой выступати казалось конфедерату не только напрасно, но и неприятно. Прото узналъ онъ выгодиѣе: вопросъ сей оставити безъ отвѣта.

— Такъ Мати Божя повѣла менѣ, — продолжала дѣвчина, — штобы я тебе не опустила, якъ чортъ

грѣшную душу, — штобъ ты мавъ всегда передъ очами и радовался моею красотою, а грызся моимъ горемъ... Мѡй любый, я буду всегда съ тобою ажъ до смерти!... Правда? Станеме обое поѡдъ вѣнецъ!...

— Станемъ, станемъ! только иди и нарядись до вѣнца.

— Охъ, якъ то буде красиѣ! ликовала Феся и, смѣючись, побѣгла домой...

— Истинно, имѣю несчастье, — думалъ Хижевскій. — Лихій наднесъ ту дѣвку, чтобы мнѣ приговаривала о томъ, о чемъ радъ бы я чѣмъ скорше позабыти... Навѣрно, сей ночи шибеница мнѣ приснится. Еслибъ то двѣ минуты позднѣйше сталося было, а то якъ разъ впала, чтобы мнѣ перервати интересный разговоръ, который уже что-только съ пожеланнымъ успѣхомъ окончится имѣлъ... Та Оля... кто бы то надѣялся, что она о мою славу развѣдываться будетъ? Обыкновенно — селюшка!... Варшавянки несли мнѣ свою любовь на поднось, а не одна изъ нихъ не испытывала, якая у мене душа! Имъ дабы лишь красивый хлопецъ, — прочее мелочь! Одно, чего я нынѣ достигъ, то сознаніе ея, что мене любить. Чегожъ мнѣ больше нужно?... Лишь необходимо выбити ей съ головы тѣ утонченныя понятія о чести... Лестью, подарунками и притворствомъ всего у женщинъ уснѣешь... Лести имѣю неисчерпаемый запасъ, — подарунковъ? на сей разъ недостатокъ, но отъ чегожъ я записался въ конфедерацию, чтобы въ ней не нажитись гдѣ-чего? а притворства — легко научиться, — въ нуждѣ готовъ я и до якого благочестивого братства вписатись, — а тогда Оля моя!

И, посвистуя себѣ съ удовольствіемъ якую-то мірскую пѣсеньку, отправился горѣ селомъ. Не видѣлъ онъ, что подальше за нимъ стояла Оля, а укрывши лице въ ладони, прошептала :

— Прощайте, золотыи сны...

Миная церковь, не могъ Хижевскій, заврѣтанъ гадками, преисполненными рожевыхъ надеждъ, замѣтити, что въ тѣни церковного притвора стоялъ человекъ въ черной рясѣ, печально оперши чело о стѣнный уголъ.

— И она истинно полюбила того негодяя? — сказалъ той же, — пошла въ сѣть, неопытная птичка... Якъ бы ее освободити, якъ бы ее охоронити?.. Я старій, — я слабій, — нужно бдительнѣйшихъ очей, чтобы ее охоронити, — нужно сильнѣйшого рamenti, чтобы ее боронити... Выдати ее за мужъ противъ ея воли?.. О, она добрая дитина, — послушаетъ дѣдуня, хотя бы имѣло сердце еѣ пукнуть... Матвѣй, правда, хорошъ человекъ, а нужъ съ нею не сумѣеть жити, а нужъ она будетъ въ немъ видѣти только насильно себѣ накиненного господина?.. Что тогда?.. Я сломилъ сердце уже одной дитины и наказанъ строго за мое легкодушіе тѣмъ, что дивлюсь на слезы Іоанны; имѣлъ бы ли я еще недолею сироты совѣсть себѣ обременити? О, нѣтъ, никогда! Мати Пречистая, прибѣжище несчастныхъ, моли Сына Твоего о просвѣщеніи для мене...

Долго стоялъ такъ о. Іоаннъ. Молился ли онъ, или размышлялъ — не знати. Вконцѣ казалось, что имѣлъ уже какое-то рѣшеніе, пбо удалился скоро домой, говоря къ себѣ:

— Не поможетъ. — Лучше, что теперь поплачетъ на обманувшую ее надежду, чѣмъ позже имѣла бы плакати отъ сорама...

Слѣдующаго утра прикликалъ о. Щавинскій Олю къ себѣ. Темныи ея очи и якая-то усталость на лицѣ свидѣтельствовали, что ночь пребыла она безсонно, въ думкахъ и слезахъ... Песнѣю станула она передъ старцемъ; — она не увидѣла обыкновенного усмѣха на его устахъ, съ якимъ онъ ее всегда встрѣчалъ. Поставою своею онъ представлялъ нынѣ олицетворенную строгость...

— Я хотѣлъ вчера вечеромъ съ тобою размовитись, но тебе не было въ твоей комнатѣ... Видно, что романтическіи ночи тебѣ по вкусу...

Дѣвча не отвѣтило ничего. Старикъ, будто, не замѣтилъ ея помѣшательства и, не ожидая отвѣта, продолжалъ:

— Ты мнѣ вчера великую досаду сдѣлала, что дала отказательный отвѣтъ Матвѣю... Знаешь ли о томъ?..

Оля поцѣловала руку дѣдуни и прошентала:

— Я думала, что васъ тѣмъ не оскорблю... Я уже не сдѣлаю вамъ непріятности...

— Надѣюсь, — отвѣтилъ твердо старикъ, и прото заявляю тебѣ, что есть то моею неизмѣнною волею, чтобы ты вышла за мужъ за Матвѣя...

Дѣвча едва сдрогнулось, но внятно сказало:

— Добре, дѣдуню, я пойду за него...

Строгіи черты старика немножко выяснились въ выразъ мягкосердія...

— Ты добрая, послушная дитина, — сказалъ

онъ ласкаво, взявши Олю за руку... Я бы и по вчерашнемъ отказѣ не силовалъ тебе, если бы я не зналъ, якъ Матвѣй тебе любить... Якъ твое сердце говоритъ — я не знаю, но, все-таки, Матвѣй есть юноша, котораго хотя не нынѣ, то завтра полюбишь... Если будешь съ-початку стараться, чтобъ ты ему была доброю женою, то любовь найдется сама... Обѣщаешь ли мнѣ то?

— Обѣщаю, — сказала твердо Оля. — Не дамъ повода Матвѣю, чтобы жаловалъ, что взялъ себѣ недобрую жену...

— Най тебе Богъ благословить, что потѣшила ты старость мою, — кончилъ о. Іоаннъ, цѣлуя ее въ чело...

— Я сломилъ ее сердце, но спасъ ее миръ, — сказалъ къ себѣ старикъ, сопровождая сочувственнымъ взоромъ отдаляющееся дѣвча...

Еще того самого дня отправилъ о. Іоаннъ посланца къ о. Гумецкому. На другій день отбылось обрученіе Оли съ Матвѣемъ Чирнянскимъ, а четыре седмицы спустя становили они уже обвѣнчанную пару.

III.

Опять необходимо намъ одинъ годъ перешагнуть, какой-бо незначительной важности есть одинъ годъ для писателя! То атомъ, въ бездонномъ и безкрайномъ понятіи о вѣчности. Писатель однимъ почеркомъ пера велитъ году проминути, читатель же пережіетъ тотъ годъ такъ, якъ легко перелистить сухую повѣсть.

Но якъ же тяжело пережить годъ тому, котораго каждая минута уварена въ нуждѣ, заправлена терпѣніемъ, осолена слезою...

Такъ жилось и русскому народу въ »Бискупщицѣ« 1770 года...

Вотъ что стоитъ въ одномъ евангеліи записано намъ къ памяти:

»...На-противъ короля Понятовскаго начали вовевати панове польскіи и войну вели, людей до себе на силу забирали до войны, съ разныхъ народовъ, изъ Руси, изъ Поляковъ, изъ жидовъ, и съ другихъ вѣрь. Панове утѣкали по-за границы, по другихъ сторонахъ, также и люди, гдѣ кто могъ. Кометы ставали на небѣ въ разныхъ знакахъ. Р. Б. ^{*)} конфедерация въ горы вбилася, подъ границы венгерскіи. Обозы ставили, села палили, людей вѣшали безвинныхъ. Презента изъ людей барзо мощно собирали, но не только съ простыхъ, а и съ каплановъ, и съ кляшторовъ, и съ мѣсть, и съ жидовъ. Волю на силу и кони брали. Русскіи капланы презента давали по три дукаты, — овесъ, масло, отъ котораго, что хотѣли, то брали: сѣно, овесъ, солонину, куры, гуси, телята, грибы, капусту, олѣй, хлѣбъ, жито, пшеницу, крупы, вепры, волю. Лѣсы люди вырубовали, въ земли шанцы брали, — и въ году ^{**)} то же дѣялось. Мѣсяца іюня статку рогатого съ двоухъ сель забрали полъ третя ста разомъ. Люди барзо ляментовали (за статкомъ), которыи женщины дѣти персами своими кормили, то мусѣли жолнѣря ними кормити... Попада ждынская безъ похибы...«

*) 1769. **) 1770.

Жаль, что современник урвалъ тутъ свою записку, оставивши насъ безъ свѣдѣнія, какое приключеніе съ попадею ждынскою (Ждыня — село) случилось, но изъ начала сей записки можно заключити, что и ея конецъ не былъ лестный для конфедератовъ. Могъ ли народъ сочувствовать конфедератамъ, если отъ нихъ былъ такъ безмѣрно гнетень? Могъ ли народъ идти руку объ руку съ шляхтою польскою, которой хозяйство въ Лемковщинѣ такъ чувствительно на селянинѣ отразилось? — Не долженъ ли той угнетенный народъ обезвинитися, если онъ, въ случаѣ, враждебно къ конфедераціи относился?

Яко отвѣтъ на тѣ вопросы пусть будетъ дальнейшее продолженіе того розказа, къ которому намъ теперь вернуться подобаетъ.

Одинъ изъ послѣднихъ дней мѣсяца іюня 1770 г. былъ надобыкновенно парный. Чувствовалъ то нѣкій пѣшеходъ, который уныло шель долой — дорогою, ведущею изъ Крижовки въ Новую Весь. Вправдѣ, соломяный капелюхъ, съ широкою крысою, засланилъ его отъ солнечныхъ лучей, такъ что даже лица его не можемъ видѣти, но за то кожанный, объемистый »ранецъ« на его плечахъ былъ ему въ ходѣ невыгодный, ибо подъ тягаремъ его онъ въ двое нагнулся и причинялъ ему, повидимому, духоты, ибо часто лице себѣ платкомъ отиралъ. Не дивно, что онъ часто останавливался для отдыха. Тогда онъ обыкновенно подперъ свой ранецъ палкою для уменьшенія тяжести и дивился горѣ дорогою, которую минулъ. Мѣрилъ ли онъ очами пространство, которое перешелъ? Ожидаль ли кого?

Недалеко села стоялъ при дорожѣ деревянный

крестъ, окруженный тремя тѣнистыми лицами. Изъ подъ стопа его журчала вода такъ чистая, что просила къ себѣ. Мѣстце то было, якого себѣ утомленный подорожный лишь желати можетъ. Было гдѣ отпочати, и душу, и тѣло покрѣпити. Прото и нашъ пѣшеходъ, узрѣвши то мѣстце, не надумывался, а скоро посиѣшилъ тутъ. Прежде перекрестился онъ предъ святымъ знаменемъ, послѣ бросилъ изъ себе по-очередно ранецъ, капоту и капелюхъ, самъ же протянулся съ пріятнымъ чувствомъ въ пахучей травѣ.

Но недолго онъ такъ отпочивалъ, — какое-то желаніе заставило его, въ полъ поднестись и дивитись горой дорогою. Видно, что ожиданіе его обмануло, ибо опять ложился онъ въ тѣни.

Пойдетъ ли онъ туда? — спросилъ себе подорожный, — кажется, что изъ Гуты ему туда просто домой, — иной дороги нѣтъ. Впрочемъ, якъ не тутъ, то гдѣ-индѣ съ нимъ встрѣчусь! Тутъ однако безъ свидѣтелей было бы найудобнѣйше съ нимъ размовитись...

— Гмъ! Если бы я кому повѣрилъ, что и зачѣмъ я въ ту окрестность пришелъ, то бы мене высмѣялъ, — говорилъ онъ себѣ, горько улыбаясь. — Чтожь? Когда я не могъ дома спокойно усидѣти, ибо мнѣ съ каждого кута голыхъ комнатъ шепталъ злобщій голосъ: »Помстись за свою обиду!«. Нѣтъ, я мечь оставляю Богу; — онъ справедливый и накажетъ беззаконниковъ, а я не желаю больше, лишь только наказаніемъ виновника насладитись и потомъ умерти... Они бьются сегодня за »вольность« — а я проклиналъ

ту »вольность« польскую... Я съ болю плакаль, они же насмѣвались надо-мною, не было правды на шляхтича! А хлопъ отъ буйства ихъ страдаетъ и не имѣеть даже отваги, голосно пожаловатися, только въ тихихъ молитвахъ складаеть свое терпѣніе передъ престолъ справедливого Бога... Може хотя столько заслуги у людей себѣ приобрѣту, что бодай непрямо буду противодѣйствовати, чтобы шляхта не скрѣпилася...

Не знати, якъ долго былъ бы свою гадку онъ розвивалъ, если бы взоръ его не повернулся былъ въ извѣстную сторону дороги. Онъ что-то ожидающее увидѣль, ибо черты лица его оживились. Онъ приподнялъ себѣ ладонь надъ очи, чтобы ослѣпительными лучами солнца взоръ свой не обманути.

— Идетъ! — заликовалъ онъ и затѣмъ начесалъ себѣ пальцами чубъ надъ самыи очи, попускалъ себѣ волосье изъ подбородка въ-верхъ бороды, а усъ нагладилъ долой такъ, что уста были нимъ заслонены. По такомъ преобразованіи привяла его фізіогномія видъ весьма нелѣпый...

— Уторгую ли я отъ него за образы изъ По-чаева? — спросилъ онъ себе, усмѣхаясь весело. — Да, онъ довольно подобалъ на странствующаго торговщика.

Когожь онъ такъ нетерпеливо ожидалъ?..

Изъ той самой стороны приближался дорогою мужчина. По одѣяніи его, не возможно было различити, къ якому классу людей его почислити бы подобало: полъ селянина, полъ мѣщанина. Долгая, бѣлая гуня и ремень широкій — казали бы заключати, что онъ принадлежитъ къ селянскому сословію, но

легкій, сивый капелюхъ въ противоположности къ широкимъ, чернымъ, якихъ Лемки употребляютъ, и шелковая черная хустка по-верхъ тонкого воротника отъ сорочки, а предовсѣмъ обильный вусъ и коротко обстриженная голова, которыми Лемко пренебрегаетъ, отличали его отъ селянина.

Когда тотъ пришелецъ выровнялся съ Распятіемъ, нашъ торговщикъ наклонился надъ источникъ воды.

— Ахъ, — сказалъ онъ протяжно, когда напился воды, — то золото, не вода!

Тотъ голосный воскликъ, повидимому, заострилъ вкусъ переходящего поль-панка, ибо приступилъ ближе съ примѣчаніемъ:

— Коли ю такъ хвилите, то и я напьюсь...

— А, желаю вамъ здорово напиться при дешней духотѣ, — то истинный даръ божій!

По христіанскомъ обоюдномъ поздравленіи, ново-прибывшій сталъ ладонью воду черпати, первый же надѣлъ свой соломянный капелюхъ и отсунулся поза крестъ въ тѣнь, чтобы съ накрытою головою передъ святымъ знаменемъ не сидѣти.

— Вы съ-далека, человекѣ? — спросилъ поль-панокъ.

— Ой, съ-далека — газдоньку... А може иначе имѣю васъ честити?..

— Нѣтъ, я себѣ такой газда, якъ и другій въ селѣ.

— Та бо мнѣ привидѣлось, якъ когда бъ вы коло шляхтича обтирались и что-то изъ панского зарвали, — сказалъ тамъ-тотъ тономъ, въ которомъ немножко ироніи пробивалось.

— Эть, фрашки! Поставили мене крыскимъ войтомъ, та... Но о томъ нѣтъ что бесѣдовати. А вы съ-далека пришли?

— Ой, пане, и днямъ число затратилося, отъ-коли тутъ волочусь...

— Та — откуда же?

— Изъ Руси!

— Немудра ваша отповѣдь. Русь великая, а и тутъ не Нѣмцы.

— Изъ глубокой Руси, отъ Почаева!

— Да что за бѣда васъ тутъ пригнала? — спросилъ съ удивленіемъ крыскій войтъ.

— А вотъ, несу съ собою иконы чудотворной Матери Почаевской, крестики, о »стонку« отиранныи, книжки русскіи, все для благочестивыхъ христіанъ. Якъ попродаю, то опять вернусь въ святое мѣсто, накупить что новое, и потомъ ходити буду по Руси, чтобы все попродати. Человѣкъ долженъ якъ-то на свѣтѣ жити...

— А якъ же, продажа вамъ идетъ добре въ нашихъ сторонахъ?

— Якъ-де. Кто свое русское почитаетъ, тотъ росхопить, хотя бы и не на плечахъ, а на возѣ принесъ, а у недоляшковъ, свычайно, не можно посбытись товару...

— Не лишилось ли вамъ де-што еще для мене? Я радъ бы себѣ русскихъ книгъ купити...

— Есть, но немного. — Торговщикъ раскрылъ ранецъ и началъ вынимати поодинокіи бумаги.

— Тутъ вамъ изображеніе почаевской лавры, —

туть »стопка«, — туть икона Пречистой Почаевской, — туть св. Чудотворный Николай...

— Гарде! вера Боже!

— А туть повѣсть объ инокѣ, который отрубанную Турками голову свою передь иконою чудотворною положилъ. Прехорошая повѣсть! Умѣете-ли вы по русски читати?

Крысскій войтъ отплатился на тотъ неприличный запросъ такимъ презрительнымъ взоромъ, который выразно говорилъ: Чтожь ты себѣ, приبلудо, обо мнѣ думаешь? — Торговщякъ однако не помѣшался тѣмъ, лишь вытягалъ книжечки одну по другой.

— Вотъ пѣснь: »Пречистая Дѣво-Мати«...

— По чему хотите за то-тѣ образы? — спросилъ крысскій войтъ.

— Якъ отъ кого. Поляку дороже, Русину дешевле.

— Я бы противно дѣлалъ, — примѣтилъ войтъ, — штобы Полякъ взялъ, то тра ему за поль дармо пустити, ибо русское письмо на што придалося му? А Русинъ — той уже заплатитъ свое русское такъ дорого, якъ жидъ свои »бублинъ.«

— Уже то мое такое правило, чтобы Русинъ легко могъ прийти до своихъ книжокъ, за то ему дешевле даю.

— Смѣшный изъ васъ человекъ! А отъ мене по чему?

— Отъ васъ? — надумывался торговщикъ, — отъ васъ выпадало бы брати такъ по срединѣ...

— Такъ, якъ колибъ я былъ полу-Ляшкомъ и полу-Русиномъ?

— Якъ не хотите цѣлымъ Русиномъ быти, — ктожь вамъ виновать? — отвѣтилъ холодно торговщикъ. То была сѣрка на огонь.

— Геге?.. Такъ гадаете? — оскорбился крыскій войтъ. — Чи вы мене зна'те? — Кто вамъ таке наговорилъ? Кто вамъ сказалъ, што Назаръ Кролевскій, крыскій войтъ изъ Мацѣвы, не есть справедливымъ Русиномъ?

— Кто справедливымъ Русиномъ, тотъ не помагаетъ дѣлу, которое русскому народу вредить, — возразилъ торговщикъ.

— Кто, я? Я маю бороздити русскому народу?

— Кто справедливымъ Русиномъ, тотъ не возьметъ на свою совѣсть плачу людей и проклятiя своихъ дѣтей...

— То мене мѣють проклинати? За што?..

— Кто справедливымъ Русиномъ, тотъ не пойдетъ рука объ руку съ угнетателями своего народа...

— Чуешь?.. человекѣ божій! — сказалъ Кролевскій, потручая въ рамя своего собесѣдника, а слова его дрожали отъ волненiя, — первый разъ въ житiю видимся, и ты важишься мене въ подлости судити?... Кто другiй могъ бы той палки покоштовати...

— Палкою хочете свою славу очистити? — сказалъ съ насмѣшкою торговщикъ...

— Но ты, человекѣ, я ѣ вижу, не тотъ, на которого ты смотришь, — продолжалъ Назаръ; — скажи мнѣ открыто, кто ты, най знаю, якъ съ тобою расправитись маю...

— Я — человекъ, Русинъ, которого болить нужда своего народа, — отвѣтилъ торговщикъ и со-

временно скинулъ шляпу съ головы, подчесалъ чубъ и въ гордой поставѣ выпрямился передъ крыскимъ войтомъ. — Довольно вамъ того? — спросилъ онъ въ-конецъ, — имени моего вамъ не нужно знати!

— Ней и такъ! — довольствовался Кролевскій, — розбесѣдуймося по людски.

— Я того хочу...

— Скажите, откаль мене зна'те? — спросилъ крыскій войтъ.

— Отъ людей...

— Кто вамъ наговорилъ, што я не Русинъ, што я — водный человекъ?..

— Люди, — знаете, что я межъ людьми волочусь съ иконами...

— Чтожь люди обо мнѣ плетутъ?..

— Что я слышалъ отъ людей, то вамъ скажу. Говорять, якъ Ляхи съ вами ласкаво обходятся, двораки поклепують васъ по рамени и говорятъ: »Ты, Назаръ, добрый человекъ, только Русиномъ тебе чути«... (смердишь!)

— Га, га! засмѣялся Назаръ, — правда, было! но то жарты панскіи...

— И панъ Назаръ Кролевскій хотѣлъ бы показатись, что онъ нерадо Русиномъ пахнетъ, — продолжалъ торговщикъ, — къ тому подается теперъ хорошая случайность... Теперъ Поляки говорятъ: панъ Назаръ Кролевскій, хотя Русинъ, добрый человекъ; изъ него будетъ добрая гончая собака, чтобы нею народъ русскій на своихъ освободителей травити...

Крыскій войтъ трясся отъ гнѣва... Такая безвзглядная издѣлка надъ нимъ привела кровь его въ

волненіе, а въ горлѣ давило его, что не могъ слова промовити. Едва по долшей минутѣ вынулъ изъ устъ запросъ:

— Якъ вы то розумѣете?..

— А вотъ такъ: Вы не дитина, чтобы вы не бачили, якъ конфедераты ту въ горяхъ газдуютъ... Уже два роки тяжкая ихъ рука даетъ намъ чувствоватись...

Назаръ глубокимъ вздохомъ подтвердилъ то.

— Если ихъ нынѣ никто честно не помянетъ, чтожь будетъ тогда, когда бы верхъ взяли? Король нашъ не имѣетъ на-столько войска, чтобы буйство мятежниковъ усмирить, для того призвалъ помощи царицы...

— Я чувъ о томъ. Но якая же спѣлка между конфедератами, королемъ польскимъ, царицею и гончимъ псомъ, якъ вы мене прозвали?

— Заразь порозумѣете... Вамъ прислалъ Пулавскій приказъ, чтобы вы, на случай, если коронное или русское войско намѣряло бы Сончъ опановати, со всѣма селянами явились на оборону того мѣста — и вы на то согласилнся. Вмѣсто, чтобы королевской партіи помогчи, чтобы конфедератовъ оттуду прогнати, чтобы народъ христіанскій освободити отъ ихъ гнета, грабежей, убійствъ и прч., вы ходите по цѣломъ «крысѣ» и поджигаете хлоповъ на своихъ спасителей! По той причинѣ смѣются конфедераты изъ васъ, что вы станетея и гончою собакою, дабы только Русиномъ не быти... Якъ ни то низкая роль, мой друже, которой принятись хочешь, — она еще и нечестная, ибо хочешь подати руку свою конфедератамъ, чтобы

дальше сбытковались надъ народомъ, чтобы убивали людей, жгли села, до сорочки грабили, жены и доньки обезславляли...

— Престаньте! про Бога! — перерывъ жалостнымъ голосомъ Кролевскій, — все правда, што говорите, — я самъ на мои очи видѣвъ злодѣйства конфедератѣвъ, я самъ што дня молюсь, штобы насъ Богъ отъ тѣхъ ворогѣвъ избавивъ...

— Ба, — Богъ не избавитъ, если самы того не схочете, — примѣтилъ тамтотъ холодно.

— Та штожь могу сдѣлати?.. Мнѣ дали приказъ; если его не выполню и на завозваніе съ вооружеными хлопами въ Сончѣ не стану, то я первый на конаръ!.. Вамъ легко говорити и образами купчити, бо при томъ заробку васъ шея не свербитъ.

— Гмъ, есть рація и въ томъ, что кажете... Но таки я бы вамъ далъ совѣтъ — якъ бы вамъ возможно было выкрутиться, чтобы и приказъ исполнити и противъ народа не согрѣшити. Хотите ли?..

— Хочу, хочу! Я самъ надъ тѣмъ розгадовавъ, но ничего хорошего не выдумаваъ...

Торговщикъ наклонился къ уху своего товарища и долго ему что-то говорилъ. Когда окончилъ, на устахъ его сіяла хитрая улыбка, — войтъ же стануль просто въ тупикъ! Онъ, кажется, другого совѣта надѣялся! Торговщикъ, видя его такъ озадаченного, розхохотался, да и Кролевскому не осталось ничего, лишь сердечно смѣяться...

— Добре, вера Боже добре, — лемъ чи удался? — спросилъ Назаръ.

— Въ томъ мой розумъ, — увѣрилъ торговщикъ, —

впрочемъ, если не удастся, вы ничего не потеряете, а всегда отъ отвѣчательности заслонитесь.

— Може и такъ, а попробовати — свободно, — добавилъ Кролевскій — а теперь продайте мнѣ иконы и книжки, ибо я цѣлый Русинъ...

— Возьмѣтъ ихъ даромъ яко памятку отъ друга, — отвѣтилъ торговщикъ и доручилъ ему желаемыя предметы.

На прашаніе — пожали оба себѣ искренно руки, якъ два старыи друзья. Торговщикъ долго сопровождалъ очами удаляющагося Кролевскаго. Усмѣхъ удовольствія розвеселилъ его лице...

— Счасть тебѣ Боже, — думалъ онъ, — чтобы ты дочитался чего другого въ тѣхъ книжечкахъ, чѣмъ суть набожныи пѣсни! Русское чувство не заумерло у тѣхъ людей, а только задремало; нужно только заколлати, а оно голоснымъ звономъ обозвется...

Онъ началъ готовитись въ дальшій путь. Привязывая ранецъ, онъ мимовольно поглянулъ долой дорогою. Удивленіе отразилось на его лицѣ. Облаки изъ пыли, взбивающіися высоко на дорозѣ, казали догадыватися, что туда толпа людей идетъ или ѣдетъ.

— Безъ сомнѣнія — конфедераты, — сказалъ къ себѣ торговщикъ; — бѣжати ли мнѣ куда?.. Но я любопытный, съ которой они дивизіи... Може кого знакомого между ними увижу... Кромѣ грѣха, все добре знати.

По такомъ философическомъ заключеніи онъ кинулъ свѣдущимъ взоромъ въ-около себе. Густая тернина въ близи казалась быти достаточною, чтобы за

нею передъ людскимъ окомъ скрытися. Онъ и тамъ влѣзъ, не внимая на острые кольца тернины.

Рота, числящая приблизительно сорокъ вздоковъ, приблизилась. Нашъ торговщикъ слѣдилъ внимательно изъ укритія каждого изъ нихъ.

— Но, и Хижевскій тутъ! — сказалъ онъ немножко съ досадою. — Я не надѣялся его тутъ, а по крайней мѣрѣ не такъ вчасно. Дивѣтся, онъ отдѣлился отъ Бѣржинскаго! Да, Бѣржинскій достаточно наказанъ за то, что не имѣлъ на столько твердости, чтобы не допустить смерти невиннаго Сметаны... Засудъ, изданный на него въ Конечной всѣма собранными маршалками, засудъ, который его приговорилъ на потерю чести и жизни и лишилъ его покровительства законовъ, то хуже, чѣмъ смерть, ибо нечестная смерть. Если бы я дознался, гдѣ онъ теперь находится, я бы его еще увѣдомилъ, что собственно я ему въ томъ пруслужился, что я, посредствомъ дурныхъ головъ поддалъ конфедератамъ доказательства объ измѣнѣ его... Но Хижевскій?.. — Тотъ Хижевскій, — онъ выскользнулъ мнѣ нынѣ!.. Я думалъ, что онъ не отдѣлится отъ дивизіи Бѣржинскаго, — тамъ рай для людей безсовѣстныхъ, — и станется такожь участникомъ инфаміи, на него киненной, — а онъ тутъ! Вѣроятно намѣряеть присоединитися къ Пулавскому и тѣмъ дѣломъ передъ конфедератами очиститися. А може другую цѣль имѣеть? Что-то тайкомъ шепчуть о его любви къ внучцѣ Избянскаго попа... Но нѣтъ, она уже за-мужемъ... Перечислился я, но то не повредить. Встрѣтимся въ Избахъ, — а тогда твой конецъ, пане Хижевскій!..

Въ такихъ гадкахъ поднялся онъ изъ мѣстца, но не въ томъ направленіи, въ которомъ прежде шель, только, лишивши дорогу, повернулся въ лѣво къ горамъ. Теперь не оглядался за дорогою или стежкой, а шель просто черезъ яры, лѣсы, холмы и потоки. Якъ ни на стромыи горы онъ принужденъ былъ дертись, таки шель онъ поспѣшно, якъ по ровнинѣ. Духота лѣтная не утрудняла ему теперь въ ходѣ, ибо, правду сказавши, онъ избѣгалъ отвертого поля, а держался всегда тѣни. Излишно будетъ сопровождати его шагъ за шагомъ и описывати дико-романтическую окрестность, якую онъ въ сей прогулкѣ миналъ; довольно будетъ, если скажемъ, что по двучасовомъ приблизительномъ путешествіи, узрѣлся онъ въ лѣсѣ, который нынѣ »рункомъ« называется. Нынѣ тотъ лѣсъ носить на себѣ уже знамя »все облизывающей« культуры, или также слѣды безпощадной сокиры — но передъ сто годами онъ отличался еще дѣвическою непорочною... Съ трудомъ прибирался нашъ торговщикъ сквозь спорохнѣлыи пни престарѣлыхъ деревъ, сквозь запутанныи молодыи ростѣнія, пока не станулъ на краѣ поляны, — не заросшей, но околении деревьями. Середъ той поляны стояла нужденная хижина, которая едва годилась на жилище человекъ, — и вѣроятно созданна была въ цѣли, чтобы служила для пастырей и скота яко хранилище передъ грозою.

Нашъ подорожный бросилъ внимательный взоръ по отвертой просторони, — послѣ поднялъ къ устамъ мосяжный свистокъ...

Если хотимъ узнати о жителяхъ той низенькой

хатины, то найотвѣтнѣйше будетъ, если самы въ нее заглянемъ. Но сквозь оконца то сдѣлати не возможно, такъ якъ они деревянными досчечками засунены. Нужно намъ прото во внутрь потрудитися. Мы кланяемся низко — не съ почтенія, передъ тѣмъ ветхимъ домообразнымъ зданіемъ, а лишь съ опасности, чтобы нашу любопытность не за дорого, именно знакомъ на челѣ не переплатити. Повалы въ той хатѣ нѣтъ, нѣтъ и окошекъ, только сквозь отворъ въ кровли промыкается горсть свѣтла во внутрь. Благодаря то, мы въ состояніи распознати двухъ людей, сидящихъ на глиняной печи, занимающей почти третину всего пространства.

— Ужъ долше не до выдержанья! — сказалъ съ жаромъ молодшій изъ нихъ. — Што мнѣ изъ житя безъ надѣѣ на радостный часъ, хотя бы и столѣтъ мнѣ жити пришло? Я складавъ минуто до минуто, годину до годины, день до дня, а тѣхъ минутъ насбиралось на цѣлый рѣкъ; — я ни разъ не ахнувъ изъ болю, хотя рука моя была якъ въ огни, а то все, што я надѣявся еще счастливымъ быти... Теперь все пропало! На што мнѣ дальше жити?.. И якое житѣ мое?.. Въ день крыюсь въ гуцахъ и дуплахъ, якъ звѣрина, и якъ звѣрина въ ночи на жиръ выходитъ, такъ и я въ ночи ѣсти себѣ варю... По што мнѣ тутъ сидѣти?.. Черезъ два роки я васъ и Курнацкогo слухавъ, но дальше — вера Боже, не уступлюся вамъ и иду! Чегожь маю боятись? Смерти?.. Кобы я бывъ знавъ вчаснѣйше, на якій конецъ сѣйшовъ Иванъ Сметана и Феся, я бы обвязки изъ руки бывъ посидравъ, чтобы съ кровью и житѣ мое улетѣло... Разъ умерти, а не потребно буде другій разъ умирати!

Старшего вѣроятно не конче тронула та рѣчь, ибо вниманіе его обращено было въ цѣлости на его люльку. Онъ, якъ равнодушно перекидывалъ яркій уголь въ руцѣ, чтобы его безъ поврежденія долони въ люльку занести, такъ и равнодушно отвѣтилъ:

— Прійдетъ часъ и на смерть, — на вшитко есть часъ въ свѣтѣ, — на што ей передъ часомъ прикликвати?

— А по што на ню ждати, кедъ добра не зналось, ни добра не надѣяться? — возразилъ тамъ-тотъ съ нетерпѣніемъ.

— И у мене, Яцку, не много веселыхъ минутъ нашлось, — на пальцахъ бы ихъ почислити можно... Кой бывъ я малымъ хлопцемъ, — втодѣ, правда, тѣшився я и такимъ, на што днесъ бы и не поглянувъ. Дѣсталось яблоко ѡтъ нанашка, или новую гуньку ѡтъ няня, то я такъ урадовався, якъ бы Бога узрѣвъ... Потѡмъ лишь то осталось въ памяти, якъ небѡщка Парася призналась, што я ей... якъ бы то... не ѡтъ того бывъ! Но, то и до смерти затамится... А дальше?.. Параня умерла, — да и нема што бѡльше сгадывати...

Старый дѣдъ махнулъ при томъ рукою. вынялъ люльку изъ зубовъ и плюнулъ важко на землю.

— Та и я бывъ одну минуту счастливъ, кой Феся... — сказалъ сумно вторый и не кончилъ...

Изъ того розговора позналъ мой читатель, что мы имѣемъ тутъ передъ очима двухъ знакомыхъ, именно Андрѣя Ванька и его сестрѣнца, Яцка Бреяна. Последняго не возможно бы было познати, — такъ рѣзко ѡтъ двухъ лѣтъ отмѣнился! Взоръ его, когда-то ясный, стался теперъ пасмурнымъ, почти дикимъ, — лице

его приняло видъ острый, — на челѣ, когда-то по-
годномъ, висѣла теперь опасная буря, а розтрепанная
борода его надѣлила его лице выразомъ дикости... Не
дивно, — онъ испыталъ много... Раненного и на си-
лахъ истощенного таскалъ старый ворожить отъ села
до села, — нерѣдко принужденъ былъ онъ его въ
овчарской »колыбѣ« мѣстити, или даже въ листьѣ лѣ-
совое уложить, чтобы его передъ вражимъ окомъ кон-
федератовъ скрыти. Кромѣ болѣзни тѣлесной, причи-
ненной ему раною, которую, при извѣстномъ покуше-
ніи освобожденія Сметаны, получилъ, чувствовалъ онъ
больше пекущій, больше мучительный жаль душевный,
а то когда узналъ отъ своего вуйка о кончинѣ Сме-
таны и несчастьи Фесѣ... Тогда-то сердце его наки-
пѣло мстью противъ виновниковъ его недоли — и
то чувство отсвѣтилося на его лицѣ, якъ въ зеркалѣ...

— А такой я смерть не прошу до себе, а жду,
ажъ смерть до мене запросится, — продолжалъ Ан-
дрѣй...

— Га, — хочется вамъ жити, то жійте себѣ
здорово и сто лѣтъ, отвѣтилъ Яцко, — но я такъ
свѣтомъ нудити не »хцу«... Или прожити такъ, чтобы
жаль было свѣтъ лишати, или ніякъ...

— Ты бо лемъ о себѣ памята'шь! упрекнулъ
его ворожить, — чи мы лемъ для себе жіємо а не
для другихъ?.. Чи не ма'шь матери?.. Видишь, ты для
ней бы придався, чтобы не потребовала на свои ста-
рыи лѣта о прошенѣмъ хлѣбѣ бѣдовати...

— Ахъ, мати моя — воскликнулъ Яцко, — правду
ма'те, вуйку! Для ней я хочу и буду жити, щобъ не

станувъ я на судѣ Христовомъ съ грѣхомъ, што я бывъ для ней невдячнымъ сыномъ...

— А и о Фесѣ бы тобѣ не позабыти... Нѣтъ на свѣтѣ щирой души, которая бы безхатную дѣвчину къ грудямъ пригорнула... Маетокъ ей уже въ чужихъ рукахъ...

— О тѣмъ мнѣ не потребуєте пригадывати, вуйку! Буду для ней тѣмъ, чѣмъ есть отецъ для дитины, братъ для сестры, мужъ для жены. Я клявса, што ей любити буду, и не перестану ей любити, хотя та любовь будеть неустанною мукою для мене...

— Отже видишь, хлопче, што есть для кого и для чего жити, — заключилъ Андрѣй, — хотя и потѣхи не »дуже« въ житю. — Терпѣти треба, бо кто претерпитъ, тотъ спасенъ будетъ. А смерти себѣ не прикликовати, она въ своемъ часѣ сама прійдетъ; якъ тебѣ ноги пѣдкосить, то перекрестись и лягни въ сырую мать-землицу. Отъ такъ, по христіански!

— Колижь я матеръ свою побачу? — востхнулъ Яцко...

— Не скорше, ажъ конфедератѣвъ не станеть, — отвѣтилъ ворожитъ. — Вправдѣ мѣгъ я тебе лонской яри отталя вывести, коли Бѣржинскій со своимъ отдѣломъ изъ Избъ вынесся, но ты бывъ »ищи« слабый — рука не загоилася, едва въ осени полѣпшалось...

— То Бѣржинского нѣтъ въ Избахъ?.. А може и Хижевского? — спросилъ съ удивленіемъ Яцко.

— Одни пѣшли, другіи пришли, но ништо не поправилось. Одни были лихіи, другіи недобрыи. Бѣржинскій бывъ за вѣсемнадцать, а и Пулавского люди лемъ за двадцать безъ двоухъ.

— Кедь Хижевского нѣтъ въ Избахъ, то чегожь мене тутъ трима'те? То-тѣ конфедераты, што теперь суть, мене чей не знаютъ, бывъ бы я ѡтъ нихъ безпечный!

— Нѣтъ, сыну, есть кѡлькохъ, што служили пѡдъ Бѣржимскимъ, — памятають ту псоту, которую ты имъ въ лѣсахъ мохнацкихъ вымудровавъ! Извѣдовались они за тобовъ, такъ знашь, што не мудро бы ты зробивъ, если бы ты голову въ ихъ пащу сунувъ...

— Кобы ихъ Богъ разъ забравъ отталъ, — изъавиль свое желаніе Яцко.

— Пожди терпеливо, а дѡждешся...

— Такъ жду и жду съ заложеными рукамы въ тѡй бѣдѣ, а вы ждете съ люлькою въ зубахъ, — возразиль съ горькою насмѣшкою молодець; — якъ всѣ люди робятъ такъ, якъ мы два, то и нашей скѡры намъ не станетъ, а конфедераты таки не пойдуть!

И та насмѣшка сестрѣнца не помѣшала холодному равнодушію старого ворожбита. Онъ спокойно вытрепывалъ попелъ изъ люльки, когда отвѣтилъ:

— Якосъ то будетъ. Кобы Курнацкій скоро пришовъ, — ѡнъ мудрая голова...

Тонкій свистъ въ отрывистыхъ, неровныхъ остановкахъ пронесся по воздуху.

— А вотъ, о волку бесѣда — примѣтилъ Яцко, и отвѣтилъ подобнымъ свистомъ, произнесеннымъ на пальцахъ.

За минуту вшелъ знакомый намъ торговщикъ иконами.

— Витайтежь намъ, пане Курнацкій, — здра-

высьте? — сказалъ Андрѣй, простерши руку на при-
вѣтствіе пришельцу.

— Здоровъ, якъ видите, а вы якъ проживаете?

— Я, якъ то я, — менѣ всюды добре, — от-
вѣтилъ ворожитъ, — но Яцку якосъ »цнеся«.

— Перестанетъ тужити, если ему нѣчто нового
розскажу...

— Штожь нового чувати?

— Найперше, что Хижевткій возвратился вѣро-
ятно въ Избы.

На ту вѣсть скочилъ Яцко изъ лавы, мовѣ бы
его кто окропомъ опарилъ.

— Кто, Хижевскій? — спросилъ голосомъ, въ
которомъ удивленіе съ угожденіемъ помѣшалось, —
я хочу его надыбати, я заразъ иду!

— По что?..

— По што?.. Я его звѣдаюся, чомъ онъ мнѣ
счастье цѣлого житья выдержъ, а втогда конецъ съ
нимъ, — добавилъ онъ и очи его мелькнули огнемъ,
мовъ у хищного звѣря.

— Поволи, поволи, Яцку, на что такъ горя-
чишся? — усмирялъ его Курнацкій.

— На што горячуся? пытаете мене, кой на вспо-
минку о немъ сердце мнѣ стискается съ жалю, кровь
бурится изъ злости, што онъ изъ мене сдѣлавъ най-
несчастлившого человекъ! Не вартъ ли онъ станути
на службу у чорта? Я заразъ иду, штобы его тамъ
чѣмъ скорше чорту выслати!

— Успокойся! Тебе, кажется, мати въ горячей
водѣ купала!

— Вамъ легко спокойнымъ быти, когда съ Хижевскимъ не ма'те ніякого рахунку, но я...

— Такъ ты думаешь?... спросилъ Курнацкій, изъявляя при томъ якое то безпокойствіе. Вскорѣ будешь другой мысли, если тебѣ розкажу нѣкоторые важнѣйшіи событія изъ моей жизни. Вамъ обомъ въ особенности я то обязанъ сдѣлати; вы не пытали, для чего я тутъ зашелъ и для чего я такимъ непріятелемъ конфедератовъ. — Вы мнѣ доси оказывали довѣріе, не зная, заслугую ли я на тое, протю справедливо, чтобы я моею повѣстію взаимное довѣріе вамъ оказалъ и тое же скрѣпилъ. — Послушайте!

— Я наслѣдилъ по моему отцу одинъ хуторъ вблизи Любачева и нѣсколько тысячъ наличныхъ грошей. Велось мнѣ добре и спокойно, ибо земля родинная плодна, а я жилъ оцадно. Но наибольшимъ счастьемъ моимъ была супруга. Сирота по бѣдныхъ родичахъ, была она мнѣ всегда благодарною, что я далъ ей милый, спокойный пріютъ. Она любила мене, да и я ее любилъ такожь надъ жизнь, ибо была добра, хороша, мирна и господарна. Ту взаимную любовь скрѣпила еще одна дитина, которою жена мене одарила. За два года нашего сожитія — ніякій вѣтрець не возмутилъ нашего спокойя, ніякая хмарка не помрачила нашего счастья. — Но я не предчувствовалъ, якая гроза надъ нами висѣла...

Курнацкій задумался, будто бы собиралъ всѣ подробности для дальшого розказа.

— Одного дня жена моя возвратилась съ поля весьма розсѣянна. На мой вопросъ отвѣтила мнѣ, что нашъ сосѣдъ, шляхтичъ, панъ Хижевскій, отецъ Вла-

дслава, зашелъ по охотѣ за перепелками туда, гдѣ она работниковъ доглядала, и приблизился къ ней въ весьма навязчивый способъ, даже неконечно прилично осмѣлился ея красоту выхваляти. Хотя та вѣдомость мене непріятно тронула, — но я успокоивалъ мою супругу шутками, что въ томъ ничего дивнаго, если чужіи люди узнаютъ, что моя жена хороша, вѣдь то каждый видитъ и мнѣ то лестно... Для избѣженія, однако, якого лихого приключенія, супруга моя приняла себѣ, не выходити сама съ дома... Однажды — выпало мнѣ въ дѣлахъ на долшее время выѣхать. Съ поворотомъ вышла мнѣ жена на встрѣчу, но блѣдна, заплакана... Что тебѣ, ты недужна? — спросилъ я ее. вмѣсто отвѣта — она бросилась къ моимъ ногамъ... На разѣ я не могъ себѣ истолковати причину того страннаго поведенія, а она, лежа въ судорогахъ не была въ состояніи мене объяснить... Не-одолго дознался я обо всемъ; бодай бы я никогда и не дознался того... Хижевскій воспользовался моимъ отсутствіемъ, чтобы мою жену обезславити... Бѣдная женщина!... Она не перенесла того сорама! Якъ ни я подвоилъ мою сердечность къ ней, зная, что она безвинна, — не помогло. Смутилась, грызлась, вянула и вконцѣ ложилась въ домовину...

Тутъ слѣдовала долгая минута молчанія, во время которой Курнацкій уронилъ одну слезу памяти своей супруги...

— Когда я очутился изъ моего жалю, — продолжалъ онъ, — первое мое дѣло было: удатись къ Хижевскому и потягнути его къ отвѣчательности за мою обиду. Не допустили мене къ нему, — собаками

вытропили! Я жаловался въ земскомъ судѣ; — тамъ за двери мене выбросили! Я до трибунала, но и тамъ мене высмѣяли; — сказали, что великая честь для мене, что моя жена Хижевскому понравилась! Недивота, — онъ имѣлъ всюду пріятелей, а гдѣ дружбы не достало, тамъ помогли гроши, хотя и я не щадилъ ихъ для палестрантовъ, — но въ богатствѣ я съ нимъ не могъ выровнати. Изъ мести не залишилъ онъ мнѣ дѣлати всякаго рода пакости, но я терпѣлъ, ибо зналъ, что въ польскихъ судахъ правды не найду! Но Богъ справедливый — онъ умилосердился и покликать передъ свой судъ старого Хижевского...

— Штожь отже терпите до молодого Хижевского? — спросилъ Андрѣй, — вѣдай онъ за грѣхи отца не виновать!

— Я не преслѣдую его за отца, — отвѣтилъ спокойно Курнацкій, — старому я простилъ, най Богъ ему будетъ милостивъ... Но съ молодымъ Владиславомъ другое дѣло! Послушайте, ибо еще не копецъ. По смерти жены я не вступилъ во второй бракъ, — а то изъ боязни, что такой жены, якъ была покойная, я не могъ бы найти, — кажется, и не было другой такой въ свѣтѣ... Всю любовь, всю печаль съ жены я перелилъ на мою единачку-дитину. Я былъ счастливъ, — я благодарилъ Бога ежедневно, что моя доня удалась въ матеръ, такъ красотою тѣла, якъ и добротою души... Ахъ за что Богъ судилъ мнѣ, чтобы я одно страданіе другій разъ перетерпѣлъ...

Опять пришло Курнацкому закрыти себѣ лице руками. Внутреннее волненіе препятствовало ему плавно говорити; онъ только въ отрывкахъ розсказывалъ:

— Чтожь имѣю больше сказать?... Владиславъ Хижевскій удался въ своего ледачого батька... Онъ сѣумѣлъ своею привлекательною наружностью и своими солодкими словами сыскати любовь своей дочери... Я не догадывался ничего; она таилась со своимъ чувствомъ передъ людьми — передъ отцемъ. Удовлетворивши своей страсти, онъ покинулъ ее, а она умерла на моихъ рукахъ...

Оба слушатели сочувственнымъ молчаніемъ освятили болѣзнь несчастного отца... Якъ жалко есть, видѣти твердого мужа, плачущого якъ дитина! То состояніе однако не тревало долго у Курнацкого. Сила мужеской воли поборола чувство отца... Онъ сорвался изъ лавки и со спокойнымъ лицемъ говорилъ далее:

— Теперь вы уже знаете, какое дѣло между мною, а Хижевскимъ! Добавлю лишь то, что я, обученъ опытомъ, не имѣю наименьшей охоты волочитись по судахъ, — я самъ себѣ справедливость вымѣрю!... И тотъ безсовѣстникъ узналъ напередъ, что я противъ него замышляю, и протѣ бѣжалъ къ конфедератамъ, въ надеждѣ, что мѣсть моя его тутъ не достигнетъ... Перечислился, ибо я тутъ разъ, чтобы его наказати, — а во вторыхъ, чтобы не дати возрости конфедератамъ, т. е. тѣмъ, которые борются за »вольность« шляхетскую... Я уже довольно искусилъ ея, не желаю ея поворота. То моя цѣль. Вправдѣ я могъ не одинъ разъ Хижевского изо свѣта спрятати, но я жду случайности, которая мене принудитъ станути ему яко отвертый врагъ въ очи и потягнути его къ отвѣчательности. И тебѣ, Яцку, такъ бы сдѣлати! Не метитись надъ ворогомъ коварно изъ засады, якъ про-

сты скрытоубійцы, а честно станути ворогу око въ око: тутъ мене имѣшь, пане Хижевскій! Почислѣмся съ долгомъ и силами...

Яцко сдѣлалъ знакъ головою, что соглашается съ тѣмъ поглядомъ Курнацкого, но добавилъ:

— Долго ли будемъ на то ждати?

— Не такъ долго, якъ ты думаешь. Ровно теперь подается намъ наилучшая случайность. Я узналъ, что коронныи войска, соединенныи съ русскими, сближаются до тѣхъ горъ. Якъ они насъ съ помощію Бога отъ конфедератовъ не спасутъ, тогда за посохъ и торбу — въ широкій свѣтъ! Въ такой роковой минутѣ русскому народу не сидѣти бы подъ угломъ и плакати; ему слѣдовало бы причинитись къ своему спасенію... Въ якій бы то способъ селянамъ сдѣлати, обдумаемъ... Надѣюсь, что все сбудется спокойнымъ образомъ...

— Въ Бозѣ надѣя, — воркнулъ Андрѣй.

— Мы, Яцку, пойдѣмъ оба, — продолжалъ Курнацкій. — Гдѣ обернемся, на теперь еще точно не знаю, но то вѣрно, что при ближайшей случайности зачислимся къ тому отряду войска, который противъ избянскихъ конфедератовъ направится. Тѣмъ дѣломъ навѣрно стрѣтимся съ Хижевскимъ и въ честный способъ расправимся съ нимъ...

— Сгода! — сказалъ радостно Яцко и ударилъ въ поданную ему ладонь Курнацкого.

— А вамъ, Андрѣю, поручу одно дѣло, — продолжалъ Курнацкій, усмѣхаясь. Найперше пойдете между людей — воровити...

— Эхъ, легкій вашъ жартъ, пане — возразилъ

съ неохотою Андрѣй. — Вы такъ въ мои ворожбы не вѣрите, якъ и я не вѣрю. »Ищи« ни одна моя ворожба не исполнилась...

— На тотъ разъ выворожите правду, ибо будете такъ ворожить, якъ я вамъ скажу. Когда-то была ворожба излишна, а на сей разъ она будетъ намъ полезна. Я походилъ довольно селами, бесѣдовалъ съ различными людьми, затѣмъ я не залишилъ приготовить ихъ, чтобы вамъ увѣрили, якъ въ Евангеліе. Предовсѣмъ — вамъ бы съ ворожитствомъ навязатись Кролевскому, крысскому войту. Онъ непостояннаго характера, якъ мартовая погода; такъ мнѣ кажется. Да и о другихъ вліятельныхъ селянахъ не забудьте... Походите по селлахъ съ ворожитствомъ до первого дня по полнѣ мѣсяца. Тогда пойдете и удалестя въ одно мѣсто... Но никогда теряти часа; по дорожѣ доскажу вамъ прочее. — Ходѣмъ!

Въ слѣдующее утро проходилъ Назаръ Кролевскій съ розстроеннымъ умомъ по своей комнатѣ. То бѣгалъ отъ кута до кута поспѣшно, якъ бы его кто бичемъ подганялъ, то снова медлилъ въ ходѣ, мовъ бы имѣлъ олово въ ногахъ, то ненадѣйно останавливался и дивился безъ цѣли то въ стелю, то въ полъ, то по крашенныхъ мисочкахъ, уставленныхъ систематически по поллицахъ, вокругъ стѣнъ тягнущихся, будтобы ихъ въ первый разъ нынѣ видѣлъ. Рукамъ же своимъ онъ словно не зналъ мѣста: или розмахивалъ ними ужасно по воздуху, или закачивалъ ихъ на плечахъ, а найчастѣйше рылъ пальцами въ волосью, вслѣдствіе чего голова его похожа была на роздразненнаго ѣжа. Если добавимъ до того, что отъ времени до времени

выскользались изъ усть его полуголосныи и полусрозумѣлыи слова, то узнаемъ, что нашъ Назаръ былъ въ плохомъ расположеніи духа и что онъ ломилъ себѣ голову надъ рѣшеніемъ якого-то запутанного вопроса. Повидимому, тотъ душевный трудъ истощилъ его физически, ибо цѣлымъ бременемъ своего тѣла палъ онъ на кресло и тяжко-тяжко вздохнулъ, или правильнѣйше — застогналъ.

— Кобы я былъ съ тѣмъ »образаремъ« не встрѣтился, — думалъ онъ себѣ; — може бы мене была бѣда обѣшла. Якъ бы было, такъ бы кѣнчилось! Но нѣтъ, ѡнъ говоритъ правду... И въ тѣхъ книжкахъ — самая правда стоитъ. Я теперь чую по себѣ и вижу по людяхъ, што Русинъ, лемъ, на поневѣрку у Ляха! Што я прежде яко ласкавый жартъ отъ панѡвъ считалъ, то мнѣ теперь огнемъ въ сердцѣ печеть. »Смердзѣ Русѣнемъ!« Волю я дегтемъ пахнути, чѣмъ пахничками панскими, заправленными людскою кровью... Такъ не подамъ руки той »вольности« для гнетенья русского народа, хотя бы имѣло со мною да-што не-свычайное статись. Най дѣется воля Божая!

— Всяда воля Божая! — отозвалось эхо отъ дверей.

Кролевскій поднялъ голову и узрѣлъ входящего Андрѣя Ванька.

— И я по воли Божой пришелъ къ вамъ, выпросити хлѣба для голодного, отпочинка для утомленного...

— Просиме къ себѣ, — отвѣтилъ Кролевскій, — што въ хижѣ найдется, тѣмъ радо подѣлимся съ вами.

Де вы запропастились въ свѣтъ, што я васъ съ пять лѣтъ не видѣвъ?

— Сидѣвъ дома и хваливъ Бога, якъ знавъ. Но теперь нѣтъ о чемъ сидѣти, ибо свѣтъ кусокъ хлѣба для чужой губы нужно тра-было дати...

— Якъ? — може дѣти васъ на старѣсть присѣли? — спросилъ шутливо Назаръ.

— Кобы-то про свои дѣти, то бы не жаль было и поголодовати, а то, бачите, конфедератѣвъ накормити, то хуже... Имъ дай, и все давай, — а не дашь, то изъ горла выдерли бы...

— Отъ Кракова до Чакова — »всяды« пѣсня однакова, — сказалъ Назаръ.

— За то хожу по-межь люди за святымъ хлѣбомъ и добрымъ словомъ...

— И у насъ такое самое водится, — подтвердилъ Кролевскій. Немило и робити коло хлѣба, ибо не знати, чи его самы спожіемъ. Якъ »ищи« одинъ рѣкъ будутъ конфедераты у насъ газдовати, то — пожался Боже!

— Нѣтъ, они мусять такой того року вынестися, — увѣрялъ Андрѣй.

— Якъ можете говоритти на-передь?

— Гмъ, я ворожбитъ! — отвѣтилъ тойже съ усмѣшкою.

— Правда, я позабылъ о томъ, што вамъ часомъ удастся отгадати напередь, якъ слѣпѣй курцѣ зерно найти... А ну, поворожѣте мнѣ! Хотя не все вамъ повѣрю, то може найдѣ въ вашихъ словахъ лѣкъ на мѣй клопѣтъ...

— А, а, вы маете клопѣтъ? а якій? спросилъ Андрѣй.

— Коли изъ васъ ворожить, то ма'те знати о томъ и безъ мене, насмѣшковался Кролевскій.

— О, я вѣрно »дѣзнамся!« — Дайте жменю бобу!

Назаръ принесъ желаемое. Андрѣй принялъ теперь важный видъ. Набелкотавши полную хату невразумительныхъ выразовъ, обратился на пятахъ два раза въ лѣво, а разъ въ право — и лѣвою рукою по-надъ правое рамя бросилъ бобъ на столъ. Не досыть того: къ довершенію »чародѣйства« нужно было ему обойти столъ задомъ семи-кратно. Кролевскій приглядался съ презрительнымъ любопытствомъ.

— Пречистая Избянская плаче! — сказалъ Андрѣй, поглянувши внимагательно по роскиненномъ бобѣ...

— О томъ всѣ знаютъ, — сказалъ Назаръ

— Сбѣглись вороги ѡтъ четырехъ кѡнцѣвъ, ѡтъ семи вѣтрѣвъ, съ чорною душою, съ каменнымъ сердцемъ, мѣдянымъ челомъ, плюгавымъ языкомъ, хитрою мыслию, драпежными руками, оболоченными ногами...

— Чи то, пакъ, не конфедераты? — думалъ себѣ Кролевскій, — на пса уроки, въ красную сорочку ихъ убралъ!...

— Чорная душа не зна' любви Христовой, каменное сердце не чуетъ болю людского, мѣдяное чело свѣтится пѣдлотою, плюгавый языкъ высмѣваетъ русскую вѣру, хитрыи мысли готуютъ пагубу брату, драпежныи руки мыются въ крови ближняго, оболоченныи ноги стоптали все святое.

— На то и ворожбы не треба, — вмѣшался крыс-

скій войтъ, ибо то все; кто имѣеть очи, видить, — кто уши, слышитъ. И я чувъ, якъ одинъ конфедерать перехвалковався, што волѣвъ бы покуматись съ жидомъ, якъ подружитись съ Русиномъ! И я наслухався притыкѣвъ за то, што читаю Апостоль въ церкви... Но то все извѣстное, — што дальше?

— Пречистая Дѣва плачетъ надъ нами, — продолжалъ Андрѣй, — житъе наше въ рукахъ вороговъ, честь нашихъ женъ и дочерей на ихъ ласцѣ, хлѣбъ нашъ — уже не нашъ...

— Эхъ! говорите то, о чемъ воробыи цвѣркотять. А ну, чи утнете о томъ, о чемъ никто не догадается?

— Пречистая Дѣва, якъ надъ конфедератами, зарѣвно плачетъ и надъ вами, — утверждалъ ворожбитъ...

— На мене? — спросилъ на видъ оскорбленный Назаръ. — Я грѣшный человекъ, якъ всѣ люди, однакъ, Андрѣю, вара вамъ мене въ одинъ мѣхъ съ конфедератами пхати...

— Вы мене не порозумѣли, оправдывался Андрѣй, вы хотѣли пересвѣдчитися, чи я вашъ клопѣтъ ѡтгадаю, — а вотъ, я ужъ го »знамъ!« И прото Мати Божая плачетъ, што не можете отважитись на одно, хотя правда якъ на ладони...

— Чи такъ?... Я бы хотѣвъ знати, на скѣлько лѣктей у васъ пророческого духа...

— Вы важите въ своей головѣ, — гмъ, якъ бы вамъ то сказати, — отъ, не зна'те, што лучше: чи горячее желѣзо въ клѣщи, чи въ голыи руки взяти....

Кролевскій словно остолбѣлъ на такое странное сопоставленіе причины и послѣдствія; онъ не зналъ,

якъ себѣ тѣ слова истолковати и что отвѣтити; по минутѣ роздумія онъ, однакожь, порозумѣлъ, что подъ прозрачною ослоною того подобія крылась другая мысль, согласная съ собственными его гадками; тогда онъ спросилъ съ явнымъ любопытствомъ:

— А што на лучшій конецъ выйдетъ? чи въ голыи руки, чи клѣщами желѣзо брати?

Ворожитьъ съ очевиднымъ презрѣніемъ отвѣтилъ:

— Чи вы продали дурнямъ свою голову, што о такое пытаете? Якъ возьмете въ клѣщи желѣзо, то руки не попарите...

— Я о томъ знаю, — возразилъ крыскій войтъ, — но якій хосенъ будетъ, хотя и клѣщами желѣзо возьму? Я несвѣдомъ ковальского ремесла...

— Тогда можно нимъ обертати по волѣ, — объяснялъ Андрѣй, — клепати на всѣ боки, гнути, якъ хочешь — а не розумѣете ковальства, то подайте горячее желѣзо свѣдомому майстру, который будетъ знати, на што его выробити. Якъ теперъ вы мене не порозумѣли, то Пречистая Дѣва будетъ и дальше плакати, што вороги наши...

Дальше не досказалъ Андрѣй, видя, что Назаръ, въ собственныхъ думкахъ погруженъ, не внималъ на его рѣчь.

— Тотъ дѣдъ незле ворожить, а лучше еще радить, говорилъ къ себѣ крыскій войтъ, почемуъ голосно сказалъ:

— Хочу еще разъ обѣйти цѣлый крысъ и пере-свѣдчитися на-очно, чи всѣ селяне готовы, и захо-тити ихъ надѣю на »вольность«, такъ якъ мене кон-федераты научили...

Видно, что оба порозумѣлись, ибо оба на двусмысленности тѣхъ словъ значущо усмѣхнулись...

На »Гутѣ«, гдѣ нынѣ дѣлятся дороги крестообразно, гдѣ нынѣ четыре или пять корчемъ соревнуютъ въ вѣжливости, которою бы могли гостя пригласить, — передъ стома лѣтами стояла исключительно одна корчма, свободная отъ всякихъ соубѣгательницъ. Въ единственной комнатѣ той гостиницы засѣлъ, нѣсколько дней позже, одинъ человекъ, похожій на туземца. Велѣлъ онъ себѣ дать стаканчикъ вина, чтобы надъ нимъ, какъ шинкарь замѣтилъ, словно задремати. Больше не было ніякихъ гостей. Хозяинъ-еврей обчислялъ на пальцахъ барышъ для того, а гость, вкусивши одинъ глотокъ вина, склонилъ голову на столъ и, опершись на подложенныхъ кулакахъ, кажется — заснулъ. Шинкарю скучно было самому сидѣти: еврейская природа не можетъ обойтись безъ болтанья. Изъ которого можно бы ему было бодай изъ одного слова для себе пользу, совѣтъ или предостереженіе вытягнуть. Онъ толкнулъ гостя въ рамя:

— Андрѣю!

— Што тобѣ отъ мене, жиде? — отворкнулъ той же неохотно.

— Вино на столъ, чога не пьете?

— Кедъ я казавъ дати, то его и заплачу. Штожь тебѣ на тѣмъ?

— Ну, оно попсиуется, загрѣтается, шкода вина...

— Моя страта...

На то пришелъ молодой паробокъ и галаснулъ:

— Жиде, дай горѣлки!

Андрѣй поднялъ голову и внимательнымъ взоромъ обкинулъ пришельца.

— Якъ менѣ студено днесь, сказалъ онъ довольно голосно.

— Вамъ днесь холодно? — изумѣлся паробокъ. Менѣ душно, ажъ съ лаховъ цѣдится.

— Чи вы, Андрѣю, не хорый? примѣтилъ еврей.

— Нѣтъ, не хорый, а днесь холодно...

— »Мешугге гой!« подумалъ себѣ жидъ.

— Нацийтесь горѣлки, она васъ загрѣеть! совѣтовалъ паробокъ.

— То не тотъ, — сказалъ къ себѣ Андрѣй и опять задремалъ.

— Но, если тому уже днесь студено, — сказалъ шепотомъ паробокъ къ жиду, — то въ осени замерзнетъ, а зимы ему не дѣждати... Што то за одинъ?

— То Андрѣй Ванько, — объяснилъ жидъ.

— Аа!

— Но нынѣ ему — добавилъ шинкаръ, указуя пальцемъ на чело, — тутъ што-сь недѣстаетъ...

Паробокъ отошелъ. Еврей остался самъ съ ворожбитомъ.

— Чи вамъ на-правду нынѣ студено, або лемъ смѣтесея, Андрѣю!

— Студено, — отвѣтилъ холодно ворожбитъ.

— Пейте вино, загрѣтесея...

— Не поможетъ мнѣ...

За минуту вошла нѣкая подорожная старуха.

— Дай Боже здорovie!

— Дай Боже и вамъ!

— Ой, якъ нынѣ душно, — сказала баба, са-
паючи.

— Горячо? — спросилъ Андрѣй Ванько, — а
мнѣ холодно...

Старуха глянула съ удивленіемъ по немъ, а жидъ
себѣ погадалъ:

— Ну, ворожбитъ сошелъ съ ума. Зима его не
трясетъ, ибо червоный на лицѣ; хорый не есть, а
студено ему!

Удивительно, что якій ни гость заглянулъ въ ту
корчму, а немало различного рода подорожныхъ пе-
решло по томъ распутіи, — каждый дознался одно,
что Андрѣю Ваньку нынѣ, въ парный іюльскій день,
зимно. — Послѣдній гость былъ человѣкъ по-надъ
средній лѣта, середняго роста, крѣпко созданный.
Изъ его лица вычиталъ бы физиологъ, что здоровый
розумъ, смѣлость, добросердіе — но и строгость, были
свойствами того человѣка.

— Жиде, вина, но свѣжого, съ бочки!

Еврей поспѣшилъ въ пивницу, принести желаемое
вино.

— Ахъ, якъ парно днесъ, — востхнулъ пришелець.

— А мнѣ студено, — примѣтилъ холодно Ан-
дрѣй...

Пришелець быстро поглянулъ ворожбиту въ очи, —
но тотъ выдержалъ его проницательный взоръ, не
вздогнувши совершенно.

— Будеть теплѣйше, — отвѣтилъ первый спо-
койно.

— А тымъ, што имъ днесъ тепло? — спросилъ
Андрѣй.

— Будеть холодно, — горѣ хребтомъ будеть ихъ морозити...

— Коли?

— Якъ сорока пожеланныхъ гостей возвѣститъ...

— Чи могу то сказати тому, который мене о томъ звѣдоватися будеть?

— Не знаю — кому.

— Курнацкому, — шепнулъ Андрѣй.

— Можете, — увѣрялъ тамъ-тотъ.

— Обѣщаете?

— Слово мое на то!

— Чье слово? Теперь на мене черга узнати...

— Дубецкого, — отвѣтилъ полу-голосно пришелецъ.

— Знаеме ужъ себе, — кончилъ Андрѣй, но не начиналъ дальшого розговора, ибо еврей вошелъ съ замовленнымъ виномъ.

— Пойду я домѡвъ, бо мнѣ студено, — сказалъ ворожбитъ, загортаючись крѣпко въ чугу. — Бывайте здравы!

— Знаете ли вы того чловѣка? — спросилъ шинкаръ гостя.

— Нѣтъ, я не съ тѣхъ сторонъ...

— То ворожбитъ изъ Избѣ. Онъ такъ славно ворожить и мудро бесѣдуетъ, якъ бы съ книжки, но нынѣ съ нимъ што-сь недоброго сбылось...

— Што сталося нынѣ съ нимъ?

— Нынѣ вѣдай перевернулось ему въ головѣ...

— На-правду?

— Отъ рана ту сидѣвъ, горячо нынѣ, жара ужасная, а онъ каждому казавъ, што ему »студено«.

— И мнѣ о томъ плель, — примѣтилъ холодно пришелецъ.

— Вѣрно одна кроковца надпсовалась въ его головѣ, объяснялъ еврей.

— Безъ сомнѣнія, — подтвердилъ гость, допивая спокойно свой стаканецъ вина.

IV.

— Дѣдуню, за ваше здоровье! — сказалъ юноша къ старому священнику, сидящему противъ него.

— Помалу, Матвѣю! Якъ-бы за каждую чаркою здоровья мнѣ причинялося, то бы его для другихъ не стало... Якая бы польза была тогда изъ моего житья, если бы я его съ другими дѣлити не могъ? Я бы хотѣлъ еще якій годъ съ вами веселиться...

— Сто лѣтъ жійте еще для насъ, дѣдуню! — желалъ Матвѣй.

— Ха, ха! Что бы я тогда дѣлалъ? Жилъ бы я не между своими людьми, не между равными... Я бы поглядалъ съ презрѣніемъ на молодыхъ отъ мене, якъ на недосвѣдченныхъ мальчиковъ, а люди видѣлъ бы во мнѣ археологическій забытокъ, — цѣнный може, но бесполезный для молодшого поколѣнья... Я былъ бы людьми недоволенъ, а люди мною были бы недовольны... Нравы съ годами перемѣняются и нынѣ уже не такъ, якъ за моей молодости бывало; — хотя я еще не такой старый. а не одно видится мнѣ чужимъ быти... А впрочемъ — если бы я впередъ зналъ, что мене въ слѣдующемъ году ожидаетъ — якое лихо

изъ тѣхъ годовъ, якихъ я въ жизни довольно зазналъ, то нынѣ молю Бога, чтобы мене уже покликалъ...

— И вы имѣли бы — смѣлость покинути мене, вашу зѣницу, лишити мене опечаленную? Не желаете ли, чтобы я вамъ каждую минуту лишняго житья пріятною дѣлала, — спросила съ оскорбленіемъ красивая, побочь юноши сидящая женщина.

— Отже, — ты, Оля, конечно со своимъ резонномъ всюда вмѣшаешься, — засмѣялся старикъ, — съ тобою я уже не выдержу въ диспутъ и прото складаю оружіе, — додалъ съ комическою повагою.

Розговоръ тотъ между трема лицами велся въ садѣ Чернянского солтыства.

Вокругъ стола, уставленного въ тѣни старой груши, которая со снисходительною гордостью поглядала на молодые деревья, якъ прабабка на свое поколѣнье, сидѣлъ о. Іоаннъ Щавинскій, противъ замужной пары. Оля, хотя блѣдна, но таки не блѣдная, якъ-то нѣкоторые обстоятельства съ собою несутъ, изъявляла на своемъ лицѣ якое-то спокойное, поважное но и счастливое чувство, якого доси еще не зазнала. Она съ любезностью обвила свою руку въ округъ рamenti своего мужа и оперлась на немъ съ довѣренностью жены слабосильной, но сильно любящей. Въ очахъ Матвѣя, кромѣ любви, пробивалась еще гордость, будтобы хотѣлъ онъ сказати: Дивѣтся и завидуйте, — кто изъ васъ есть посѣдателемъ такого бисера, якъ моя жена?.. Если молодые супруги не таились со своею радостью, то лице дѣдуны, такъ сказати, горѣло отъ удовольствія. Якая тому причина? — Онъ

нынѣ крестилъ перваго сына своей Оли. — Достаточно того.

Гости, приглашенные на крестины, уже порозѣздились, лишь о. Іоанну не хотѣлось еще разлучаться. Ему такъ пріятно и легко было отдыхати тѣмъ воздухомъ любви, довѣрія и самоотверженія, какое его любимцевъ окружало...

— Правда, моя дитино, — продолжалъ о. Шавинскій серьезно, — я хотѣлъ бы еще жить на то, чтобы могъ на васъ обоихъ дивиться. Вы бо только мнѣ лишились, — прочіи дѣти разбрелись по мірѣ, и Богъ знаетъ, чи ихъ передъ смертью увижу... А однако, хотя вашимъ супружествомъ радуюсь, все-таки мнѣ тоскно, что вы — въ лихій часъ побрались...

— Истинно въ лихій часъ! — востхнулъ Матвѣй и слезы покотились ему по лицѣ.

Изъ имѣнія своего посѣдалъ онъ нынѣ только двѣ коровы, одна беззубая, другая кривая, которыи ему конфедераты великодушно оставили въ замѣнъ за его четыре вола и прочую худобу... Въ тотъ способъ отмѣнялъ онъ у конфедератовъ два пышныи кони за двѣ исхудалыи хабаты, которыи едва приблизительное подобіе къ коняамъ имѣли...

Не было къ чему и по что челядь держати... Старая его нянька, родъ инвентаря, лишившагося ему по отцу, имѣла попеченіе о реченныхъ четырехъ — »хвостахъ«, въ полевой работѣ дѣлилась съ нимъ съ твердымъ самоотверженіемъ нѣжная Оля. Хотя Матвѣй противился тому и нерѣдко съ гнѣвомъ выдиралъ ей орудіе съ рукъ, чтобы не допустить ей до тяжкаго труда, — не помогло то. По цѣлодневномъ трудѣ въ

полъ, утомлена на силахъ, но съ усмѣхомъ на устахъ, встрѣчала она вечеромъ своего мужа и нагородила его такимъ искреннимъ и горячимъ поцѣлуемъ, якій никогда яснымъ и вельможнымъ панамъ отъ ихъ платныхъ любимицъ не доставался.

То овозъ примѣрного супружества, то знамя святости его!

— Дастъ Богъ, конфедераты переведутся и бѣда съ ними переминетъ, — примѣтилъ голосно Матвѣй, — а тогда я не дамъ той ручкѣ серпъ или мотыку брата, — додавъ, цѣлуя руку своей женѣ...

— Надѣяться въ Бозѣ, — отвѣтилъ о. Іоаннъ. — Я намѣрялъ съ начала съ вашимъ вѣнчаніемъ подождать до конца конфедерации, — и то было бы якъ-разъ добре, но одна необходимость принудила мене, васъ чѣмъ скорше получить...

— Якая необходимость? — спросила любопытно Оля.

Но о. Іоаннъ не далъ отвѣта, только заглянулъ на дно стакана.

— Хорошее, прехорошее вино! — сказалъ онъ, напившись; оно, кажется, нашихъ отцевъ помнитъ! Гдѣ ты, Матвѣю, его скрылъ, что конфедераты его не вынюхали?..

— Тамъ, гдѣ и гроши! Якъ бы я умеръ, то пропали бы и гроши, и вино, ибо только я о той тайнѣ знаю, съ которою мене покойный отецъ мой запозналъ.

— Добре ты сдѣлалъ, — вѣдай предвидѣлъ непрощенныхъ гостей...

— Что васъ, дѣдуно, споводовало, мене чѣмъ

скорше съ дому посбытися? — спросила опять Оля, видя, что бесѣда на другій путь сошла.

— Что?.. Я тебѣ заразъ ростолкую, дитино, — отвѣтилъ старикъ, — только, Матвѣю, налій мнѣ еще того старого; оно розгрѣваетъ кровь, старикъ молодѣеть по томъ винѣ, слабый крѣпится, малодушный бодрѣеть, а мнѣ точно теперь нужно смѣлости, чтобы на Оли вопросъ отвѣтити, или иначе, чтобы сознатисъ передъ нею съ однимъ моимъ грѣхомъ... Такъ и легче мнѣ станеть...

Обое молодыи подивилися по себѣ съ удивленіемъ по поводу тѣхъ непонятныхъ словъ дѣдуня и съ большимъ любопытствомъ слушали его. О. Іоаннъ началъ:

— Ты, Матвѣю, навѣрно еще не знаешь, для чего Оля тебѣ съ разу отказала свою руку.

Летучая улыбка на лицѣ Матвѣя, которую однако старикъ не замѣтилъ, станула вмѣсто отвѣта.

— Если я скажу причину того нынѣ, то только въ той цѣли, чтобы вы между собою совсѣмъ выровнялись, — чтобы сердце одного изъ васъ было для другого до дна открыто. Ніякіи тайны не имѣютъ мѣста въ добромъ супружествѣ, иначе можетъ случитисъ, что за поздно отслоненная тайна, хотя бы и якъ малозначная, можетъ легко статися причиною взаимного несогласія...

— Я не имѣю ніякой тайны, а Оля изо всего передомною высповѣдалася, — отвѣтилъ спокойно Матвѣй.

— Она созналасъ тебѣ изо всего, что передъ тѣмъ моргала очкомъ до черныхъ бровей, до темного усика и румяного личка пана ротмистра Хижевского?..

Матвѣй потакнулъ головою, поглядывая современно на свою хорошую подругу, которая, повидимому, отъ женаты притулила лице свое къ дитинѣ, стоящей на ея колѣнахъ.

— Слышилъ ли, Оля, ты бодрая дѣвчина! — сказалъ о. Іоаннъ будто серьезно, но каждая его жила на лицѣ якось весело играла; — я сознаюсь, что мнѣ не стало бы отваги признаться моей покойной хотя бы о единственной моей платонической любви, якою я, студентъ еще, до нѣкой доньки крамаря вздыхалъ...

— То свидѣтельствуешь, что у мужчинъ любовь есть всегда низшого сорта, чѣмъ у женщинъ, — возразила Оля, — сложивши свои уста къ саркастической улыбцѣ. Женщина, если полюбитъ, то безъ примѣси своелюбія. Чтобъ сыскати довѣріе своего любимца, она не убоится повѣрити ему хотя бы и порицанія достойны тайны, мужчина же того не сдѣлаеть; онъ радше жертвуетъ любовь своему самолюбію...

— Тихо, Оля, съ тобою о любви спорити не буду, — перервалъ со смѣхомъ старикъ, — и безъ твоихъ выводовъ я уже вѣрю въ твою любовь къ мужу, якъ въ десять заповѣдей Божихъ... То, вправдѣ, уменьшаетъ тяжесть моей провины, но всегда грѣхъ грѣхомъ, додалъ старикъ поважно. Всегда мнѣ тяжитъ то на совѣсти, что я тебе, Оля, принудилъ, идти за Матвѣя, что я тогда тебѣ горечью наполнилъ сердце... О, не перерывай мнѣ, Оля, най выскажусь... Я видѣлъ, якъ ты по кутахъ плакала, я дивился на твое блѣдное лице, я слышалъ сквозь стѣну, якъ ты цѣлыи ночи вздыхала и стонала, я зналъ о твоей внутренней бо-

дѣзни — и сердце мнѣ краялось, а однако я не выслушалъ твоихъ желаній, я стался для тебе тираномъ, а не любящимъ дѣдунемъ... Можешь ли мнѣ то простити?..

— Что простити? То ли, что вашею тиранією сдѣлали вы мене найсчастлившею женщиною? За то до смерти васъ благословити буду! И затѣмъ обняла Оля шею своего дѣдуны, пригорнула гладкое лице свое къ сивой бородѣ его, и отъ избытія чувствъ сквозь слезы усмѣхались къ старику, когда съ другой стороны Матвѣй крѣпкимъ пожатіемъ руки его свою благодарность заявилъ.

— Пустьъ, бо удушите старого, — сказалъ о. Іоаннъ весело. — Но сегодня мнѣ легче, что я мою совѣсть отъ того бремени освободилъ... Кажется мнѣ, что я теперь отмолоднѣлъ — не знати, — отъ того ли старого »угра«, или отъ того, что отдыхаю вашею молодою любовью... Дай Боже вамъ до старости такъ любиться...

И весело зазвонили чарки, наполненные одушевляющимъ напиткомъ.

— А ты, хлопче, стережи свою птичку, чтобы до давного аманта не улетѣла, — зашутилъ старикъ, — ибо знай, что Хижевскій въ Избахъ... Онъ отсталъ отъ Бѣржинскаго, котораго маршалки конфедераціи, изъ великаго почтенія, надѣлили титуломъ »здрайца ойчизны« и человѣкомъ безъ чести, — а прилучился къ Пулавскому. Жаль пану ротмистру за Бѣржинскимъ, ибо тамъ воячка начиналась на грабежѣ мужиковъ и на той же кончилась. Съ Пулавскимъ немножко труднѣе, но въ слѣдствіяхъ безъ мала однаковая бѣда:

Хотя маршалокъ запрещаетъ, то подвластныи таки грабятъ; пожалуешь ли передъ нимъ, то замолчить, замаститъ справу, ибо иначе потерялъ бы все войско! Но не имѣешь причины червонѣтись, моя панно, — добавилъ о. Іоаннъ, смѣясь, когда примѣтилъ, что Оля при вспоминѣхъ о Хижевскомъ нечаянно краску на лицѣ смѣнила, — чей не будешь его вздоховъ нынѣ слушати, а онъ имѣетъ на столько розсудка, что не посмѣетъ подсувати свою голову подъ твердый кулакъ твоего Матвѣя...

— О, не прельщайтесь, дѣдуно! Хижевскій не такіи, якъ вамъ кажется, — увѣряла Оля; — онъ пристрастный, завзятый и весьма вспыльчивый человекъ... Если онъ мене любити уже не можетъ, то навѣрно не залишитъ мститися надо мною...

— Э, э, — что тебѣ снится? — опровергалъ старикъ. — Ротмистръ посѣтилъ мене минувшей седмицы. Чи я ему былъ радъ? меньша о то. Я принялъ его прилично, онъ же, якъ всегда, оказался вѣжливымъ гостемъ... Допрашивался о тебе, Оля, чи здорова ты, чи весела, чи всегда однако хороша, и прочіи ничтожныи тереферы... Вконцѣ жаловалъ, что не былъ на твоємъ весельи и даже общалъ, что тебѣ сдѣлаетъ подарокъ на памятку...

— О, я его подарковъ опасуюся! — сказала Оля, вздрогнувши тѣломъ...

— Но, нагадавъ козѣ смерть! Если Хижевскій подъ своими гладкими словами скрывалъ какое-то злобное намѣреніе, то не вѣрю больше въ ничью учтивость! За его честь я поскупилъ бы старого гроша, то правда, — но чтобы онъ имѣлъ на тебѣ мститися?

на безсильной женщинѣ? и въ какой цѣли? Тому не вѣрю. Онъ имѣеть еще остатокъ духа, такъ зовимой древней рыцарскости... Успокойся, дитино! Уповай на Бога и на заступленіе твоего мужа...

Солнце клонилось къ западу. О. Щавинскій выбирался домой.

— Мой друже, осѣдай мою сивошку, — уже часъ до хаты, а еслибъ ты изволилъ мене кусень дороги отвести, то сдѣлалъ бы ты мнѣ особенную пріятность.

— Добре, дѣдуню, поѣду съ вами, — отвѣтилъ Матвѣй.

— Да, старому, а еще къ тому по нѣсколькихъ глоткахъ крѣпкого угорского вина не будетъ излишнимъ молодой сопутникъ и его надежное рамя, — засмѣялся старикъ. Еще бы мнѣ нынѣ заблудити подобало до сусѣда въ Баницѣ...

— Чи конче вамъ Матвѣя треба? — спросила скоро Оля.

— Уже слышала ты причину, для чего, отвѣтилъ весело о. Іоаннъ.

— Якъ же мнѣ самой остати дома? — сказала она торопливо, — самой съ дитиною; на случай какой напасти — кто мене оборонить?

— Если боишься кого, то легкая справа, — отвѣтилъ старикъ. — Матвѣй най останется дома, а я самъ поѣду.

— Э, — на что себѣ припускаешь нерозумныи гадки въ голову, Оля, — вмѣшался Матвѣй. — Кого тебѣ нынѣ бояться?... Для осторожности можешь хату замкнути, а сама пересидѣти тотъ часъ у сосѣда. —

Впрочемъ... я небавомъ вернуся, лишь надъ Баницу дѣдуня подведу...

Оля не отвѣтила больше ничего, ибо не хотѣла противитися желанью старика. Если бы ея мужъ не сопровождалъ дѣдуня, могъ бы онъ взяти то за неуваженіе своей личности и прашаніе съ нимъ было бы очень пасмурное. Того хотѣла Оля избѣгнути, хотя сердце у ней сжималось, якъ бы предчувствовало какое злоприключеніе...

Когда молодая женщина прашалася съ отходящими, шепнула своему мужу:

— Вертай чѣмъ скорше, ибо мнѣ лачно...

Матвѣй ударилъ коня нагаемъ, но имѣлъ еще на столько времени, что потѣшилъ жену.

— Вскорѣ вернусь, любя! — сказалъ онъ съ сердечнымъ усмѣхомъ.

Ѣздоки скрылись вскорѣ за хатами и не чули и не видѣли, якъ Оля протягнула руки за ними и жалостно кликала:

— Любый, — не отходи отъ мене...

Уныло вертала она до порога комнаты. Дитина ея спала въ колыбели спокойно, знати, играла во снѣ съ ангелами, ибо усмѣхъ невинный сѣлъ на ея дробныхъ усточкахъ...

— Такой-бы мнѣ до сосѣдки идти, или гдѣ нибудь до людей; — въ ихъ обществѣ скорше успокоюся, — подумала себѣ...

Хотѣла дитину подняти изъ ложечка, но та голоснымъ плачемъ заявила свое негодованіе, что ей такъ милый сонъ прорвали... Чувствительная мать не могла на себѣ перенести, чтобы была причиною

плачу любезной дитины. Опять уклала сынка въ постельку и начала его колысати къ сну...

— Чегожь пойду до сосѣдей, когда вѣроятно ни одного дома нѣтъ? День горячій, сѣно просится, чтобы его собрати, что живетъ — то въ полѣ...

Такъ извинялась передъ собою, но и тѣмъ не успокоилась. Напрасно сдерживала рукою удары сердца, — зловѣщее предчувствіе не лишало ея...

— А хотя бы я въ чужой хатѣ и сама пересидѣла, то всегда лучше будетъ... Если бы, хорони Боже, лихій человѣкъ вышелъ на мою пагубу, то будетъ мене въ моемъ, а не чужомъ домѣ глядати...

И снова хотѣла мальчика поднять, но тотъ опять плачемъ протестовалъ...

— Най дѣется воля Божая! — сказала Оля, — буду ожидать, что Богъ пришлетъ. А Матвѣй не долго забавится, о четверть часа долженъ быти съ поворотомъ...

Не прошло четверть часа, клада ей казалось, что слышала топотъ лошадей.

— Славажь Тебѣ Господи! то вѣрно мой мужъ! радовалась она, но вскорѣ занепокоило ее замѣчаніе, что топотъ роздался со стороны сада, а не подворья.

— По что Матвѣю съ конемъ за садъ ийти? Пустилъ ли онъ коня на пашу? Нѣтъ, тамъ нѣтъ пасовиска, тамъ грядки, засѣяны и засажены самыми изряднѣйшими яринами... Не могла себѣ того истолковать, когда двери тихо отворились..

Олѣ замеръ голосъ отъ ужаса... Она узнала его, — Хижевского!..

— Простѣтъ, сказалъ онъ съ ласкавою улыбкою,

— что васъ непрощенный посѣщаю. Я узналъ случайно, что у васъ нынѣ семейный праздникъ, введеніе вашего перворожденного въ общество христіянъ, — затѣмъ я не могъ залишити, чтобы вамъ мои желанія не сложили...

— Благодарю васъ и вѣрю, что ваши желанія искренныи, — отвѣтила Оля взволнованнымъ голосомъ и, если бы мы были впередъ знали, что не погордите убогимъ сельскимъ порогомъ, были бы мы васъ съ радостию среди нашихъ гостей почислили...

Якъ ни привѣтствіе конфедерата звучало умѣренно и прилично, таки не повліяло оно на успокоеніе Оли, она бо замѣтила злорадостный и зловѣщій усмѣхъ на его устахъ, замѣтила язвительно-презрительное выраженіе на его лицѣ, замѣтила, что онъ нынѣ вовсе не намѣрялъ притворнымъ быти, якъ когда-то при памятномъ любовномъ объясненіи, а дозволилъ своей внутренней грозѣ отразитись свободно на внѣ...

— Ваше ласкавое слово убѣдило мене, что я, хотя поздно, но не невчасно пришелъ, — продолжалъ ротмистръ.

— О — что до того, то повѣрьте, что пожеланный гость и доброе слово всегда въ пору... Жаль только, что моего мужа нѣтъ теперь дома, но онъ что-только не надойдетъ, — онъ будетъ радъ, познакомиться съ вами.

— Я зналъ на-передъ, что его не застаю дома, — отвѣтилъ Хижевскій съ гласоудареніемъ, въ которомъ діавольская радость пробивалася, — и скоро ли или поздно повернетъ, то миѣ совсѣмъ не мѣшаетъ,

нбо я собственно до васъ, красная госпожа, имѣю дѣло...

— Извинѣть, я безъ вѣдомости моего мужа не вхожу съ никѣмъ и въ ніякіи дѣла, — сказала рѣшительно Оля, но наклонила голову надъ дитину, чтобы такъ свое смятеніе скрыти.

— На сей разъ будете ласкавы изъятіе сдѣлати, — сказалъ твердо Хижевскій.

Оля долго молчала. Она чувствовала по дрожи своего тѣла, что адскій взоръ ворога почивалъ на ней... Вконецъ прошептала...

— Если конечно, то прошу изъяснити, якое дѣло вамъ до мене...

— Коротко сообщу вамъ мое желаніе, ибо вы ожидаете мужа, а я не хотѣлъ бы съ нимъ встрѣтиться — и навѣрно, та встрѣча была бы и ему, и вамъ непріятна... Я пришелъ нынѣ не къ госпожѣ Чирнянской, а къ дѣвицѣ Олѣ Вислоцкой, спросити ее, чи она сердце мнѣ такъ вѣрно сохранила, якъ то при разлуцѣ со мною обѣщала?..

— Между Олею »отъ колись«, а мною »отъ днесь« есть непроходимая пропасть, о томъ бы каждому честному человѣкови памятати подобало, — отвѣтила твердо Оля.

— Лишѣмъ споръ о чести на сторонѣ, а касательно второй части — то я памятаю хорошо, что Оля Вислоцкая созналась колись, что она мене любитъ...

— Если то вамъ не вышло изъ памяти, то должны вы тоже памятати, якое я условіе вамъ поставила, которое вы, господинъ ротмистръ, даже не думали исполнити...

— Я въ любви условій не узнаю, любовь безусловна! — возразилъ конфедератъ.

— Думаете ли? — спросила гордо Оля. — Если такъ думаете, то извинѣтъ, вы обманули себе, по крайней мѣрѣ что-до личности... Съ такими притязаніями было вамъ обратиться не къ менѣ... Лишь послѣдняя низверга женского пола можетъ бросити сердце свое недостойному...

— Вы напосѣлись мене нынѣ обижати...

— Самы того хотите, ибо самы о томъ рѣчь вы завели, — отсѣтила Оля...

— Пусть будетъ и такъ, но теперъ послѣдній вопросъ: зачѣмъ я вашей любви недостойнъ?..

— Зачѣмъ?.. Хотите ли, чтобы я вамъ конче сказала?.. Добре. Ваша вина, если гость прикрое слово отъ мене учуетъ... Кто осквернился подлостью, чья совѣсть обременена убійствомъ безвинного чело-вѣка и кто, вконцѣ, святостію супружеского союза пренебрегаетъ, якъ вы сегодня, когда не посѣдаете на столько чувства чести, чтобы ошадити замужную женщину любовными вопросами, тотъ не заслужилъ себѣ на мое почитаніе..

— Старая пѣсня! — насмѣшковался Хижевскій — выдуманная на то, чтобы невѣрность свою покрыти! Я о вашей супружеской любви не буду спорити... Та, которая мене разъ любила, не можетъ своего мужа подобно любить. Вѣдь между мною а Матвѣемъ, между кармазиномъ а сѣракомъ — должно бы якое розличіе въ вашихъ глазахъ найтися!

Оля сорвалась скоро изъ кресла, якъ на пружинѣ.

Она выпрямилась гордо, лице ея покраснѣло отъ негодованія, очи пламенѣли благороднымъ гнѣвомъ...

— Молчи, подлецъ, — сказала Оля, протянувши повелительно руку; — подлостью могу назвати поведеніе человѣка, который пользуется беззащитнымъ положеніемъ слабой женщины на то, чтобы ее оскорбляти! Ты думаешь честь моего мужа своимъ языкомъ осквернити? Могъ бы ты, если бы ты былъ высшій отъ него или ему равный, — но ты низшій отъ него, недостойнъ ему рабомъ быти! И ты сомнѣваешься въ моей любви къ нему?.. Вотъ, подивись на мои руки! Смотри, якіи мозолы выпеклись на долоняхъ отъ тяжкого труда... Я роблю хуже слуги, чтобы моему мужу тягару уменьшить; онъ подъ трудомъ упадаетъ, ибо трудно приходитъ ему заробити на свое семейство и на васъ, ненасытныхъ грабежниковъ!.. А когда онъ, скупанный въ потъ, омлѣлый на силахъ, утомленный на душѣ, ложится до спочинку, я садовлюсь коло него и отганяю навязчивыи мухи, чтобы могъ спокойно спати... Мои слова лишь на то, чтобы житье ему осолодити, — мои гадки — чтобы желанія его предупредить, — мои пѣсни — чтобы до сну его уколосати, — мои поцѣлуи — чтобы хмару печали съ чела его согнати... Вотъ, такъ люблю я моего мужа!

Хижевскій нѣскольkokратно кусился, тотъ понижаящій его жаръ рѣчи перервати, но не могъ. Его давило изо злости въ горлѣ, якъ бы кто петлю тамъ затягнулъ; — не въ состояніи былъ онъ слова выдусити... Безпощадное осужденіе со стороны Оли усилило его гнѣвъ до ярости, а величаніе ея съ любовью своею къ другому убольшило зависть его до бѣшен-

ства. Жилы на челѣ надулись ему, очи подбѣгли кровью, а усь, затисненъ судорожно зубами, покрылся пѣною...

Оля познала внутреннее состояніе конфедерата, но наименьше не намѣряла усмирятн раздраженнаго змя, — къ тому было и за поздно. Оля знала, что ея нѣжное чувство собственного достоинства было грубо нарушено Хижевскимъ; удовлетвореніе за то хотѣла сама найти, прото продолжала:

— А знаешь-ли, почему я его такъ люблю? Разъ, ибо онъ достойный того, — ибо подъ его сѣракомъ бьется сердце, мягкое — якъ у женщины, а бодрое, якъ у героя, — ибо онъ боится Бога, а почитаетъ людей, ибо его никто не проклиналъ, а благословяетъ его многи, съ которыми онъ послѣднимъ кускомъ хлѣба дѣлится... Затѣмъ легко porozумѣешь, какое различіе въ моихъ очахъ между кармазиномъ, а сѣракомъ!.. А еще больше его буду любить, чтобы вытерти съ памяти то пятно моего житья, что я полюбила — не такъ твою личность, якъ твою виѣшность, не убѣдившись прежде, сколько гнили подъ ея ослоною мѣстится!.. По той причинѣ буду любить моего мужа, якъ ни одна женщина въ свѣтѣ!..

— Не будешь! — заревѣлъ нечеловѣчимъ голосомъ Хижевскій. — Если мене не схочешь любить, то и его перестанешь! Не будешь жити для него, если моею не схочешь быти...

Оля холодно выслушала тотъ пристрастный ревъ. Казалось, что истощила въ себѣ всю силу воли. Хижевскій однако злораднымъ взоромъ обливалъ ее — свою жертву...

— За много было бы славы для тебе, сказалъ онъ, — если бы я сдѣлалъ тебе моею любовницею. Будешь довольна, если послѣдній изъ моихъ людей кинетъ око на твою красоту. Тогда и у мужа любви не выпросишь... То будетъ памяткою для тебе, якъ возгорженный шляхтичъ польскій умѣетъ мститися! Якубе!..

— Я тутъ, на вашъ розказъ! — отвѣтилъ Германъ изъ-за дверей и сейчасъ вошелъ.

— Ты не при коняхъ?.. Ты подслушивалъ?.. спросилъ Хижевскій строго.

— Коней никто не украдетъ, а на томъ ничего не теряете, что я вашимъ любопытнымъ разговоромъ часочокъ забавлялся, — отвѣтилъ хорунжій съ тою дерзкою довѣренностью, съ якою соучастникъ въ дѣлахъ и тайнахъ своего настоятеля къ тому же обыкновенно относится.

— Бери на коня тую цяцу! — повелѣлъ ротмистръ, указуя на Олю.

Несчастливая познала опасность, въ якую попала. Первая гадка, была: просити милости у Хижевского... У кого? — у найподлѣйшого изо всѣхъ людей, значило бы, самой понизитися. Гордость не дозволила.

— Боже помилуй, — чтобъ Матвѣй надoшелъ!.. востхнула она..

— Прошу, моя красивая, товаришити намъ! — повелѣлъ Хижевскій.

— Я въ вашихъ рукахъ, — на честь вашу не числю, ибо имѣю поводы опасатися, что перечислюсь... Но на Бога я всегда надѣюсь...

— Свободно и на помощь черта тебѣ надѣятися,

— насмѣшковался конфедератъ, — только скоро, чтобы я не былъ принужденъ силы употребити... Дитину лиши! — доложилъ онъ, когда замѣтилъ намѣреніе Оли, взяти сына съ собою.

— Кто смѣетъ дитину отъ матери розлучати? — спросила отчаянно Оля...

— Я, — еще разъ: вонъ съ приспанчатемъ! У насъ нѣтъ нянѣкъ для дѣтей, но за то суть хлопцы для красныхъ женщинъ...

— Не выдрешь мнѣ дитины! — зарыдала несчастная женщина, притиская сына къ грудямъ...

— Безъ церемоній!.. Берѣтъ ее, Якубе! только осторожно, ибо она будетъ якій-то часть вашею любовницею...

Тщетно боронилась Оля, — силъ ей не стало. Одно, что слышала, былъ глухій стукъ о подлогу, которому слѣдовалъ плачь дитины. Больше ничего не слышала и не чувствовала...

Когда оба конфедераты на вздогонъ съ вѣтромъ помчались, вынырнула изъ густого корча бзу, розстелвшогося подъ окнами, голова — Андрѣя Ванька.

— Причиняя, ненавистный, грѣхѡвъ, ибо мало ихъ еще на твоей душѣ, — за то тяжшій поракунѡкъ будетъ, — говорилъ онъ, поглядывая въ слѣдъ за конфедератами. — Утѣкай, но недалеко утечешь! Га, га! Вы не знали, што есть штука на штуку! Вы не зна'те, што старый ворожбитъ пѡддавъ присмачокъ вашимъ конямъ, коли той ёлопъ, вмѣсто ихъ доглядати, пѡдъ дверьми пѡдслуховавъ! Штожь мнѣ теперь дѣлати? — продолжалъ свои гадки ворожбитъ, — лишити бѣдную Олю въ рукахъ тѣхъ пѡдлецѣвъ?.. Не

можно! Но де ея мужъ?.. Онъ первый для ея обороны! А може самъ Богъ того хотѣвъ, штобы Матвѣя порушати? Бо онъ съ роду тѣхъ добрыхъ, деревяныхъ людей, которыя не рушатся, пока имъ горячимъ желѣзомъ не допечешь... Ну, теперь чей дошкварило!.. Онъ не стерпитъ той ганьбы, а тогда одинъ бѣльше противъ конфедератѣвъ...

Едва тѣи гадки передумалъ, перебѣжалъ мимо него бѣлый овчарскій песъ, а нѣсколько минутъ спустя, надошелъ самъ Матвѣй Чирнянскій. Весело бѣгали его очи по свѣтѣ Божомъ: онъ не предчувствовалъ, якую ненадѣянку сдѣлали ему конфедераты! Выровнавшись съ Ванькомъ, поздоровилъ онъ его снисходительно:

— Здравь, Андрѣю! Богъ тебе наднесъ подъ мой плоть. Отъ плота до хижы не такъ далеко... Вчинь такъ добръ, — при днешней радостной хвилѣ, — хлѣба святого переломити и о благословеніе Божье для моего новорожденного помолитись!

— Вдично, — отвѣтилъ Андрѣй.

— А въ добавокъ може мнѣ что выворожишь, — добавилъ весело Матвѣй.

— Охотно, — согласился поспѣшно ворожбитъ.

— На-те руку! — сказалъ весело солтысъ, слѣзаячи съ коня; — якъ мнѣ что потѣшного предскажешь, то найдется чарка старого вина для тебе...

— Што Богъ дастъ, то будетъ, а отъ зла и виномъ не выкупитись, — примѣтилъ Андрѣй; послѣ, розсуждая черты на ладони Матвѣевой, поважно сообщилъ:

— Богъ нагородивъ тебе любящую женою, утѣ-

шивъ милою дитиною... Жена богатство, дитина радѣсть... Ангелы тѣшутся, діаволь завидуеть.. Сѣславъ онѣ чловѣка злого, штобы тотѣ spokой твоѣ заколотивъ, жену обезславивъ, дитину сиротою лишивъ...

— Но, — такая ворожба на доброе слово не заслугуеть, — сказалъ Матвѣй; онѣ силовался спокойнымъ оказатись, но дрожащій голось проявлялъ, что ворожба Андрѣя его тронула... Счастливый чловѣкъ на самую вспомишку случая, что можетъ потерять счастье, трепещеть...

— Но сказано, я обѣщаль вамъ вина; може при немъ ваша ворожба отмѣнится. Прошу васъ въ хижу.

— Вдично, Матвѣю! — согласился Андрѣй.

Кто вообразить себѣ ужасъ Матвѣя, когда онѣ, отворивши двери, нашель свою дитину, лежащую въ пеленахъ коло самого порога, — а при ней свою собаку, объявляющую родъ инстинктивного безпокойствія страннымъ наострениемъ ушей!..

— Ту что-то необыкновенное сталося, — сказалъ тихо Матвѣй. — Оля!..

На тотѣ призовѣ только эхо обозвалось...

— Жена не отзывается! Боже великій! что то такое?..

— Ничего другого, лемъ то-то, што я вороживъ, — объявилъ Андрѣй.

— Чловѣче, гвари, што зна'шь?..

— Я знаю и безъ ворожбы, што ту пришли два конфедераты и повлекли вашу жену съ собою...

— Мою жену?!.. Конфедераты?!.. — заревѣлъ Матвѣй, — и она мене оставила, а я ее такъ любилъ!.. Обманула мене!..

— Не такъ, — такими словами кривдите жену! Я знаю иначе, успокоивалъ его Андрѣй, — я ту подслушивавъ подъ окномъ, я знаю, што ее на силу повлекли, и знаю, што она васъ любитъ...

И затѣмъ розсказалъ коротко Матвѣю сбывшееся.

— Най будетъ Богу хвала, а вамъ подяка, что вы мене потѣшили... Я думалъ, что она нарочно мене оставила про старое знакомство съ Хижевскимъ, — но когда противно дѣло стоитъ, то влили вы холодецъ на мою рану и покрѣпили мене, чтобы ее чѣмъ скорше изъ вражихъ рукъ вырвати...

— Они не далеко заѣдутъ, — увѣрялъ Андрѣй. — Я за то ручаюсь, бо то моя справка! А што слѣдъ за ними не пропадетъ, хоть бы и песъ ихъ не завѣтривъ, то будьте безпечны, ибо я того отъ дитины учився... Соберѣтъ людей, а я васъ поведу...

— Скличете вы, Андрѣю, моихъ сосѣдей и кого увидите. Я прежде якій ладъ съ дитиною сдѣлаю... За два часа вернусь...

— Ба, два часа, — часъ дорогій, а вечеръ не далеко, — опровергалъ ворожитьъ...

— Не могу иначе, дитину отнесу дѣдуневи въ Избы. — Впрочемъ вы не ждѣтъ на мене, лишъ идѣтъ съ людьми на-передъ, за слѣдомъ, а я васъ уже догоню...

— И такъ добре будетъ! — согласился Андрѣй, но не залишилъ добавити:

— Чи теперъ, Матвѣю, еще будете терпѣти конфедератамъ?..

— Местъ для Хижевского, а для прочихъ кон-

федератовъ — острые зубы! Я имѣю довѣріе у людей, надѣюсь прито, что соединимся въ одну гадку...

— Далъ бы Богъ! — вздохнулъ ворожбитъ.

Матвѣй завинулъ дитину въ полы своей верхней одежды и погналъ въ Избы...

Провѣвъ свѣжо вѣтра, споводованный бѣгущими коньми, опомнилъ Олю. Она отворила очи и стрѣтилась съ жаднымъ взоромъ Хижевского... Того было достаточно, чтобы въ отвращенія очи назадъ закрыть... Она пригадала себѣ всѣ обстоятельства, которыи были причиною ея поневольного путешествія съ ненавистными людьми. Сердце ея съ болю сжималось, и она опять омлѣла, оставляя свой буйный волосъ на произвольную игру вѣтра. Голосъ размавляющихъ конфедератовъ привелъ ее опять къ памяти.

— Пане ротмистръ, ѣдьмо гдѣ до села!

— Не можно, Якубе, могъ бы насъ кто узрѣти, а я свою тайну не хочу великимъ звономъ оголошати... Пулавскій могъ бы узнати о моей справцѣ, а я за ничто въ свѣтѣ не хочу съ нимъ задиратись...

— Ба, тажъ сію дѣвицу середь поля въ ночи не оставимъ?!

— Очевидно, нѣтъ. Я думаю, чтобы мы черезъ лѣсъ переѣхали, а съ другой стороны найдемъ якое село — ближе Попрада, незаходное для частого посѣщенія нашихъ; тамъ Олю намѣряю скрыти... Найдутся люди, которыи, съ одной стороны, съ жадности за нагородою, а съ другой стороны, съ боязни передъ стволомъ пистолета — сѣмѣють тайну сохранить...

— Все хорошо, но теперь уже темно, а тутъ

въ лѣсѣ темнѣе будетъ, — возразилъ Германъ, — и лѣсу конца нѣтъ...

— Есть дорога; я уже ее разъ проходилъ, — сказалъ Хижевскій; — полагаймо на розумъ нашихъ коней, они насъ выведутъ...

— Противно, инстинктъ моего дереша на недоброе ворожить, — опровергалъ хорунжій... Лобъ повѣсилъ, уха склапилъ и, если бы я его нагаемъ не потчевалъ, то добрымъ словомъ не далъ бы онъ къ скоршему бѣгу заохотиться...

— Истинно, — подтвердилъ ротмистръ. — кони кажутся быти унылыми, и мой буланый лишь совѣта у нагая слушаетъ...

— Може бы имъ отпочати?..

— Не можно — я долженъ завтра предъ полуднемъ въ Сончѣ быти! Инструкцію отъ Пулавского я долженъ заблаговременно коменданту Нового Сонча доручити, пбо Древичъ приближается...

— Все хорошо, лишь въ томъ бѣда, что кони вашихъ поводовъ не розумѣютъ...

— Научити бы ихъ конфедератской мовы! — шутилъ Хижевскій.

Окрестность, въ которой они теперь находились, была, о сколько въ полу-темрявѣ вечера познати было возможно, дика и гориста. Передъ ними розстелился лѣсъ — »рункомъ« званный. Якъ только въ лѣсъ вѣхали, сталась тьма непроницательна. Не лишилось ѣздокамъ, якъ только прислонити свои головы къ лбамъ коней и совсѣмъ на ихъ розумъ спуститись. Ъхали они такъ невыгодно якій часъ, но Германъ воскликнулъ:

— Вотъ тебѣ и разъ!.. Имѣемъ параду!..

— Что такое? — спросилъ Хижевскій.

— Конь на земли и я на земли!.. Если не ошибаюсь, то онъ протягнулъ всѣ четыре ноги на прашаніе!..

— Поможи мнѣ, уложить бабу на земли а побачимъ, нѣтъ ли какой рады...

Германъ, съ помощію Хижевского, изсадилъ Олю на землю; — только что буланый Хижевского чувствовалъ себе освобожденнымъ отъ бремени, ложился и онъ на бокъ и — захропѣлъ. Ничего не успѣли удары нагаемъ; конь нѣсколькократно кивнулъ ногою, разъ поднесъ лобъ и — больше ничего...

— То уроки! — примѣтилъ хорунжій.

— Скреси огонь и розсвѣти; увидимъ, что то такое, — повелѣлъ Хижевскій. — Если истинно кони издохли, то бѣда намъ! Не лишится намъ ничего, якъ только за ночи добратися до якого села и тамъ зареквировати свѣжіи кони... Якъ завтра не буду завчасу въ Сончѣ, то онъ въ рукахъ Древича...

— Что намъ теперь о Древичѣ думати? Пусть себѣ займетъ и цѣлую матку-Польшу! — возразилъ съ досадою Германъ. — Всего хуже, что невозможно будетъ огнива и скалки дощупатися... Они захованы въ карманѣ у сѣдла, но если конь его своимъ стервомъ прилягъ...

И наклонился надъ простертымъ конемъ, въ намѣреніи, отыскати желаемыи предметы.

Если когда, то теперь была для Олѣ самая удобнѣйшая случайность къ освобожденію своему. Оба конфедераты были очень заняты собственными гадками

и, по видимому, не нагледали ее строго. Темнота за-слонила бы ее передъ ихъ очами, да и скрытись на-разѣ было бы за первымъ—лучшимъ корчемъ, а потомъ хотя бы пришло и волку въ зубы попасться, — все-таки лучше, чѣмъ въ рукахъ похитителей оставатись... Тамъ грозила бы опасность жизни, а тутъ хуже — ибо опасность славы! Познала то Оля и безъ размы-шленія сорвалась къ бѣгству.

— Не уйдешь! — крикнулъ Хижевскій, замѣ-тившій ее намѣреніе и погнался вслѣдъ за нею. Но едва нѣсколько прыжковъ сдѣлалъ, почувствовалъ, что якіи-то сильныи руки хватили его за каркъ и дла-вили его... Шамотнулся вправдѣ всею силою, чтобы отъ неизвѣстнаго и невидѣннаго напастника отрястись, но подвигъ его былъ тщетный... Въ мигъ лежалъ на земли, твердое колѣно гнетло его по хребтѣ, тѣ же желѣзныи рамена выкрутили ему въ задъ руки и съ волшебною опытностію связали ихъ...

На его крикъ отвѣтилъ Германъ ровно перестра-шеннымъ голосомъ:

— Пана ротмистръ, ратуйте мене!..

— Молчати! — повелѣлъ якіи-то грубый голосъ и современно тонкій свистъ прорвалъ ночную глушу...

— Держишь ли тамъ-того, Онуфрій?..

— Связанъ, якъ баранъ, — отвѣтилъ другій со стороны, гдѣ хорунжій находился.

— Была якая-то дѣвушка еще съ ними, — на-до-бы и за нею...

— Передъ котячимъ взоромъ Петра не скры-ется она...

Въ самомъ дѣлѣ и къ сожалѣнію — Оля не успѣла

умчати... Когда въ бѣгствѣ передъ ротмистромъ ловко поворочивалася по-межь дерева, подбѣгла она впростъ на якого-то человѣка...

— Стой! — кто ты? — спросилъ ее полуголосно незнакомый...

Голосъ заумеръ ей на устахъ отъ испуга...

— Не бойтесь, вы предъ христіаниномъ! — ободрялъ ее тотъ голосъ...

— Помилуйте бѣдную женщину, — мене конфедераты насильно похитили, — я намѣряла отъ нихъ бѣгствомъ спастись, но въ другую опасность попала, — жаловалась Оля дрожащимъ голосомъ...

— Успокойтесь, у насъ личность женщины святою. Кто вы?..

— Я Оля, жена Матвѣя, солтиса Чирнянского...

Прислышалось ли ей, или истинно было такъ, что на тотъ отвѣтъ рука, держащая ея рамя, задрожала...

— Не бойся, Оля, — ты въ честныхъ рукахъ, достанешся завтра до мужа, — потѣшалъ ее незнакомецъ голосомъ, до шепота сниженнымъ...

Оля удивилась немножко, ибо звукъ того голоса казался ей быти знакомъ; поминувши то, дрожаніе того голоса изъясляло, что походилъ изъ грудей отвертыхъ, искреннихъ, чужихъ притворности и подступу, къ тому звучалъ такъ довѣрчиво, что съ большою надеждою отдалась подъ покровъ незнакомаго... Да, чтожь оставалось ей лучшаго дѣлати?

Не прошло и десять минутъ, когда лѣсъ будто отжилъ. Изъ всѣхъ сторонъ послышался ходъ людей по сухомъ листьѣ...

— Кто насъ зоветъ? — спросилъ одинъ голосъ.

— Мы, — отвѣтилъ проводникъ Оли. — Передовая стража выслѣдила двухъ конфедератовъ, якъ до лѣса доѣзжали. Слѣдили мы ихъ ажъ тутъ и взяли ихъ въ плѣнъ для нашего безпеченства, такожь и одну женщину, которая, кажется, поневолю ихъ сопровождаетъ...

— Ведѣтъ ихъ къ старшему брату и съ коньми!

Кони издохли, — рапортовалъ кто то другій.

— Пусть останется одинъ или два, чтобы перешатрити сѣдла, нѣтъ ли чего въ нихъ тайного, или заберѣтъ ихъ съ собою...

За тусклымъ свѣтломъ лучива, которое одинъ изъ ночныхъ птицъ розсвѣтилъ, повели Олю и конфедератовъ. На долинь, укрытой по-за горбкомъ, поросшимъ густою грабиною, розложенъ былъ огонь, въ близи которого на пни сидѣлъ человѣкъ, обращенный лицомъ въ сторону, откуда наши плѣнники сближались. Если мы сказали, что онъ лицомъ былъ обращенъ, то мала погрѣшность въ то выраженіе вкралась, ибо горняя часть лица его была по уста черною полу-маскою заслонена. Первый Германъ замѣтилъ при свѣтлѣ огня, что ровно всѣ собранныи скрыли свои лица подъ такоюже ослоною, что съ ихъ физиогноміи только блестяли съ подъ двухъ отворовъ смѣлыи очи, а въ низи уста, майже у всѣхъ гордо закроенныи... Такое странное общество, собранное въ ночи, коло ватры, сдѣлало на суевѣрномъ умѣ хорунжого такоежь впечатлѣніе, якое дѣлалъ въ его дитинствѣ розказъ няньки о сходбищахъ чертовъ, на совѣтъ и повелѣнія ихъ старшого, Люципера; тожь мимовольно воскликнулъ:

— Всякое дыханіе да хвалить Господа!

— И мы его хвалимъ, а може еще лучше, чѣмъ ты, дуракъ, — отвѣтилъ на пни сидящій, который, повидимому, казался быти старшимъ той громады...

— Кого вы словили и про что? — спросилъ онъ дальше.

Одинъ сдѣлалъ докладъ обо всемъ, но добавилъ, что плѣнники кажутся ему быти еще подозрѣнными въ шпіонствѣ, или въ иномъ дѣлѣ, которое бы обществу вреднымъ могло быти. Конфедераты, безъ особенного намѣренія, не заглубились бы въ ту отлюдную пустыню...

— Увидимъ, — сказалъ ватажка спокойно; — который изъ васъ старшій достоинствомъ? — спросилъ онъ конфедератовъ.

— Я, — онъ, — отвѣтили одновременно Хижевскій и Германъ.

— По старшинствѣ слѣдуетъ тебѣ первѣе отвѣчати, — сказалъ онъ къ Хижевскому. Якъ твое имя, соловью, и зачѣмъ ты сюда приспѣлъ? Отвѣчай.

— Я шляхтичъ и ротмистръ при сконфедерованномъ войску на оборону ойчизны, — отвѣтилъ гордо Хижевскій, — но не знаю, чи я вамъ обязанъ отвѣчати...

— Почему же нѣтъ? — Я Дубецкій, такожъ маршалъ конфедерации, — отвѣтилъ ватажка съ замѣтною насмѣшкою...

— Аааа! — удивился ротмистръ; — извинѣтъ, я отвѣчателень передъ моимъ маршалкомъ и передъ шляхтою-конфедератами, но не передъ простыми разбойниками...

Ропоть неудовольствія роздался изъ устъ всѣхъ, надѣленныхъ тѣмъ названіемъ...

— Ошибаешься, пане брате, — возразилъ Дубецкій спокойно и поважно. — Судь, передь которыми стоишь, отвѣчаетъ всѣмъ надобностямъ. Во первыхъ — мы всѣ шляхта. Одни изъ насъ наслѣдили по отцахъ кожанный дипломъ шляхетства, другіи имѣютъ свой дипломъ тутъ, въ сердцѣ, хотя съ хлопа родились... Во вторыхъ — мы такожь конфедераты и такожь для блага ойчизны. Розличіе между вами а нами не такъ великое въ нашихъ очахъ, — большое, кажется, въ вашихъ очахъ... Вы, на примѣръ, грабите въ рукавичкахъ, мы голыми руками; вы щадите богатую братію-шляхту, а съ хлопа дерете безъ милосердія, мы противно, — имѣніемъ богатшихъ, запомагаемъ бѣдныхъ; вы сильнѣйшимъ льстите, слабшихъ притѣсняете, мы боронимъ слабыхъ противъ сильныхъ; мы вымѣряемъ справедливость тѣмъ, которые не въ состояніи трибуналы перекупити; тѣмъ дѣломъ — стараемся равновѣсь въ человѣческомъ обществѣ удержати... Скажѣтъ мнѣ, товарищи, ограбили ли мы когда бѣдного?

— Нѣтъ, — засвидѣтельствовали всѣ одногласно.

— Отдавали-ль мы безсильного хлопа на произволь твердосердныхъ пановъ?

— Нѣтъ!

— Чи мы обагрили руки кровью неповинныхъ?
— Чи мы стягнули на себе проклятіе лазаровъ?
— Чи мы издали когда засудъ безъ доказовъ? — Чи мы въ вымѣрѣ справедливости повождовались личными взглядами, или употребляли ложи и подступа?..

Опять слѣдовалъ тотъ же отвѣтъ.

— Отже, мой паничу, познай самъ, что стоишь передъ трибуналомъ безстороннымъ и неподкупнымъ, якого другого въ цѣлой Коронѣ не найдешь... Прочее не належитъ до меня, а до моего инстингатора. Пане Григорій, исполнѣть свой чинъ!

Затѣмъ слѣлъ старшина на колодѣ, а вмѣсто него началъ инстингаторъ протоколъ.

— Ваше имя? — спросилъ онъ Хижевского, — но тотъ не далъ отвѣта.

— Тѣмъ себѣ не поможете, а скорше повредите, ибо въ случаѣ, если на васъ вина откроется, слѣдуетъ за упорство заостреніе кары. Ваше имя и состояніе? — спросилъ, обернувшись до второго конфедерата.

— Я Якубъ Германъ, хорунжій при дивизіи пана Пулавского.

— А тотъ вашъ товарищъ якъ зовется?

— Владиславъ Хижевскій.

— Аааа! — удивились всѣ.

— Чи то не тотъ самъ Хижевскій, которого имя соединено въ нечестный способъ со смертію нѣкого Ивана Сметаны? — спросилъ Дубецкій. — Не онъ ли тотъ самъ, о которомъ селяне только съ проклятіемъ вспоминають? Спросѣтъ его, пане Григорій!

Хижевскій упорно молчалъ и Германъ узналъ, что на тотъ запросъ нѣтъ лучшого лѣка, якъ прикусити свой языкъ. Но инстингаторъ тѣмъ не довольствовался. Онъ вынулъ изъ кармана мотузокъ и подержалъ его конфедератамъ предъ глазами.

— Отвѣчайте!

Хижевскому исчезла кровь изъ лица до послѣдней капли, — Германъ задрожалъ на ногахъ — и мало не упалъ на землю. Они узрѣли, что мотузокъ кончился роковою петлею. Хорунжій, видно, былъ мягкого сердца человѣкъ, ибо поспѣшилъ съ отвѣтомъ:

— То тотъ самъ панъ Хижевскій, но онъ не вѣшалъ никого... Маршалокъ Бѣржинскій издалъ приговоръ смерти на Сметану...

— Есть ли который съ нашего братства, который бы на свою честь и совѣсть сталъ яко свидѣтель въ той справѣ? — спросилъ всенародно Григорій.

Никто не обозвался.

— Бесѣду люди съ пальца не высали; есть что-то въ томъ дѣлѣ... Жаль, что нынѣ поздно, а въ иномъ часѣ мы бы изъ-за моря доказовъ насбирали, — жаловался инстигаторъ.

— Затѣмъ лишити ту справу на Бога, — примѣтилъ ватажка. — Лучше для насъ, пустити виновника безнаказанно, чѣмъ укарати кого безъ положительныхъ доказовъ. Испытывайте далѣе!

Дубецкій началъ переглядати всѣ вещи, якіи при цѣлѣнникахъ найдено. Григорій тянулъ протоколъ далѣе.

— Въ какой цѣли вы въ тотъ лѣсъ зашли?

— Мы въ дорозѣ до Сонча, — отвѣтилъ Германъ.

— До Сонча?! — удивился инстигаторъ, — туда дорога?! Вѣдь, есть блисша и выгоднѣйша дорога въ Сончѣ, а туда только волковъ слѣды! Ты хочешь выкрутиться?! — доложилъ онъ грозно — и несчастная нетля заколысалась опять передъ очами хорунжого.

— То ради той женщины, — отвѣтилъ Германъ.

— Объяснѣтся ближе. Я не понимаю, якъ женщина та можетъ быти поводомъ, что вы въ двое дальшій путь, и къ тому затруднительный, избрали до Сонча!

— Истинно, они до Сонча выбралися, — вмѣшался Дубецкій, оглядая опечатанное письмо; адресъ того письма о томъ свѣдчить...

— Что та женщина за одна и въ якомъ отношеніи она къ вамъ? — спросилъ инстигаторъ.

Отвѣта не могъ ніякъ дожидатися, такъ что лишилось ему съ тѣмъ вопросомъ впростъ къ Олѣ обратиться.

— Чи вы которого изъ тѣхъ двоихъ супругою? — спросилъ онъ ее.

Оля отвѣтила отрицательнымъ знакомъ головою...

— Може любовницею?..

На тотъ запросъ Оля заслонила себѣ долонями очи... Голоснымъ плачемъ изъявила соромъ и болѣзнь, яку почувствовала съ причины того вопроса...

— Пане Григорій, укорялъ Дубецкій изъ своего сѣдалища, — вы позабыли повинное уваженіе для женщинъ... Поставте вопросъ въ тотъ способъ, чтобы онъ ніякъ женщину не оскорблялъ...

Инстигаторъ счелъ нужнымъ, просити прощенія у Оли. Извиненіе его было составлено въ короткихъ словахъ, но такъ сердечно произнесено, что Оля забыла на оскорбленіе.

— Я имѣю мужа, — отвѣтила она, — но тѣ господа похитили мене насильно... оторвали мене отъ мужа и отъ малои дитины...

— И отъ малой дитины!?. Почемужь ее вы съ собою не взяли? — спросило нѣсколько голосовъ.

— Не дали, — отвѣтила съ плачемъ Оля...

Опять ропотъ неудовольствія поднялся. Взоры, якии тѣ члены »братства« на конфедератовъ бросали, не были совсѣмъ того рода, чтобы ихъ потѣшити могли...

— Пане »подчашій,« подайте мнѣ одинъ лыкъ, — сказалъ Дубецкій къ тому товарищу, который Олю плѣнилъ; — та исторія вертитъ мнѣ въ черевѣ, нужно ее затопити...

»Подчашій« приблизился съ бутылкою водки. Во время того, якъ ватажка повольными, но спорыми глотками покрѣплялся въ доказательство великой своей грызоты, — »подчашій« шепнулъ ему нѣсколько словъ въ ухо...

— Ге?.. — спросилъ Дубецкій, мовь бы не слышалъ словъ его, — отнимая бутылку отъ устъ.

»Подчашій« приложилъ еще разъ свою губу къ его уху и на сей разъ, кажется, ватажка его порозумѣлъ, ибо спросилъ:

— Ручаетесь ли за нее?..

— Ручаюсь...

— На ваше слово, Петре, — довольствовался Дубецкій, по чемъ обратился къ инстигатору, который напрасно силовался отъ плѣнныхъ конфедератовъ сознание въ провинѣ вынудити.

— Лишьтъ ихъ уже, Григорій; — что они виновны въ похищеніи чужой жены, о томъ свидѣтельствуеть сама та женщина, за которой правду одинъ изъ нашей братіи честью и совѣстью своею ручается.

Если тѣ панове не хотять извинитись, то въ томъ ихъ собственная вина; мы имъ оставили довольно времени на то... Впрочемъ — еще разъ вопрошаю васъ: что имѣете сказать на свое оправданіе?..

Хижевскій и теперъ не далъ отвѣта, только Гермапъ, видя, что тутъ не шутку отыгрываютъ, надѣялся оборонити себе изъясненіемъ, что онъ не есть похитителемъ той женщины, а только съ послушанія для своего настоятеля помощникомъ въ томъ дѣлѣ...

— Ну, чегожь намъ больше нужно? Вотъ и сознание вины, — замѣтилъ Дубецкій. — Теперъ ходитъ лишь о то, чтобы, соотвѣтно нашимъ уставамъ, опредѣлити наказаніе...

— Сознаюсь, что въ нашихъ правахъ нѣтъ артикула на тотъ случай, — отвѣтилъ инстигаторъ.

— Якъ? нѣтъ? — удивился ватажка.

— Нѣтъ, ибо еще не имѣли мы подобнаго случая. Подтягнути хйба подъ артикуль »грабежь имѣнія.«

— Нѣтъ, не можно... То больше, чѣмъ грабежь... Вѣдь любимая супруга, мать дитины и собственная слава дорожшими для мужа, чѣмъ все имѣніе... Право новое становити нынѣ, когда намѣряемъ наше братство розвязати, уже за поздно, — да и не въ комплектъ мы тутъ; пустити виновныхъ безъ заслуженнаго наказанія — нельзя... Что дѣлати?..

— Могу ли мое мнѣніе высказать? — спросилъ »подчашій«.

— Охотно слушаемъ. Говорѣтъ, Петре!

— Если супруга больше стоитъ, чѣмъ все имѣніе, якъ справедливо нашъ старшій братъ сказалъ, то слѣдовала бы за то кара, якъ за грабежь всего имѣ-

нія; къ тому добавити слѣдовало бы кару за нарушение чести и кару за буйство. А то все находится въ нашихъ уставахъ...

— Правду говорите, Петре; я соглашаюсь; а вы, панове братья?

— Соглашаемся!

— Слѣдуетъ по уставу тѣлесное наказаніе, — объяснялъ инстигаторъ, — въ случаѣ невозможности возвращенія заграбленныхъ вещей, якъ то въ подлежащей справѣ имѣеть... Къ тому належало бы добавленіе за упорство и буйство... Судѣтъ по своей совѣсти, братья!

— Я соглашаюсь на десять, — сказалъ ватажка, — а вы?

— Я на восемь!

— Я на три!

— Я на пять!

— Двадцать шесть — числилъ Дубецкій, — дальше жертвуйте!

— Я сѣмъ!

— Я два!

— Я четыре!

— Тридцать девять, — дальше!

Перешло голосованіе, а старѣйшина начислилъ пятьдесятъ четыре.

— Жаль, что мы не всѣ тутъ, а то больше бы наскладалось, — замѣтилъ онъ. — Но меньша о то; судъ формально отбылся... По праву належится зачинщику двѣ третины, помощнику одна третина. Пане »подскарбій«, обчислѣтъ!

— Одному на долю тридцать шесть, второму восемнадцать!

Хижевскій не много внималъ на то, что въ округъ него дѣется. Онъ только со злости пѣнился, якъ собака на увязи — рада бы укусити, но цѣпь не допускаетъ... Но Герману не нравился тотъ процедуръ судовой, а меньше злорадостныи усмѣхи людей изъ сего страннаго общества... Не-одолго не лишилось ему нѣкаго сомнѣнїя о намѣренїи ихъ... На данный старѣйшиною знакъ, двухъ силачей повалило Хижевского на землю, — одинъ изъ нихъ придавилъ ему каркъ, другїй ноги, третїй-же поднесъ нагайку въ гору.

— Голя! пождѣтъ! — препятствовалъ Дубецкїй, — одну формальность мы залишили. Деликвентъ есть шляхтичемъ!

— Ага, — пригадали себѣ нѣкоторые. Одинъ изъ нихъ побѣгъ и, вернувшись, распростеръ конскїй чапракъ на земли, при чемъ не залишилъ добавить:

— Извинѣтъ, пане-брате, что сегодня не имѣемъ лучшаго ковра; на другїй разъ поправимся...

Женское сердце, въ предчувствїи боли, якая конфедератовъ ожидала, не могло утанти своего сожалѣнїя. Якъ они ей личными ворогами были, Оля не повздержалась, чтобы не попробовати испросити милосердїя для нихъ у строгихъ судїевъ... Но Петръ, »подчашій«, навѣрно узналъ ея намѣренїе, ибо шепнулъ ей:

— Не оказуй нѣкакого сочувствїя для тѣхъ бродягъ, иначе попадешь въ подозрѣнїе, что ты съ ними въ непозволенномъ отношенїи...

То убѣдило ее, — она усунулась подальше отъ мѣста исполненія кары...

Ватажка далъ знакъ и нагай свиснулъ по воздуху, а »падскарбій« числилъ:

— Разъ!

— Не будутъ тебѣ бози инныи кромѣ мене, — рецитовалъ одинъ изъ братства съ благочестивою осанкою тѣла...

— Два!

— Не возьмешь имени Господа Бога всеу...

Въ такъ оригинальный способъ учили Хижевского почитанія заповѣдей божихъ...

Девятую заповѣдь повторено три раза и три удары совѣтовали конфедерату практически, чтобы на будущность не пожелалъ жены ближняго своего... Поочередно слѣдовали заповѣди церковныи и предостереженіе предъ грѣхами головными и чужими...

Ротмистръ не заявилъ своего страданія ніякимъ стономъ, лишь зубы его грызли сырую землю...

Тридцать четвертый и 30-пятый ударъ пригадывалъ двѣ основныи заповѣди: Возлюбиши Господа твоего надо все, а ближняго твоего якъ самого себе... Дубецкій далъ знакъ, чтобы перестати.

— Еще одинъ належится ему, — протестовалъ кто-то.

— Случайно могли мы перечислиться, — отвѣтилъ старшина спокойно. — Лучше одинъ ударъ меньше, чѣмъ имѣли бы мы однимъ ударомъ надъ засужденную суму чловѣка оскорбити...

Розличіе между характерами Хижевского а Германа оказалось наглядно, когда на послѣдняго пришла

очередь — испытати вкусъ нагая, которымъ онъ въ шляхетскомъ буйствѣ хлоповъ обильно трактовалъ. Призваніе помощи Бога и черта, молитва и хуленіе, вопль о помилованіе а проклятство, все то мѣшалъ хорунжій со свистомъ нагая и поважнымъ чтеніемъ стиховъ пятидесятого псалма...

— Дайте имъ теперъ горѣлки, чтобы шкура не свербѣла, — повелѣлъ вконцѣ ватажка. — Желаніе его исполнено. Когда оба конфедераты лакомо глотали изъ бутылокъ, которые имъ два члены братства къ устамъ приложили, не залишилъ Дубецкій голосити имъ проповѣдь, въ которой нѣскольkokратно повта-рялся рефренъ: Будете висѣти, если еще разъ на злыхъ дорогахъ найдется...

— Привязати ихъ къ дереву, каждого съ особна, най отпочнуть себѣ... Оружіе ихъ поховати для себе, я утромъ нагадаюся, что съ ними сдѣлати. Женщину кто возьметъ подъ свой покровъ?

— Я, — отвѣтилъ »подчашій«, — я имѣю до ней наиблизшее право...

Оля подслухала ту нараду. Якъ ни голосъ того чловѣка казался ей знакомымъ быти, якъ бы ни она передъ всѣми ему найскорше довѣряла, — послѣдніи слова казались ей однако подозрительными... Якое »право« можетъ имѣти до мене? — подумала себѣ. Чи не такое сомнительное, якъ и Хижевскій? Въ одной минутѣ рѣшилась. Станула передъ толпою и, обернувшись къ ватажцѣ, молила всѣхъ;

— Если вы людьми, если имѣете только одну каплю христіанского чувства, помилуйте несчастную

женщину, отпустѣть меня къ родинѣ, не берѣть меня съ собою...

— Моя госпожа, о томъ никто изъ насъ не думаетъ, — успокоивалъ ее старѣйшина, — вы у Дубецкого можете быть такъ безопасны, якъ у родного отца! Петръ будетъ васъ сопровождать, чтобы вы были свободны отъ всякой напасти въ дорожѣ до своихъ. Что онъ честный человекъ, за то я свою жизнь въ заставъ даю!

Оля принуждена была успокоиться, тѣмъ больше, что слышала за плечами своими шепотъ:

— Не бойся, Оля! Если бы ты знала, кто я, ты бы мнѣ безусловно довѣряла...

— Теперь, мои братья любезны, попрощаемся, — произнесъ Дубецкій тономъ витійскимъ. — Идѣтъ каждый поодиначки и различными дорогами въ назначенное себѣ мѣсто. Передъ людьми удавайте, что вы одинъ другому чужи, но между собою мы познаемся и въ нуждѣ порозумѣмся... Мы доси не возмогли въ нашей цѣли много успѣти, ибо неблагожелательныи люди намъ вредили. Кто на доброе тягнетъ, тому мы поможемъ и Богъ поможетъ. Съ Богомъ, дѣти, братію распорошенную поздоровѣтъ, а и осторожность хранѣтъ... Бывайте здоровы — до свиданія!

Всѣ пожали себѣ руки на прашаніе и розбрелись во всѣмъ направленіямъ. »Подчасій« Петръ еще какое-то особенное препорученіе выслушалъ отъ ватажки, по чемъ взялъ Олю за руки и повелъ ее въ лѣсную темноту... Остался только Дубецкій съ плѣнными конфедератами...

V.

Оля ступала въ молчаніи за своимъ проводникомъ. Онъ велъ ее въ темной ночи, куда? — того не могла знати, якъ и не знала, въ которой окрестности находится, или въ которой сторонѣ неба ея родное село... То лишь знала, что въ ея положеніи не осталось ей, якъ только сдаться на ласку или неласку человѣка, которого вправдѣ не знала, но который звукомъ своего голоса довѣріе ея приобрѣлъ. Доброе мнѣніе о немъ убольшилось, когда замѣтила, съ якимъ вниманіемъ онъ отгибалъ галузье, чтобы то ніякого вреда ея лицу не нанесло, или якъ онъ объ опасности якого мѣста предупреждалъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ ее почтительно подъ рамя поддерживалъ. Желаніе объяснитись въ своемъ положеніи заставило ее спросити:

— Куда ведете меня?

— Къ вашимъ...

На томъ урвался разговоръ. Оля хотѣла конечно продолжати его.

— Вы меня знаете? — спросила она по маломъ промежуткѣ времени.

— Знаю...

— Гдѣ вы меня познали?

— Когда вы еще дитиною были...

— Вы мнѣ кажетесь знакомымъ быти, по крайней мѣрѣ голосъ вашъ мнѣ не чуждъ.

— Такъ, я знакомъ вамъ...

— По чемужь вы не изъявите вашего имени?

— Позже...

— Я довѣряю вамъ, такъ слѣдовало бы, чтобы и я съ пріятностію узнала, кого я должна за ту великую услугу поблагодарити, — упрекнула Оля его...

— Все въ своемъ времени, — отвѣтилъ проводникъ.

Слѣдовало опять молчаніе. Оля не могла изобрѣсти предмета, на который разговоръ бы навязати можно было, да, правду сказавши, потеряла и охоту вести рѣчь съ малословнымъ человѣкомъ. Но по истеченіи долшего времени замѣтила, что ноги ея начали оmlѣвати и чувствовала себе крайне утомленною...

— Далеко намъ еще идти? — спросила она.

— О, еще далеко...

— О якомъ часѣ зайдемъ въ Чирну?

— Не скорше, якъ въ позднее утро...

— Сомнѣваюсь, чи дойду, ибо мене силы спускають...

— Отпочнѣть.

Оля сѣла на земли; проводникъ молчалъ.

— Возможете-ли съ четверть часа идти? — спросилъ онъ ее по минутѣ роздумія.

— Попробую, може сдужаю, — отвѣтила Оля.

— Прошу со мною.

Не минуло и четверть часа, когда станули предъ хижиною, которая намъ уже изъ розказанного известна. Проводникъ розсвѣтилъ лучиво, но любопытство Олѣ тѣмъ не удовольилось, ибо про маску не возможно было чертъ лица его познати...

— Хата пуста, — сказалъ онъ, — ложѣтся на моей бурцѣ и отпочнѣть. Я буду на дворѣ спати,

или лучше — стерегчи васъ отъ якого приключенія. Доброй ночи!

Долго-ли Оля спала? — не знаемъ. Неприятный сонъ, споводованный впечатлѣніями, якими душа ея сегодня насытилась, заставилъ ее ужасно скричати.

Первый розсвѣтъ проскользнулъ сквозь щелины въ крышѣ.

На ея воскликъ вбѣжалъ проводникъ въ хату. Онъ не имѣлъ уже маски на лицѣ.

— Ахъ, то вы, вуйку Петре?!.. — спросила Оля голосомъ, въ которомъ и удивленіе, и неспокой проявлялись, — якаяжь неожиданная встрѣча!..

— Такъ, неожиданно встрѣтила ты, Оля, Петра Святковскаго, мужа твоей тетки Юанны, — отвѣтилъ онъ, — и въ якихъ обстоятельствахъ! Но тѣмъ не меньше я благодарю Бога, который устроилъ такъ, что собственно я тебе изъ вражнихъ рукъ вырвалъ! Изволь, добрая Оля, выслушати меня и что тебѣ скажу — сообщити дословно моей женѣ и ея отцу... Я исповѣдаюсь предъ тобою, я, старшій вѣкомъ, снижаюсь предъ тобою, которая могла бы моею дочерью быти, и сознаюсь изо всѣхъ заблужденій моихъ, которыми я Бога прогнѣвалъ и столько журбы женѣ и тестю причинилъ... Ты знаешь о томъ, о чемъ цѣлое село знало, что Юанна на меня плакала. И истинно, имѣла справедливую причину къ тому... Несчастный налогъ пьянства, которому я пристрастно предался, вынуждалъ ея слезы... Когда я послѣдній грошъ промоталъ, она горько работала, но лишь примовки изъ моей стороны были нагородою за ея самоотверженіе, грубыя слова были отвѣтомъ на ея упомненія — полныя

любви и кротости, такъ что позже она перестала мене упрекать, а только на самотѣ плакала, даже не жаловалась предъ никѣмъ, ни предъ отцемъ на свою недолю... Я видѣлъ ея слезы, видѣлъ ея горестъ, отпечатанную на ея блѣдомъ лицѣ, на ея истощенной поставѣ, — сердце мое отзывалось за своимъ правомъ, но силъ мнѣ не доставало... Я каялся, предпринималъ каждого дня статись новымъ человѣкомъ, грызся своимъ несчастьемъ и — опять глядаль утѣшенія въ корчмѣ... Послѣдствія моего пристрастія не минули мене. Долги росли и выросли къ той степени, что и мое имѣніе не выстарчило на покрытіе ихъ... Якъ я узналъ, что мои займодавцы получили право субгасты на мое солтыство; тогда и понялъ цѣлую величину моего пониженія. Я заплакалъ, якъ дитина, жаль мнѣ стало потерянной молодости, имѣнія — и потерянной любви моей супруги... За поздно узналъ я, что я могъ наслаждаться счастьемъ, якъ мало кто. Имѣніе было достаточно. жена — примѣръ своего пола, но все то я легкодушно промарновалъ за — стаканчикъ горѣлки... Я оставилъ тайно домъ, бросилъ жену, не поправавшись съ нею, — я скорше руки на себе положилъ бы, чѣмъ бы имѣлъ Юанну видѣти, такъ мнѣ соромно и болестно стало... Съ начала я намѣрялъ къ конфедератамъ пристати и съ ними счастья глядати, но беззаконія, якихъ они, смѣючись, допускалися, заставили меня, покинути ту гадку. Не хотѣлъ я начинати поправу моего житья кривою людскою, пошелъ безъ цѣли въ свѣтъ за очи. Куда я шелъ, якъ долго шелъ, якіи села проходилъ, горы пребывалъ того не помню. Грызота совѣсти гнала мною якъ бѣ-

шеннымъ волкомъ. То знаю, что въ одномъ лѣсѣ при- держали мене люди замаскованныи... Ты ихъ познала уже. Я не утѣшилъ ихъ, ибо мнѣ все было равно. Я не имѣлъ, развѣ того нужденного житья, ничего больше потерять. На ихъ запросъ, я съ-разу ничего не отвѣчалъ, но когда самъ ватажка началъ меня съ сочувствіемъ испытывать, тогда я сознался изъ всего, сознался, что мою душу терзаетъ... — Останься съ нами, — сказалъ Дубецкій, понравятся тебѣ пред- писанія нашего братства, то будешь нашъ, а нѣтъ, тогда иди дальше, мы никого не силуемъ. То только тебѣ скажу, что каждый изъ насъ испыталъ больше или меньше незаслуженного горя, и прото цѣлю на- шею есть: улегчить бремя несчастнымъ людямъ... По- знаешь, что мы всѣ честныи люди; злодѣевъ и под- лецовъ мы не пріймаемъ. — Я послухалъ его совѣта, ибо — чтожь было дѣлати? Цѣль того братства при- пала мнѣ къ сердцу; боронити слабшихъ, улегчати ихъ недолю, лагодити ихъ боль, то казалось менѣ найотвѣтнѣйшею покутою за то, что я другимъ столько журбы причинилъ... Я долженъ тебе предупредити, что товарищи мои — самыи честнѣйшіи люди подъ солнцемъ. Подъ грубою и неуклюжею внѣшностью ихъ — крыется самая благородная душа. Конфедераты зовуть насъ розбойниками — и ту славу о насъ рознесли по цѣломъ свѣтѣ изъ злобы, что мы ихъ грабежамъ, ихъ буйству по силамъ препятствовали, — но бѣдныи селяне — тѣ насъ благословлять якъ сво- ихъ покровителей. Будь увѣрена, что ни одинъ изъ насъ не осквернился нечестнымъ дѣломъ; что мы изъ сяноцкихъ горъ тутъ перенеслись, то сталось на воз-

звание одного нашего друга, чтобы мы помогли конфедератовъ розгромить... Надѣмся, что народъ благодаренъ будетъ за то, а безъ сомнѣнія и ты, Оля...

— О, безъ сомнѣнія, — увѣрила Оля, — пока конфедераты тутъ, а съ ними Хижевскій, я буду всегда въ крайней опасности...

— За то молись, чтобы намъ Господь помогъ... Теперь — пора намъ идти. Хотя бы пришло жизнью заплатить, я тебе до родины заведу, въ замѣну за то упросишь Иоанну, чтобы мнѣ простила, и дѣдуня такожь... Скажи имъ, что я уже не тотъ Петръ, что пьяницею слылъ, а другій человекъ, — что я отъ часа, якъ домъ бросилъ, не вкусилъ иного напѣжку, кромѣ воды. Скажи имъ, что я лишніи дни жизни моей употребляю на покаяніе за мой нерозумъ...

— Но вы, вуйку, того не сдѣлаете, чтобы вы не видѣлись съ теткою и дѣдунемъ! Они обое добрыи, якъ на рану, — радостно васъ примуть...

— Нѣтъ, Оля, того я не сдѣлаю, я не въ силахъ то сдѣлати! Страшной смерти я смѣло въ очи загляну, но моей женѣ поглянути въ лице — нѣтъ, того не сдужаю... Впрочемъ — возможенъ ли миръ между нами?.. Она считала бы меня за злодѣя, который ей счастье цѣлой жизни выдержъ, и справедливо, — я въ ней видѣлъ бы жертву моей развратной жизни и тѣмъ взаимнымъ чувствомъ затроили бы мы себѣ каждую минуту... Она найдетъ въ чистотѣ своего сердца миръ, — а я... я буду глядати на другомъ мѣстѣ спокойя, которого про мое нерадѣніе я теперь не нашель... Но закѣмъ то сбудется, я мою Иоанну

еще разъ конечно видѣти хочу, — добавилъ Петръ съ болестною улыбкою...

Мы оставили Дубецкого самъ-на-самъ съ плѣпными конфедератами. Когда послѣдній товарищъ отдалился, Дубецкій засѣлъ себѣ выгодно коло ватры и роспростеръ бумагу, въ которой чтеніе съ занятіемъ заглубился. Хижевскій, который слѣдилъ его, — слѣдилъ каждый поворотъ его чертъ лица, — позналъ, что то самое письмо, которое передалъ ему Пулавскій съ настойчивымъ препорученіемъ: чѣмъ скорше и въ тайнѣ сообщить оное розброшеннымъ по Сандеччинѣ конфедератамъ.

Когда ватажка окончилъ свое чтеніе, сложилъ бережно бумагу и спряталъ ее въ карманъ. Ніякая черта лица его не смѣнилась, якъ будто бы прочиталъ то, о чемъ напередъ зналъ. Минута молчанія перешла, во время которой Дубецкій шпорталъ безцѣльно въ огнѣ, вконцѣ отозвался:

— Вамъ скучно, господинъ Хижевскій?..

На тотъ вопросъ не удостоился отвѣта.

— Не будьте такимъ упрямымъ! За разговоръ со мною ничего не заплатите. Я радъ бы съ вами прилично, якъ съ милымъ гостемъ обойтись, то и съ вашей стороны слѣдовало бы имѣти на столько вѣжливости, чтобы меня безъ отвѣта не оставляли...

— Я не хочу быти вѣжливымъ для простыхъ розбойниковъ, — отвѣтилъ со злостію Хижевскій...

— Не только не хотите, но и не знаете вѣжливости, если меня тѣмъ именемъ чтите, — отвѣтилъ спокойно старѣйшина ночного братства. — Впрочемъ — я не гнѣваюсь па васъ, ибо я убѣжденъ, что и вы

увѣренный въ неправости вашего мнѣнія. Если бы мы дѣйствительно были разбойниками, то повѣрьте, что не стало бы вамъ времени съ тѣмъ названіемъ выхопитись. Разбойники повѣсили бы васъ обохъ безъ жеманности вотъ на томъ деревѣ и тѣмъ дѣломъ не испортили бы себѣ даже вкуса къ печеному барану... Но отъ меня не опасайтесь ничего подобнаго... Научку, якую получили вы, пріймѣтъ яко бы съ отцевскихъ рукъ, — безъ росписки, а чего хужого не бойтесь... Я васъ безопасно доведу къ вашимъ. Но прежде, чѣмъ разлучимся, хотѣлъ бы я съ вами побесѣдовати нѣчто de publicis...

— Можете, я слушаю, — воркнулъ Хижевскій.

— Затѣмъ слушайтежъ ласкаво. — Мнѣ та ваша шляхетская конфедерація совсѣмъ не нравится. Вы начали драку, а самы не зняете, за что и къ чему, только чистую воду мутите... Я не согрѣшу моимъ мнѣніемъ, что вы, господинъ Хижевскій и вашъ другъ, шляхетный панъ Германъ, въ той цѣли къ конфедераціи пристали, чтобы въ мутной водѣ рыбу ловити. Я самъ съ добромыслящими людьми завязалъ окрепѣвшую конфедерацію въ цѣли сохраненія порядка въ нашемъ отечествѣ, но не удалось. Вамъ, панамъ-Барщанамъ, я былъ солюю въ оцѣ, вы не полюбили меня, — мы различались въ средствахъ... Тенерь я убѣдился, что никто къ порядку Польшу не доведеть, развѣ король со своимъ войскомъ, но понеже его мало имѣть, то съ помощію Россіи. Но вамъ опять то не нравится... Не такъ ли?.. Вы бы хотѣли себѣ погуляти, пока еще мужикъ шкуру на себѣ имѣть, — позже и ту содрете... Панъ Пулавскій, — ну, его я

весьма почитаю, онъ одинъ може имѣть голову не для парады и учтивость не на продажу, — онъ могъ бы съ людьми себѣ подобными что-то для блага отчины сдѣлать, но тщетно, съ такими подвластными, якъ вы, господинъ Хижевскій, и вашъ товарищъ Германъ, ничего не успѣть... Онъ борется за свободу, а вы хотите буйства... Онъ желаетъ свободы для мужика, безъ нарушенія привилегій шляхты, вы же хотѣли бы еще болестнѣйше поработать мужика, чтобы даже не чувствовалъ въ себѣ достоинства человѣческаго... Отже панъ маршалокъ, якъ видно изъ сего письма, не плохое средство изобрѣлъ, чтобы отъ напада Древича обезпечиться... Онъ желаетъ, чтобы сеяне за свою свободу сами дрались, т. е. чтобы шли на фронтъ, а вы чтобы за ихъ хамскими плечами свою шляхетную шкуру хоронили... Удастся ли то ему?.. Якъ думаете?..

— Не знаю, — отвѣтилъ Хижевскій.

— Не знаете? Такъ я вамъ скажу, что нѣтъ, а то по той простой причинѣ, что вы хлопа до крайней нужды привели, затѣмъ ему равнодушно, чи онъ въ гетманѣ польномъ, чи въ Древичѣ будетъ видѣти своихъ спасителей. Самы бо признаете, что хужого правительства, якъ въ той между-усобицѣ, не будетъ мужикъ имѣти, хотя бы и бисурмане или ногайцы наши... Знаете ли, въ какой цѣли я вамъ тое розкакую?

Хижевскій извинился своимъ лаконичнымъ: Не знаю...

— Не въ другой, только въ той, чтобы вы мое мнѣніе опять пану Пулавскому передали. Скажете ему, что первымъ дѣломъ для конфедерации было бы, сы-

скати себѣ довѣріе у народа, а кто тое легкодушно потерялъ, тотъ можетъ сказать нынѣ: *finis Poloniae*. Послѣдствія суть уже нынѣ наглядны: Австрія заняла Спизъ, даже съ прибавкою, — за годъ она дальше посунется, а народъ съ открытыми раменами ее приметъ, и то не лишь чернь, но и шляхта съ радушіемъ кинется подъ правительство нѣмецкой имперіи, ибо она, шляхта, не тaitся съ пренебреженіемъ своимъ для sprawy, веденной не людьми съ честнымъ убѣжденіемъ, а сволочью, у которыхъ убѣжденіемъ привата, а храбростію — похищеніе чужихъ женъ... Неправда ли, пане Хижевскій?

Конфедератъ сбѣлъ молчаніемъ тотъ вопросъ. Дубецкій не внималъ на то, только со свойственной ему прониціею продолжалъ:

— Еще одно сообщите пану маршалку ломжинскому, именно, что то его письмо не дойдетъ назначенныхъ рукъ, а только Древичъ содержаніемъ его съумѣетъ воспользоваться. Знаю, что то пану старостицу варецкому очень непріятно будетъ, но пусть потѣшится, что еще дешево купилъ наставленіе, чтобы не препоручалъ тайны людямъ, которыи, вмѣсто совѣстно исполнити препорученіе, чужии женщины похищаютъ! Къ тому не залишѣтъ ему мое почтеніе заявити. Теперь вставляйте; пора васъ въ мѣсто назначенія завести. — Извинѣтъ, что я вамъ принужденъ очи завязати; могли бы вы побачити кого и о помочь кликнуть, а то было бы мнѣ невыгодно...

Когда тѣмъ дѣломъ Дубецкій занимался подкрадалась якая-то тѣнь челоуѣка изъ по-за деревъ. Приблизившись тихцемъ къ ватажцѣ, положилъ ему руку

на плечо и одновременно пальцемъ на устахъ даль ему знакъ молчанія. При свѣтлѣ огня познаемъ, что то — Курнацкій. Плѣнные конфедераты имѣли уже заслоненныя очи и не замѣтили, какъ Дубецкій съ Курнацкимъ подальше отдалились и шепотомъ начали разговоръ:

— Вы тутъ? — спросилъ съ удивленіемъ ватажка, — я что-только намѣрялъ идти въ условленную буду...

— Я тамъ былъ, — но тамъ засталъ я одного изъ вашихъ людей, — объяснилъ Курнацкій.

— Навѣрно Петръ и нѣкая женщина...

— Тотъ самъ — и онъ мнѣ розказалъ обо всемъ и указалъ мѣсто, гдѣ имѣю васъ глядати.

— Затѣмъ знаете уже, что то за одни? — спросилъ Дубецкій, указуя на плѣнныхъ конфедератовъ.

— Знаю, — отвѣтилъ Курнацкій, но едва кинулъ окомъ на Хижевского, — ужасная перемяна стала съ тѣмъ на видъ спокойнымъ человѣкомъ... Блѣдность покрыла его лице, очи, казалось, выскочать изъ головы, уста задрожали, одна рука затиснулась въ твердый кулакъ, когда другая махиальнохватила за рукоятку ножа...

Но та внутренняя борьба вскорѣ пересиллася; лучшее чувство взяло верхъ.

— Нѣтъ, подлымъ мстителемъ не стану, въ честномъ боѣ встрѣчу его и положу, — прошепталъ онъ.

— Мы нашли при нихъ сіе письмо, — сказалъ Дубецкій.

Курнацкій приблизился къ огню и поспѣшно перебрѣгъ очами поданную бумагу.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — что хотите съ ними дѣлать?

— Вправдѣ — недостойны они чего лучшаго, развѣ стрычка, но нужно милосердіе имѣти надъ ними... Я вознамѣрилъ отвести ихъ къ извѣстной будѣ и тамъ ихъ черезъ день задержать. Вечеромъ може возвратится Петръ, то ихъ выпустить, надѣюсь затѣмъ, что не скорше, якъ позавтра въ Избы довлекутся...

— И такъ добре, — а ваши люди гдѣ?

— Пошли всѣ, но каждый отдѣльными дорогами, тамъ, гдѣ мы условились.

— Памятайте, друже, — упомянулъ вконцѣ Курнацкій, — чтобы вы всѣ на часъ явились тамъ... Помѣшайтесь съ селянами, ободряйте, которымъ бы отваги не доставало, а предовсѣмъ осторожность! Бывайте здоровы!..

— Панове конфедераты, вставайте! — крикнулъ Дубецкій по отшествіи Курнацкого и одновременно воздвигъ ихъ на ноги.

— Я не пойду никуда, — протестовалъ Хижевскій.

— То оставлю васъ на произволь судьбы, грозилъ ватажка, — *volenti non fit injuria*, якъ говорилъ мой патеръ-учитель за каждую дисциплиною, — а вы, пане Якубъ?

— Я?.. Якъ-же мнѣ идти, когда ничего не вижу! — отвѣтилъ Германъ.

— Спусти́тся на мене, я буду добрымъ дѣдовомъ...

Не осталось конфедератамъ, якъ подчинитись

судьбѣ. Дубецкій хватилъ обохъ за воротники и такъ сунулъ ихъ побочъ себе...

Солнце первыми лучами возвѣстило, что встаетъ изъ своей постели.

Тою самую дорогою, которая нашихъ двухъ конфедератовъ впростъ въ ловушку завела, поступала медленно толпа селянъ, вооруженныхъ, чѣмъ пошло.

По-переду ихъ шель — Андрѣй Ванько, вмѣстѣ съ Матвѣемъ Чирнянскимъ. Часто они останавливались, ибо старый ворожбитъ развѣдывалъ на земли слѣды двухъ ѣздоковъ.

Ничего передъ его зоркимъ окомъ не ушло. Гдѣ не стало выразныхъ слѣдовъ, тамъ травка натопанная, или галузка, свѣжо надломленная, или бурянь, съ отгрызненнымъ вершкомъ, и тѣмъ подобныя мелочи, были для него достаточны.

Передъ »рункомъ« двоилась дорога. Одно а другое рамя травую заросло; положительныхъ слѣдовъ невозможно было отыскати. Нѣкоторые подразумѣвали, что вѣроятно похитители Матвѣевой супруги опасались подъ ночь въ лѣсъ уходить, ибо заблудити весьма легко, но выхода изъ лѣса найти тяжело пришло бы имъ. Но Андрѣй, едва нѣскольконадцать шаговъ въ лѣсъ заглубился и осмотрительно розглянулъ, указалъ селянамъ одинъ сукъ на ялицѣ, на которомъ нѣсколько блѣдо-рудыхъ волосовъ висѣло.

— То буланый кѣнь Хижевского — за близко о дерево отерся...

Сомнѣнія уже не было: всѣ вошли въ лѣсъ.

— Они недалеко оттуду остановились, — утверждалъ Андрѣй по якомъ-то времени, приглядаясь на

высохшую калужу; — кони начинаютъ имъ тутъ слабѣти... Смотрите, якъ слѣды заднихъ копытъ узко ѳтъ себе стоятъ, а тутъ задныя копыта не просто переднихъ! Значится, што кони заточуются, якъ пьяныя.

Истинно, недолго добрались они до того мѣстца, гдѣ плѣненіе конфедератовъ сбылось. Стерва конфедератскихъ коней лежали надуты, но о Хижевскомъ и его товарищѣ ни слѣда, ни слыха... Ванько кинулъ внимательнымъ взоромъ въ-округъ себе, по чемъ обошелъ чѣмъ разъ ширшими кругами то мѣстце, пока найденныя слѣды не завели его тамъ, гдѣ ночной соборъ отбылся. Изъ ватры еще курилось...

— Мѳй Матвѣю, тутъ уже конецъ, — сказалъ онъ, вернувшись. — Где конфедераты »отсале« (оттуда) подѣлись, нѣтъ »знатя«... Тутъ, кромѣ нихъ, было еще надъ два десятки люда, и »вшитки« ростра-тились на всѣ страны... По росѣ на одной луцѣ маленькѳй дало пѳзнатись, што недавно тамъ-тады перешло трое людей, одинъ въ серединѣ, двухъ побочъ него... Но то-тѣ скрайныя были или слабы, ибо видно, што нѳгъ не двигали въ гору, лемъ ними совгали... Теперъ радьте себѣ самы, якъ зна'те, бо мѳй розумъ ужъ уставъ...

Та вѣсть нѣякъ не была утѣшительною для Матвѣя... Безсильно сѣлъ онъ на земли и скрылъ голову въ долоняхъ. Селяне совѣтовали сякъ и такъ, но къ нѣякому положительному заключенію не рѣшились. Дебату ихъ перервалъ мужчина, который нечаянно вынирнулъ изъ гущавины. Былъ то — Дубецкѳй.

— Надъ чѣмъ такъ, христіане, радите? надъ тою ли падлиною панахиду отправляете?

— Невчасный жартъ вашъ, — отозвалося нѣсколько голосовъ, — намъ важнѣйшее въ головѣ...

— Чтожь такое вамъ приключилось? Бачу, что одинъ изъ васъ на бабу сошелъ, — сказалъ онъ, указуя на Матвѣя.

— Та бо онъ ма' чого плакати, до живого ему допекли — объяснилъ одинъ.

Андрѣй приступилъ ближе; онъ позналъ въ Дубецкомъ того самого человѣка, съ которымъ въ корчмѣ на »гутѣ« въ такъ таинственный способъ разговаривалъ...

— Человѣче Божій, — сказала ворожбить, — не порадили-бъ вы намъ? Не бачили-ль вы тутъ въ лѣсѣ двухъ конфедератѣвъ и съ женою ось того? — И затѣмъ розсказалъ коротко ему причину происка.

— Мой друже, — отвѣтилъ Дубецкій, обернувшись къ Матвѣю, — то знаю, что ничья жена не пропала, то и ваша не пропадетъ, а може она еще скорше будетъ дома, чѣмъ вы. Если же хотите тѣхъ двухъ негодаевъ найти, то на другомъ мѣстѣ нужно ихъ глядати...

— Благодарю и за ту щипту потѣхи, — когда бы я только жену нашелъ, то Хижевского я бы на позднѣйше отложилъ...

— Такъ думаете?.. Ошибаетесь.. Нынѣ зъ рукъ одного конфедерата освободится, а завтра другій навяжется ей.. Я кажу: пока послѣдняго станеть, доси спокойно не ложитесь спати...

— Правда, — потакнули селяне..

— Отъ, видите, — продолжалъ Дубецкій, —

люди то понимаютъ, а вы что? Кажется ученымъ быти, а того поняти не можете!

— О, почему нѣтъ, я понимаю то хорошо,—возразилъ Матвѣй, — но чтожь я самъ могу сдѣлать?..

— Двѣ руки не успѣютъ много, но добавь до твоихъ двухъ чужихъ четыре, или по возможности больше, то сдѣлаютъ что-то полезнѣйшее, чѣмъ ты своимъ плачемъ...

— Думаете ли, что я только къ плачу сотворень?.. — спросилъ съ оскорбленіемъ Матвѣй. — Я терпѣлъ конфедератамъ, пока имъ о мое имѣніе ходило, ибо при здоровьи имѣнія дороблюсь, — но когда нынѣ затронули они мою честь и домашній миръ, то на жизнь или смерть съ ними драться буду...

Дубецкій слушалъ то съ недовѣрчивою улыбкою и съ явною насмѣшкою примѣтилъ:

— Нынѣ такъ говорите, а завтра поцѣлуете въ колено пана Хижевского за честь, что ваша жена удостоилась его благосклонности...

— Такъ ли?.. загорячился солтысъ Чирнянскій. — Покажѣтъ мнѣ конфедератовъ, а побачите, якъ я имъ кланяться буду...

— И мы тоже, — добавили селяне...

— Хотите ли ихъ встрѣтити? То ходѣтъ со мною, — сказалъ Дубецкій спокойно.

Матвѣй заколебался. Свѣрнитесь съ судьбою своею цѣлкомъ незнакомому челоуѣку, — а нужь онъ съ партіи конфедератской и заведетъ его въ западню?.. Онъ самъ началъ теперъ жаловати, что небережно высказалъ передъ нимъ весь свой тайный образъ мыслей, — но Андрѣй успокоилъ его!

— Идѣтъ съ нимъ, Матвѣю, — шепнулъ онъ, — я его знаю, то Русинъ и знакомецъ Курнацкаго...

— Добре, я вашъ, я готовъ идти и на смерть, — согласился Матвѣй!..

— А вы, люди? — спросилъ Дубецкій селянъ, — вы имѣете завтра станути по приказу въ Сончѣ; а я вамъ пригадаю о томъ, что вы тутъ бесѣдовали...

— Будемъ и пригадаемся конфедератамъ! — загудѣли селяне.

Знати не даромъ волочился Курнацкій съ иконами по селахъ, а Ванько съ ворожбитствомъ...

Третьяго дня послѣ того сидѣлъ панъ Казиміръ Пулавскій, маршалокъ конфедераціи земли ломжинской, въ своемъ шатрѣ, поставленномъ середѣ конфедератскаго лагеря въ Избахъ. Очи его пристально вдивилися въ розложенную на столѣ карту. Была то карта бискупщины, грубою рукою начертана. Думки его бѣгали по горахъ и рѣкахъ, — онъ тамъ и сямъ важнѣйшую точку зазначалъ булавкою, или подчеркнулъ червонымъ карандашемъ. Успѣхъ его думокъ, кажется, былъ неутѣшителенъ, ибо на челѣ его насупилась хмара, которую даже нѣскольkokратнымъ потягненіемъ долони выгладити не могъ...

— Бѣчане — славныи мѣщане; они понимаютъ свою должность къ отчинѣ, они удержатся, — думалъ онъ себѣ. — Новый Сончѣ, — тотъ такожь долженъ удержатись... Больше тысяча русскихъ селянъ при-нуждены будутъ битись, если нхъ мои люди къ тому энергически наженуть... За собою ли смерть, или предъ собою, — имъ тогда все равно... Отчаяніе — то половина, если не цѣлая храбрость... Жаль мнѣ,

что тая голода выгинеть больше половины... Русины — то добрый народъ, но якъ мнѣ иначе дѣлати? Хотя бы и всѣ выгнули, не повредить, ибо тогда и Москалей много не достанеть... Ослабленный Древичъ не такъ скоро покусится со мною стрѣтитись... А если надежда меня обманить?.. Если Бѣчь не удержится, Сончъ поддастся?.. Можетъ то статись, ибо Русины и такъ волкомъ дивятся на насъ, понеже всѣ маршалки до теперь якъ бы заприсяглись на то, чтобы народъ для себе неблагоклоннымъ сдѣлати. Могутъ измѣнити, а тогда?.. Тогда я пропаль, а даже не лишилъ себѣ безпечного выхода! Мати Божая Избянская, — когда въ лѣсахъ Святковскихъ напали на меня два козаки, я отдался Тебѣ въ покровъ и Ты чудеснымъ способомъ избавила меня, а я не жалѣль храмъ твой приукрасити... Спаси меня и теперь! Если цѣль выйду, общаю фондъ сложити на твою хвалу...

Въ такихъ гадкахъ вышелъ онъ изъ палатки.

— Не вернулъ-ли ротмистръ Хижевскій? — спросилъ онъ ближайшого воина.

— Нѣтъ его еще, — былъ отвѣтъ.

— Что-то имѣеть означати? — удивлялся Пулавскій, — чи ему какое лихо не приключилось? Хижевскій — то такожь одинъ изъ тѣхъ, которые больше нашей справѣ вредятъ, чѣмъ помагають... Я не сомнѣваюсь, что онъ тѣмъ бездѣльникомъ, который похитилъ чужую жену, на что вчера старый о. Щавинскій передомною жаловался... Но чтожь я могу сдѣлати? Старого попа я якъ могъ успокоилъ, — но наказати Хижевского?.. Если бы я былъ принужденъ, каждого

изъ моихъ людей наказати за нарушеніе воинской карности, — тогда я лишъ самъ остаюсь на мѣстци...

Гадки тѣ перервалъ одинъ конфедератъ.

— Пане маршалку, всѣ сосѣдныя села я обошелъ — и ни одного мужика не нашель, — рапортовалъ онъ.

— Якъ то?.. Я сосѣднимъ селамъ велѣлъ остаться дома, а только подальшимъ въ Сончъ ставитись...

— До Сонча не пошли, — дома ихъ такожь нѣтъ!

— Якъ то? въ Избахъ никого? въ Чертизномъ никого? въ Ройкахъ? въ Бѣлчичной? въ Тылчѣ?..

— Никого, только бабы и дѣти, — отвѣтилъ докладчикъ. — Лишь одного селянина изъ Избъ я стрѣтилъ и въ надеждѣ, что онъ намъ причину того неповиновенія ближе объяснитъ, привелъ его сюда...

— Сюда съ нимъ! — повелѣлъ Пулавскій.

Незадолго стануль — ворожбитъ Избянскій, сопровождаемый двумя конфедератами, передъ маршалкомъ.

— Якъ называешся?

— Я Андрѣй Ванько изъ Избъ, — отвѣтилъ той же спокойно.

— Куда прочіи селяне изъ Избъ скрылись? Въ Сончъ, или куда?

— Я, пане, ледва вчера вечеромъ вернувь. Я по дорожѣ встрѣчавъ людей, которыи, за вашимъ приказомъ, въ Сончъ ишли, но изъ Избъ ни съ близкихъ сель межъ ними никого не было. Избяне, якъ я до-вѣдався, пѣшли на заробки за Бескидъ...

— Якъ могли выйти изъ села, когда я имъ положительно запретилъ? — спросилъ гнѣвно Пулавскій.

— Заборонити вамъ, ясный пане, было легко, но жити хлопамъ было тяжше...

— Якъ? Не имѣли ли что ѣсти?

— Ба, не иначе... По-за-лонскій рѣкъ вымелъ панъ Бѣржинскій все до чиста, а въ лони, пане, най вамъ во гнѣвъ не будетъ. Сего року люди не досѣяли, а и то панове-конфедераты, безъ уразы, кѣньми выпасли и стратовали. Камѣньемъ не можно накормитись...

— Одно, на что я числилъ, пропало, — сказалъ Пулавскій полуголосно и задумался... Я вознамѣрялъ на исходъ дѣла съ Древичемъ селянами подратоватись, а они исчезли, якъ бы смовилися! Наглядно, что мы имъ такъ пожеланы, якъ болѣзнь въ черевѣ...

— Якъ вижу, имѣемъ славного ворожея, — сказалъ одинъ конфедератъ, приглянувшійся Ваньку ближе.

— Любопытенъ ты узнати, что тебе ждетъ? — вмѣшался другій.

— И ты не былъ бы отъ того, чтобы будущность отгадати, — возразилъ первый. — А ну, пророкъ, скажи мнѣ, жіетъ ли моя жена еще?..

Андрѣй поглянулъ подъ вопросительнымъ знакомъ на маршалка, будто бы ожидалъ соизволенія его. Пулавскій съ презрительнымъ усмѣхомъ потакнулъ головою.

— Жена ваша? — спросилъ Андрѣй, — жіе и не жіе...

— Отъ-то, на двое баба ворожила!

— Жіе для себе, но не для васъ; жіе для молодого, бо далеко до старого...

— Она бы истинно осмѣлилась вѣры мнѣ не додержати?... Говори, старый!

— Такъ на вашѣй руцѣ написано, — отвѣтилъ ворожить...

— То никто другій, лишь Фабіанъ! Я замѣтилъ, что онъ всегда къ моей еймостѣ подкрадался... Дастъ Богъ мнѣ здорово вернуться, начислю я ему бизуновъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ!... грозилъ озлобленный ворожою конфедерать...

— Чеси его, скѣлько хочешь, мене ѳтъ того не заболить, — сказалъ до себе Андрѣй.

— А мой челѣвѣкъ что порабляетъ? — спросила безобразная, въ грязное лохмотье одѣтая баба — изъ рода тѣхъ, якіи обыкновенно вслѣдъ за войскомъ волочатся...

— Лишила его жена; ѳнъ думавъ, што умерла; поплакавъ и потѣшився, ибо опять оженился...

— О, якіи неблагодарный мужикъ! Я ему волосье вытормошу, а ей очи вылуплю!

— Хотя бы вы и всѣ послѣпли, то мнѣ бай-дуже, — воркнулъ тихо ворожить.

— А мене что ожидаетъ? — испытывалъ Андрѣя молодой конфедерать, которому усикъ юнымъ мохомъ зазначился.

— Што вы бажали, то и встрѣтили; вы съ миромъ посварились, а съ бѣдою подружились. Чи мудро тотъ дѣлае, кто гусь за яйцо мѣняе?...

— О правда, правда, — подтвердилъ съ жалемъ юный конфедерать, — дома мнѣ было якъ у Бога за дверьми!.. Но еще хочу узнати, вскорѣ ли оженюсь?

— Вамъ уже не женитись, лемъ любитись, любку

цѣловати, дитину колысати; любая васъ выглядаетъ, слезы отираетъ, не може васъ дождатись, смерть просится къ ней въ сваты...

— Но, смотрѣть, — шепнулъ тотъ молодикъ ближайшему товарищу, — на гоноръ, тотъ дѣдъ вѣшунъ! Я его хотѣлъ подойти, а онъ отгадалъ, что я женатъ! Да, недѣлю жилъ я съ женою, про дурницу посва- рился съ нею и на переборъ ей — бѣжалъ на военку...

Въ тотъ часъ Пулавскій былъ нѣмымъ наблюда- телемъ дарованія, якимъ Андрѣй пописывался. Но якая-то необыкновенная гадка прошибла по головѣ маршалка, заключая по его пламеннымъ зѣницамъ и саркастическому усмѣху.

— Слушай, старый, — а мнѣ не выворожишь- ли, якихъ вороговъ я имѣю опасатись? спросилъ онъ всчаюно ворожбита. — Тотъ совсѣмъ не помѣшался; отвѣтъ былъ готовъ:

— Передъ отвертымъ ворогомъ втечете, но до- машняго не устережетея; съ отвертымъ саблею по- бесѣдуете, со скрытымъ до ладу не дойдете...

— Ничего нового ты мнѣ не сказалъ. Я самъ знаю, что между моими подвластными есть нѣкоторые, что моими повелѣнїями пренебрегаютъ и тѣ больше моему дѣлу вредятъ, чѣмъ десять пушокъ. Ты, дѣду, якъ вижу, отгадуешь теперѣшность, якъ слѣпый стеж- ку; увидимъ, чи и будущность тебѣ отклонена. Скажи, отнесу ли побѣду надъ русскимъ войскомъ?...

— Кому Мати Божья поможе, тотъ каждого во- рога переможе, — отвѣтилъ Ванько.

— Правда, — но ты, братку, хочешь крутыми отвѣтами мнѣ выскользнутися! Отвѣчай, такъ, или нѣтъ?

— На кого Пречистая гнѣваеся, тому покровъ свѣи ѡтнимае, — деклямоваль ворожить...

— Думаешь ли, что я гнѣвъ Матери Божой на себе стянуль?... Чѣмъ?... Я ей служу, ибо съ ея помощью я два раза отъ смерти избавился... Не хочучванитись добрымъ дѣломъ, но таки принужденъ я тебѣ пригадати, что я изъ благодарности къ ней далъ церковь Избянскую приукрасити... По чему ниѣла бы Пречистая Дѣва намъ въ помощи отказати?...

— За грѣхи дѣтей Богъ ѡтцѣвъ карает, за грѣхи подчиненныхъ вождѣ виновнымъ стаеся, за кривду людей, за слезы бѣднякѡвъ Богъ не благословитъ sprawy конфедеракѡвъ...

— Глупости не говоритъ, то правда — подумалъ себѣ Пулавскій, — но я глупость сдѣлалъ, что я прежде съ нимъ не уговорился. Если онъ на правду мнѣ поражение предвозвѣститъ, то плохое впечатлѣнiе сдѣлаеть на умъ моихъ людей, которые по-части уже вѣрують въ его ворожбы. Опасатись мнѣ, что послѣдують дезерціи. Отступить мнѣ теперь невозможно, лишь ити впередъ...

Послѣ голосно спросилъ :

— Якій конецъ съ нами будетъ ?

Андрѣй оттягался съ отвѣтомъ, но видя грозное око Пулавского, заимпровизоваль, вмѣсто отвѣта, слѣдующее :

Богъ милостивъ, грѣхи проститъ
Народови нужденному,
Руку простре, слезы отре
Русиновн тѣсененому.
Отъ холода и голода,
Отъ всякого злого рода

Избавить насъ и потѣшить,
 Закѣмъ солнце гень посѣшить,
 Бо отъ Бѣча до Тылича
 Всяды полно Деревича!

— Овва, вѣроятнѣе что между Бѣчемъ а Тыличемъ — конецъ будетъ съ Деревичемъ, возразилъ маршалокъ. Но Андрѣй былъ противного мнѣнія и реци-товаль :

Повѣрите, 'сли смѣрите,
 Якъ пятами надробите,
 Кой (коли) отваги вамъ не стане,
 Тогда най вамъ припоманесь
 Слово мое, ясный пане.

— Такъ ты мнѣ предсказуешь, чорный пѣтуху, — крикнулъ озлобленный Пулавскій. — Пожди! Я пересвѣдчусь, чи ты всевѣдущій! Вотъ — та клячь жеребна, прорци теперь, чи съ жеребцемъ, чи съ клячкою, и какой шерсти?...

— Эхъ, пане, вы жартуете, — на што вамъ то знати? — сказалъ робко Андрѣй.

— На что? на то, чтобы я тебе могъ обличити передъ всѣми за обманщика, который глупотою людскою пользуется! То, о чемъ ты до теперь бредилъ, можетъ счастливымъ случаемъ сбытися и твою пророческую славу спасти, но теперь — помни, что кобыла не имѣть стекляного черева! Если теперь съ правдою розминешся, пятьдесятъ батововъ тебѣ въ нагороду! А додержу слова такъ вѣрно, якъ вѣрно я своей вѣры не отрекся...

То были не шутки; то зналъ и Андрѣй Ванько. Задача была тяжка къ рѣшенію, но тяжша еще обѣщанная пятьдесятка на старую его шкуру... Холодъ обнялъ ворожбита. Первою гадкою его было: бѣжати,

— но не возможно было прорватись черезъ толстую стѣну, якою его конфедераты окружили.

— О, Пречистая Мати Избянская, избави мене ѓтъ той напасти, а кленусь, што бѳльше въ житю ворожити не буду!

— Скоро ли растворишь твою обманчивую морду, или имѣю тебе попросити нѣсколькими нагаями на задатокъ? нетерпеливился маршалокъ.

Говорять, что русскій мужикъ весьма медленно мыслить. Думки у него будто не выводятся непрерывно и не плывутъ быстро одна по другой, а только, такъ сказать, въ перестанкахъ, каплями послѣдуютъ по себѣ. Можетъ быти, что то правда, о сколько извѣстно, что Русинъ повольной, тяжелой природы, оставляетъ себѣ довольно времени къ раздумію, и про то весьма рѣдко опрометчивостію грѣшитъ. Но цѣлкомъ иначе дѣло стоитъ, если подобнымъ положеніемъ, якъ нашъ Андрѣй, притѣсенъ. Старый ворожбитъ пригадалъ себѣ теперь одно обстоятельство.

Когда приведенный Андрѣй Ванько стоялъ самъ передъ палаткою Пулавского, — за тотъ часъ, якъ приведшій его конфедератъ зашелъ къ маршалку, чтобы дати докладъ о своемъ посланничествѣ, стангретъ Пулавского переводилъ извѣстную клячь. Одинъ изъ конфедератовъ началъ славити пристрастными словами красно-образную лошадь. Изъ-за того начался между конюхомъ а конфедератомъ разговоръ, которого мимовольнымъ свидѣтелемъ былъ Андрѣй. Вслѣдствіе того — ворожбитъ узналъ, что панъ Пулавскій, якъ ни любитъ кобылою, но больше тѣшится жеребенками, якіи она ему по чорномъ татарскомъ бахматѣ, полученномъ

въ дарѣ отъ нѣкого бея, ежегодно приводитъ. Когда минувшого года жеребя, клячка, черная якъ галка, съ бѣлыми копытками и звѣздою на челѣ, ногу себѣ сломила, панъ маршалокъ даже расплакался и съ великого сѣтованія цѣлый день ничего не ѣлъ...

То пригадалъ себѣ теперь ворожить скорше, чѣмъ дало высказатися, и закѣмъ между послѣднимъ вопросомъ маршала а слѣдующею погрозою минута минула, Андрѣй уже нашель отвѣтъ.

— На лаву съ нимъ, когда не говоритъ! — повелѣлъ Пулавскій. Нѣсколько конфедератовъ изъявили великую готовность исполненія сего повелѣнія...

— Ясный пане маршалку, помилуйте, не бійте, уже скажу, што мнѣ Духъ святой наднесе, — крикнулъ отъ испуга ворожить...

— Ну, такъ скорше!

Андрѣй може никогда въ жизни такъ сердечно не поглянулъ въ небо, якъ теперь.

— Пане маршалку, то-та клячъ ожеребится съ лошакомъ!

— Якой шерсти?

— Чорной!

— Особенныхъ признаковъ ніякихъ?...

— Буде мати звѣзду на челѣ и копытка бѣлыми...

— Вы чули всѣ, что тотъ казалъ? — спросилъ вконецъ Пулавскій присутствующихъ, а когда отъ нихъ утвердительный отвѣтъ получилъ, доложилъ:

— Я покличуся на ваше свидѣтельство; если бы тотъ дѣдъ якими увертками схотѣлъ мене перехитрити. Теперь убѣдимся наочно, чи онъ истинно владѣеть

тѣмъ надприроднымъ дарованіемъ, якимъ чванится. Проти кобылу!...

На то странное повелѣніе всѣ встряхлися. Никто такого исхода не надѣялся, а наименьше Андрѣй. Онъ въ найгоршемъ случаѣ ожидалъ, что Пулавскій задержитъ его въ плѣну, пока кобыла не ожеребится, а до того времени имѣлъ надежду, хотя слабую, что якимъ-то счастливымъ путемъ освободится. Теперь — послѣдній лучъ надежды сгасъ. Нѣкоторые изъ конфедератовъ начали дѣлать представленія маршалку.

— Жаль такъ хорошаго коня теряти про глупога хлопа, — говорили они. — Пустити старога дурака на волю, а на добитокъ влѣпити ему нѣсколько низше плечей, чтобы изъ пророческой маніи излѣчился...

— Мои господа, я никогда даннаго слова не нарушаю, хотя бы мнѣ за то жаловати пришло, возразилъ спокойно Пулавскій. — А что касается вашего совѣта, чтобы мужика съ памяткую нѣсколькихъ батоговъ пустити, то онъ супротивляется моимъ правиламъ. Безвиннаго я не хочу наказывати, но уличенъ въ обманствѣ, найдеть во мнѣ строгаго судію...

— Теряти такъ цѣнную лошадь? Между братьями стоить она сто дукатовъ!

— Половиною той сумы куплю себѣ важную науку, а другую половину заплатитъ мнѣ тотъ плутъ своею шкурою... Впрочемъ — совѣты ваши излишны, ибо я слова, разъ сказаннаго, не отмѣняю, — добавилъ онъ рѣшительно.

Конфедераты пожали плечами и умолкли, но никто изъ нихъ не хотѣлъ поднятись за убіеніе лошади. Удивительно! Тѣ самыя, что съ равнодушіемъ нуря-

лися въ крови людской, боялися задати смерть скотинѣ. — Пулавскій далъ знакъ одному, котораго, кажется, зналъ насквозь, чтобы приблизился.

— Вотъ тебѣ дукать, сдѣлай мнѣ ту прислугу, — и отдалился. Ему не возможно было дивиться на смерть своей любимой лошади. Слезы стали ему въ очахъ...

— Дурачество я сдѣлалъ, но чтобы не сказали, что я не постоянный въ намѣреніяхъ, я принужденъ былъ то сдѣлать... Твердость характера — то первое свойство добраго вожда...

Такъ навинялся онъ предъ собою, но успокоился ли тѣмъ?...

Восклики найвысшаго удивленія прикликали маршала опять на мѣсто дѣйствія...

— Жеребенокъ, — черный, — звѣзда на челѣ и копытка бѣлыи, — славный вѣщунъ! — мѣшались поодинокіи голоса...

— Всѣ поглядали съ якимъ-то застѣнчивымъ почтеніемъ на ворожбита... Тотъ стоялъ якъ деревянный только выбалушенные очи и ротъ — такъ широко отворенный, что могла бы тамъ ворона влетѣти, проявляли, что онъ стался участникомъ того самого чувства, которое всѣ подѣляли, только въ большей степени... Минула добрая минута, закъмъ Андрѣй опомнился отъ того впечатлѣнія, а тогда богоговѣнно прошепталъ:

— На-правду, оно такъ есть!... Славажь тебѣ Боже...

А имѣлъ онъ справедливый поводъ благодарити Бога, видя себе ненадѣино освобожденнымъ отъ обѣ-

щанныхъ нагаевъ, которыхъ самая воспоминка лихо-
радкою его наполняла...

И Пулавскій убѣдился наочно объ истинѣ того, о чемъ всѣ голосили. Онъ не сказалъ ни слова, лишь велѣлъ Андрѣю слѣдовати за собою въ шатро.

— Такъ ты мнѣ предсказуешь, что Древичъ побѣдитъ мене? — спросилъ онъ...

Андрѣй хотѣлъ уже со своимъ ворожитствомъ вырваться, но сейчасъ пригадалъ себѣ сдѣланную клятву... Прото обошелъ онъ съ отвѣтомъ мановцами:

— Гмъ! видите, ясный пане, вы тутъ въ Избахъ не остойтеся... Чѣмъ скорше вынесетеся »отсаль«, тѣмъ меньше бѣды для васъ и для людей...

— Довольно мнѣ того! Имѣешь тутъ за твое ворожитство. Убирайся домой!..

Но Андрѣй, учувши то утѣшительное повелѣніе не согнулся даже по брошенную ему мошонку, а выбѣжалъ стрѣлою, не оглядаясь, изъ лагера конфедератовъ...

Такъ надъ всякое численіе людское, ненадѣйно исполненное предсказаніе ворожбита заставило Пулавского призадуматись. Якъ большая часть людей минувшаго столѣтія, — не былъ и онъ свободенъ отъ малой дозы суевѣрія. Онъ не былъ теперь въ состояніи, повторити съ самоувѣренною гордостію, что сдѣлаетъ конецъ Древичу, а противно, бездонность опасности открылась ему на случай, если бы пораженіе отъ Русскихъ потерпѣлъ...

Портіера палатки отсунулась и Хижевскій стануль передъ Пулавскимъ.

— А, то вы, господинъ ротмистръ?.. Жду на

ваши вѣсти, якъ на спасеніе, — возрадовался Пулавскій, — но вы что-то больны?.. Что вамъ приключилося?.. Что вамъ приключилося?..

Истинно, блѣдое и изнуренное лице Хижевского и его шатающій ходъ — не отдалили сомнѣнія о примѣчаніи маршалка...

— Вѣсти не приношу ніякой, ибо я не былъ тамъ, куда съ вашего препорученія имѣлъ удалиться...

— Возможно ли?! — устранился Пулавскій. — Въдь отъ того письма зависѣлъ цѣлый планъ, весь хорошій исходъ нашей случайной встрѣчи съ Русскими.

— Я не виноватъ тому. Извольте послухати мое приключеніе. Я виноватъ только въ томъ, что лишилъ широкую дорогу, а ѣхалъ впростъ горами, чтобы въ такъ важномъ дѣлѣ времени не теряти... Затѣмъ я сдѣлалъ то въ добромъ намѣреніи...

— Только въ томъ грубо вы погрѣшили, что взяли въ такъ невыгодную дорогу и женщину, — примѣтилъ твердо маршалокъ...

— Якъ?.. — озадачился ротмистръ...

— Но, но, — оставимъ рѣчь о томъ предметѣ на свободное время; — теперь я любопытенъ узнати чѣмъ скорше конецъ вашей повѣсти...

— Въ одномъ лѣсѣ лошади наши устали. Причину того не могу себѣ истолковати... Когда мы огонь розложить намѣряли, напали насъ нечаянно разбойники и плѣнили насъ...

Затѣмъ розказалъ Хижевскій цѣлое приключеніе, съ изыятіемъ тѣхъ обстоятельствъ, къ которымъ признатись ему было стыдно...

— Дубецкій повелъ насъ ночью въ якую-то пу-

стю хату и тамъ насъ заключенныхъ оставилъ, — продолжалъ ротмистръ. — Якъ долго тамъ просидѣли мы, не знаю, ибо для насъ была всегда ночь, такъ якъ мы имѣли завязанные очи... То однако знаю, что уже голодъ намъ докучалъ и жажда палила. Умило-сердился надъ нами человекъ, повидимому изъ шайки Дубецкого, ибо былъ замаскованъ. Тотъ далъ намъ по куснику хлѣба и чарцѣ воды. Онъ насъ повелъ дальше. Солнце заходило за гору, когда мы нашлись надъ якимь-то селомъ. Проводникъ нашъ сказалъ намъ, что онъ уже излишній, ибо можемъ теперь безъ платка на очахъ въ село зайти, но рукъ намъ не освободилъ... Мы не возмогли еще за-дня въ село добратись, переночевавши въ полѣ, мы дошли съ великою нуждою до того села, котораго назвы не помню. Утомленные до крайности отпочивали мы до слѣдующаго утра. Тогда велѣлъ я себе тутъ привезти, ибо ѣхати въ Сончъ, не зная о содержаніи вашего письма...

— То и письмо вы потеряли?! — спросилъ Пулавскій...

— Я его не потерялъ, а Дубецкій оное забралъ...

— Несчастье, — крикнулъ маршалокъ и тупнулъ ногою съ досады. — Дубецкій есть непріателемъ конфедераціи; — жаль, что его никто не счумѣлъ пріобрѣсти для нашей партіи, а былъ бы съ него первостепенный партизантъ... Если онъ то письмо передалъ въ руки противниковъ, тогда все пропало!

— Все пропало, пане маршалку, — повторилъ одинъ конфедератъ, вшедшій при послѣднихъ словахъ въ шатро. По запыленной одеждѣ его можно было заключати, что далекую и поспѣшную дорогу совершилъ.

— Вижу, что и вы посланникъ, который мнѣ только злополучіе обвѣститъ! — спросилъ горько Пулавскій пришельца...

— Не иначе, — отвѣтилъ той же. — Древичъ занялъ Сончъ и, кажется, за слѣдомъ моимъ сюда маршуетъ...

— Якъ то, занялъ?.. Я думалъ, что его удержите якій-то часъ, пока я на столько не скрѣплюсь, чтобы ему противостанути...

— А хлопы гдѣ?..

— Отже то собственно селяне намъ помѣшали, — объяснялъ конфедератъ. — Было ихъ приблизительно тысячь — и всѣ по нуждѣ вооружены, чтобы атаку отразити... Мѣщанъ оставили мы на оборону города, а съ хлопами заняли мы за городомъ позиціи, которыи намъ найважнѣйшими казались, такъ якъ мы отъ васъ ніякой въ томъ дѣлѣ инструкціи не получили. Съ начала казалось намъ все благонадежно. Хлопы объявляли самую бодрость по себѣ, тѣмъ больше, что Крелевскій безустанно прохажался между поодинокими отрядами и загрѣвалъ ихъ словами: »Смѣло, хлопцы, на ворога, покажѣтъ, что русская кровь плыветъ въ васъ, — не сдѣлайте стыда имени русскому,« — на что храбро отвѣчали: »Не бойтесь, ворогъ не уйдетъ намъ, — не постыдаетесь за насъ!« — Мы тѣшились, что имѣемъ такъ бодрыхъ союзниковъ, якихъ между Мазурами мы не нашли бы. Я, по-правдѣ, замѣтилъ, что между селянами якій-то незнанныи люди помѣшались, и часто изъ полу-тихихъ розговоровъ ихъ дослышалъ я имена нѣкого Курнацкого и Дубец-

кого... Но я на то, въ виду всеобщаго воодушевленія, не внималъ...

— Понимаю, — перервалъ Пулавскій, — тѣ они Русиновъ къ измѣнѣ подмовили!..

— Такъ, подмовили, ибо когда Москаль сближился, мои хлопцы бросили оружіе и изъ всего горла кричали радостный привѣтъ, подкидая шапками въ гору. Я стоялъ при Кролевскомъ. »Уразумѣтъ ихъ, пане войте«, — кажу ему! — »Сейчасъ. — Смѣло на ворога, бійте ворога, имайте ворога, — вяжете ворога!« — кричалъ на все горло Кролевскій. Мы думали, что по такой заохотѣ ободрятся хамы... Мы порядкуемъ ихъ къ атацѣ, а они въ очи намъ смѣются! — »Я волю на своей печи умирати!« кажетъ одинъ. Другій кажетъ, что онъ не дурной баранъ, чтобы далъ не знати за что, зарѣзаться. Иныи отзываются съ мнѣніемъ, что они обязаны своему русскому попу за похоронъ заплатити, а не лядскому, — а смѣльчаки впростъ совѣтовали, чтобы мы къ чертовой мамѣ спрятались! Больше вспылчивыи, чѣмъ я, якъ панове Адамъ и Михаль, хотѣли имъ съ кулею розумъ въ голову нагнати, но въ той суматохѣ загорловалъ опять крысскій войтъ: »Смѣло, хлопцы, на врага, — бійте его, имайте его, — вяжѣтъ его«, и затѣмъ проклятыи, вмѣсто на Москаля, кинулись на нашихъ и въ мигъ повязали ихъ. — »Ради Бога«, кажу Кролевскому, — »что они съ-ума сошли? Вразумѣтъ ихъ!«

Но онъ съ притворною наивностію, подъ которою не скрывалась внутренняя злорадость, отрѣзалъ мнѣ: »Идѣтъ чѣмъ скорше, закѣмъ и васъ такой судьбѣ не предадутъ... Кланяйтеся пану Пулавскому отъ мене и

сообщѣтъ ему то, что вы видѣли! Я тщетно ободрялъ ихъ на врага. Если они зле порозумѣли меня и не Русскихъ, а пановъ—конфедератовъ за ворага почитали, то чтожь я въ томъ виновать?.. Я самъ узналъ, что мнѣ ничего дѣлать не остается, якъ сюда бѣжати! Вотъ, про замѣну Русиновъ, отдѣлъ Девича занялъ, спѣвая, городъ...

— Отъ то ненадѣянка — якъ на первого дня въ апрѣлѣ, — сказалъ Пулавскій, сплеснувши отъ смятенія руками...

— Я бы тѣхъ хамовъ до одного велѣлъ перевѣшати! — вмѣшался Хижевскій...

Пулавскій быстро глянулъ по немъ. Лице его дрожало строгимъ выразомъ.

— Я того не сдѣлаю, пане Владиславе! — сказалъ онъ съ удареніемъ на каждое слово, — ибо я не Бѣржинскій... Я здѣшнимъ селянамъ совсѣмъ не вмѣняю во зло, что измѣнили... Могутъ ли они сочувствовать намъ, если научились видѣти въ насъ своихъ тѣснителей?.. Кромѣ патріотизма, необходимъ конфедератамъ еще политическій тактъ, а того нашимъ численнымъ маршалкамъ во-все недостаетъ. За погрѣшности Бѣржинского, Шица и другихъ, которые негуманно тутъ хозяйничали, я теперь терпѣти принужденъ... А Богъ мнѣ свидѣтелемъ, что я селянина не хотѣлъ бы оскорбити... Если за меня то гдѣ стало, то лишь съ вины любезныхъ моихъ подвластныхъ, которые моими повелѣніями пренебрегаютъ... Не правду ли я говорю, господинъ ротмистръ?.. Вы, должно быти, изо всѣхъ наилучшіи доказательства къ моему мнѣнію поддасте!

Хижевскій сбывъ отвѣтъ короткимъ — »не знаю« — ибо рѣчь та ему вовсе не нравилась...

— Если бы еще Бѣчь удержался, — востхнулъ богоговѣнно маршалокъ...

Но Бѣчь не удержался. Недобитки конфедератскіи присѣли въ Избы съ вѣстію, что мѣщане, послѣ мужественной, впрочемъ, обороны, принуждены были сдаться Русскимъ...

— Ворожить былъ правъ, если сказалъ, что придетъ мнѣ пятами надолужити, когда отвѣтныхъ силъ не станетъ... Не остается мнѣ ничего теперь дѣлать, якъ только выскользнутись по-подъ руки Древичу, — подумалъ себѣ Пулавскій и сейчасъ далъ отвѣтныя повелѣнія къ выступу.

VI.

»Когда Пулавскій, посредствомъ извѣстнаго испытанія, удостовѣрился, что Андрѣй Ванько есть неподобнымъ вѣщуномъ, покусился онъ предсказаніе о прелстоящемъ ему пораженіи подъ Избами отклонити. Въ той цѣли оставилъ онъ лагерь и потянулъ къ Ганчовѣ. Но тамъ узналъ, что въ большую опасность далъ удолитись. Передъ собою бо встрѣтилъ козаковъ Иличанина, за собою же услышалъ громъ пушекъ. Истинно, Древичъ, не зная, что лагерь конфедератскій уже порожный, выстрѣлами, направленными съ горы »перунъ« зовимой (или, якъ другіи хотять: изъ шибеничнаго холма), разорилъ его. Не осталось Пулавскому, якъ только на скорости скрѣпитись на горахъ, отдѣляющихъ села Высову,

Ганчову и Ропки. Но тщетна была его работа... Послѣ отчаянной обороны, кинулись конфедераты въ пробой, а слѣдственно въ полный росплохъ. Тогда уже не было порядочной борьбы, а только охота на жизнь людскую; гоненный — всѣма силами спасалъ свою жизнь, гонитель — ровно горячо старался тую же ему выдерти; одинъ хотѣлъ дорого продати свою жизнь, другій не спрашивалъ за цѣну чужой жизни... Кому удалось избѣгнуть непріятельскихъ рукъ, тому заставляли дорогу селяне и многихъ отдали въ плѣнъ Древичу... Тѣмъ отплачивался народъ конфедератамъ за два лѣта страданій... Только Пулавскій съ горстью товарищей сумѣлъ пробиться въ Угорщину, но цѣною жестокой борьбы подъ селомъ Циглою, такъ что вода въ томъ селѣ покрасилась кровью людей...»

Такъ несетъ преданіе. Пусть читатель своимъ мнѣніемъ розсудитъ, сколько въ томъ правды, сколько преувеличенія и сколько выдумки можетъ мѣститись. Намъ бы слѣдовало оглянуться за знакомыми личностями...

На быстромъ конѣ садитъ конфедератъ въ соубѣгательствѣ съ вѣтромъ. Его по-видимому перехватили отъ товарищей трехъ пѣшихъ людей, и теперь женутся за нимъ. — Не догоните его. Ваши ноги не выровняютъ быстроному бѣгуну! Но они не обращаютъ на то вниманія; жажда мести привязала имъ крыла... Они кличутъ вслѣдъ ѣздока: Не убѣжишь передъ нами, — нынѣ твой судный день!

Слышитъ бѣглець тѣ роковыя слова, загрѣваетъ свою лошадь то ударами, то лестными словами. — Оглядается по-за себе — просторонь между нимъ а

гонителями убольшилася... Отдохнулъ; — ахъ, онъ не хотѣлъ бы съ жизнью розстатися...

Выѣхалъ на верхъ горы... Подъ горою стелится село. Куда обратитись?.. Двѣ минуты раздумывалъ онъ надъ тѣмъ... Двѣ минуты... Якъ короткое время, а якъ значительное, если насъ къ крайности приближаетъ!..

— Въ селѣ есть люди, думалъ себѣ конфедератъ, — а люди имѣютъ сердце, може умилосердятся и скрываютъ мене... Но совѣсть шепчетъ: »Не надѣяться тому на милосердіе, который милосердіемъ скупилъ...«

Дармо... Нѣтъ куда повернутись: единственный выходъ въ село. Но тамъ нужно крутостію горы спустатись. Тщетно подганяетъ онъ коня своего къ скоршему бѣгу, но онъ не можетъ къ тому по скалистой дорожѣ условитися; онъ бережно ставляетъ свои ноги, ибо не знаетъ, якая опасность грозитъ его господину...

Бѣглець оглянулся. Просторонь между нимъ а его гонителями сократилась — о двѣ ми...

— Мои ноги не горшіи, чѣмъ... в, — думалъ онъ себѣ, — я и такъ значительно рѣшпередилъ!

Бросилъ коня, а самъ всею долотою ногъ бѣжалъ въ село Ропки.

Чегожь такъ бѣжишь?.. Твои преслѣдователи не суть русскіи козаки, а селяне-Лемки, которыхъ добродушіе общеизвѣстно! — Но онъ не слухаетъ той перестороги, онъ бѣжитъ, ибо боится...

Преслѣдователи такожь не лѣнились. Одинъ изъ нихъ хватилъ оставленную лошадь за узду. Вправдѣ, пріостался по-заду своихъ двухъ товарищей, но онъ

тѣмъ не смутился, ибо зналъ, что конь всегда пригодный.

Въ Ропкахъ не было нигдѣ прибѣжища для бѣглеца... Не было живой души въ селѣ, ибо всѣ изъ боязни передъ послѣдствіями сраженія скрылись по недоступнымъ оврагамъ. Нужно ему было гдѣ-индѣ спасенія глядати. Онъ погналъ горѣ-горою къ Избамъ. Онъ не чувствовалъ изнеможенія, не чувствовалъ, что въ грудяхъ его давило, не даровалъ себѣ ни одной минуты, чтобы могъ духъ перевести, — онъ бо видѣлъ, что смерть его гонить, а хотѣлъ конечно передъ нею умчати...

— Не уйдешь!.. Нынѣ твой судный день!.. — роздался злобщій воскликъ ему за плечами...

Однимъ взоромъ, брошеннымъ по-за себе, узрѣлъ онъ своего собственного коня, согнанного, согрѣтого и запѣненного, а на немъ — сидѣлъ одинъ изъ его гонителей... Нѣсколько шаговъ роздѣляло ихъ. Конфедератъ понялъ, что ему не возможно теперь убѣгнуги и способился къ оборонѣ. Онъ оперся плечами о наиблизшее дерево и съ заряженнымъ пистолетомъ въ руцѣ ожидалъ своего врага.

То имѣло мѣсто на самомъ верху горы, коло конца, отмежающаго Ропки отъ Избъ.

— Познаете ли мене, господинъ Хижевскій? — спросилъ гонитель.

— Если не ошибаюсь, то вы — панъ Курнацкій, — отвѣтилъ конфедератъ...

Курнацкій скочилъ съ коня.

— Мнѣ весьма пріятно встрѣтити васъ, — сказалъ онъ, — я такъ давно того желалъ... А вы якъ?..

— Не могу то чувство съ вами подѣляти, — отвѣтилъ Хижевскій...

— Такъ?.. Имѣете ли къ тому важный поводъ?..

— На что вамъ мой поводъ знати?..

— Пусть будетъ и такъ: впрочемъ я — не любопытенъ... Но може вы, господинъ Хижевскій, рады бы узнати, почему я такъ встрѣчу съ вами радуюсь?..

— Я такожь не любопытенъ...

— Однако, чтобы я извинился, зачѣмъ я такъ настойчиво гнался за вами, вы должны выслушати поводъ того. Знай, Владиславе Хижевскій, что моя дочь умерла, — доложилъ громовымъ голосомъ Курнацкій...

Конфедератъ изъясилъ по себѣ якій-то беспокой...

— И умирая, — прокляла твою жизнь, твои дѣла и твою память!..

Хижевскій теперь задрожалъ...

— Твоя жизнь проклята уже твоими дѣлами; мнѣ остается твою память передати утѣшенію сатаны, отца проклятія...

— Ставай къ борьбѣ, — сказалъ Хижевскій, — но предъупреждаю тебе, что я не имѣю воли жизнь мою дешево продати...

— Нѣтъ, не буду съ тобою битись, — отвѣтилъ холодно Курнацкій...

— Чтожь, намѣряешь ли въ жмурки со мною играти?..

— Если тебѣ хочется, то имѣешь одинъ набой въ люфѣ, можешь выцѣлити къ мнѣ...

Тутъ надбѣгли прочіи два товарищи Курнацкаго.

— Убій мене! — продолжалъ Курнацкій, —

убійство отца, которому ты дочь обезчестилъ и смертію ея послѣднюю радость ему украдь, не много заважить на вѣсахъ, обремененныхъ твоими незаконіями... Но знай напередъ, что по мнѣ принужденъ будешь обчислиться еще вотъ съ тѣми двома... То — Яцко Бреянь, который имѣетъ смерть Ивана Сметаны и лишеніе ума своей нареченной отомстити; сей — Матвѣй Чирнянскій, хочеть тебе за обиду своей супруги къ отвѣчательности потягнути...

Хижевского самоувѣренность отступила, — онъ видѣлъ трехъ мстителей передъ собою...

— Васъ трехъ за много на мене одного, — примѣтилъ онъ малодушно. Если имѣете крошку чести, то не лишите мене жизни простымъ разбойничимъ нападомъ, а будете сражаться со мною поодиначки...

— Мы желаемъ твоей смерти, то правда, но не въ тотъ способъ; мы ніякъ съ тобою сражаться не будемъ! Если бы мы съ тобою встрѣтились были на Ганчовскихъ поляхъ, тогда попробовали бы мы наши силы и нашу ловкость, — и мы искренно того желали, чтобы тамъ въ честной борьбѣ тебе положити... Теперь же никто изъ насъ не дастъ тебѣ олово вкусити, ибо мы вознамѣрили тебе живого получить... Мы вознамѣрили тебе передъ судомъ обжаловати, — передъ судомъ — не продажнымъ, а составленнымъ изъ совѣстныхъ людей... На засудъ того суда мы напередъ пристанемъ! Смерть отъ кули была бы для такого подлеца, якъ ты, честью, но я хотѣлъ бы конечно видѣти тебе на висѣлицѣ... Такъ я тебѣ пророковалъ, — пригадуешь ли себѣ? — тогда, когда намъ не удалось безвинного Сметану изъ твоихъ когтей

избавити, — а я бы не хотѣлъ лже-пророкомъ статься...

Хижевскій понялъ теперь дѣло... Онъ понялъ, что Курнацкій не довольствовался самою смертью, но онъ хотѣлъ еще позорной смерти: онъ хотѣлъ его память предати неславѣ, предати проклятію отъ рода въ родъ! Но гдѣ совѣсть спала, тамъ возворушилась шляхетская гордость... Хижевскій допускалъ, что ему не избѣгнути смерти, но ніякъ не хотѣлъ допустить соромной смерти на висѣлицѣ...

— Ничего съ того, стрычекъ не для шляхтича! — крикнулъ онъ отчаянно, — прежде чѣмъ то сбудется —

— Чтожь?.. — спросилъ Курнацкій.

— Слѣдуетъ бѣганье въ запуски, — добавилъ конфедератъ, схватившись къ бѣгству...

— А ставка — стрычекъ! — согласился Курнацкій и побѣгъ въ слѣдъ за нимъ...

Опять началась погоня, — опять охота на жизнь человѣка...

Зналъ ли Хижевскій, якую дорогу онъ теперь перебѣжалъ?.. Нѣтъ... Онъ зналъ лишь то, что ему необходимо было бѣжати передъ мезтью, которая къ ногамъ его почти прилѣпилась... И ему станули передъ очима поочередно Сметана и Феся, и Оля, и Курнацкого дочь, и что-то говорило ему, что онъ несправедливо дѣлалъ, — и отъ того тайного внутренняго голоса заболѣло его...

Онъ пригадалъ себѣ дальше, что на побоевищѣ, на Ганчовскихъ поляхъ, видѣлъ трупъ Якуба Германа, — помощника и соучастника своихъ беззаконій... Онъ пригадалъ себѣ, что видѣ тотъ ужасно его тронулъ, —

что его послѣдними судорогами искривленные черты лица не свидѣтельствовали о томъ, что ангель смерти мирно его къ сну уколывалъ, а скорше, будто бы, дѣволъ свою триумфальную насмѣшку на его лицѣ отпечатлѣлъ...

Почемужь за тѣмъ воспоминаніемъ обняла Хижевского боязнь передъ смертію?..

Уже спустился до Избѣ, минулъ нѣсколько хатъ и — ратуйте! скричалъ. Но никто не слышалъ того вопля. Въ селѣ было тихо, мовь бы люди вымерли...

Гадка, повидимому, счастливая, прояснила его лице.

— До церкви вбѣгну... Они почтять святое мѣстце, — къ о. Щавинскому вбѣгну, — къ ногамъ ему паду, — онъ спасетъ мене, — противники почтять голосъ старика! — И съ тѣмъ намѣреніемъ бѣжалъ горѣ селомъ...

Совѣсть вертѣла ему въ грудяхъ, точила сердце, труила душу... Что-то въ родѣ покаянія чувствовалъ онъ въ себѣ и надѣялся жити...

Покаяніе надошло за поздно, — надежда спасенія обманула...

Яцко Бреянь избралъ себѣ коротшую стежку и, вслѣдствіе того, заступилъ ему ниже церкви дорогу!.. Инстинктъ самосохраненія принудилъ Хижевского, обратитись на-лѣво, за воду... Онъ слышалъ стукъ шаговъ гонителей своихъ, слышалъ ихъ тяжкій отдыхъ, — онъ остатокъ силъ своихъ добылъ, подвоилъ свой бѣгъ и стануль на — шибеничномъ верху!..

Якая-то мара, мовь изъ земли выросшая, пала ему въ объятія...

— И вотъ разъ прибыва'шь, любый!.. Якъ я долго

ждала на слюбъ!.. Дивно, што одинъ вѣнецъ на моей головѣ совянувъ, а я его свѣжимъ смѣнила... Вѣщавъ тѣхъ не почисливъ бы, — а я всегда ждала!..

То была Феся..

— Где Иванъ Сметана висѣвъ, тамъ и ты будешь висѣти,— крикнулъ приближающийся Яцко Бреанъ..

— Не буду! — крикнулъ нечеловѣчьимъ голосомъ конфедератъ. Одною рукою оттолкнулъ съумашедшую дѣвчину, а другою приложилъ пистолеть къ своему челу..

Грохоть роздался, — Хижевскій повалился безъ жизни... Кровь его обагрила мѣстце, гдѣ шибеничный столбъ былъ вкопанный..

Дѣвчина дико засмѣялась, — а вблизи сполошенный воронъ закричалъ. — Таковую похоронную пѣсню имѣлъ конфедератъ Владиславъ Хижевскій..

— Мы тутъ уже излишніи, наказаль себе, — сказалъ Курнацкій.

— Благодать Божая его отступила, безъ покаянія умеръ, — примѣтилъ Матвѣй Чирнянскій..

— Простѣтъ ему, най легче станеть предъ строгимъ Судією.

— Аминь!

— Феся, чи не познаешь мене? — отозвался жалостно Яцко и простеръ руки къ несчастной дѣвчинѣ... Она холоднымъ взоромъ обкинула его..

— То я, Яцко!

Звукъ того голоса потрясъ цѣлымъ ея существомъ. Дивилась пристально и съ замѣтнымъ удивленіемъ то на него, то на тѣло самоубійцы, то по себѣ, потомъ протерла очи, якъ бы изъ просонья, востхнула и,

скрывши лице въ долони, бѣжала въ направленіи къ селу...

— Что ей случилось? — изумились всѣ три.

Такъ окончился драматъ, давшій поводъ къ названію »шибеничного верха«. Но знаемъ, что ненасытный читатель не доволенъ тѣмъ, что народное преданіе намъ записало, не доволенъ тѣмъ окончаніемъ, хочеть еще узнать, что съ прочими дѣйствующими лицами стало, — и предовсѣмъ повторяетъ вопросъ:

— Что стало Фесѣ?

Старая Ева, мати Яцка, не знати который разъ нынѣ молилась о благоденствіе для своего сына и о то, чтобы могла его еще передъ смертію увидѣти... Знала она, ибо ее Андрѣй о томъ увѣдомилъ, что сынъ ея здоровъ, но когда его увидить, того не знала, да и не конче желала его пришествія въ виду опасности, якая ему отъ конфедератовъ грозила...

— Смерть надходить, — може »гнеть« уму и не поблагословлю моей дитины... Боже, май милосердые надъ матчиными слезами...

Двери голосно отчинились, — вѣгла задышана Феся...

— Мамо! Яцко тутъ!..

— Где? дѣвусь?! Повтори »ищи« разъ тоту вѣсть, — ты не зна'шь якъ то марное слѣвце по моему сердцу гласкае...

Но тщетны были дальшіи вопросы Евы. Феся, казалъ бы ты, лишь на столько имѣла силы, чтобы тою вѣстію старую мать потѣшити, ибо заразъ по-

томъ память ея опустила. Однако узнала Ева вскорѣ, что на сей разъ бѣдная дѣвчина правду сказала, ибо нѣсколько минутъ спустя — была она уже въ объятіяхъ своего любимого одинака... Курнацкій былъ сочувствующимъ свидѣтелемъ того свиданія. Бѣдный, — его не ожидало дома ніякое пріязное сердце...

— И Феся тутъ? — спросилъ Яцко голосомъ, въ которомъ радость и жаль пробивались...

— Что ей стало? — спросилъ Курнацкій...

Старая Ева не умѣла объяснить, что съ дѣвчиною стало... Феся лежала безсилна и безпамятна на одрѣ, лишь горячковый румянецъ промчался часто по ея исхудаломъ лицѣ...

Надошелъ и Андрѣй Ванько.

— Сыну, — сказалъ онъ къ Яцку, когда несчастной дѣвчинѣ внимательно приглянулся, — иди въ церковь, помолитись предъ чудотворною иконою Божьей Матери... Она тебе потѣшитъ, а мнѣ дастъ помощь... Може выздоровѣетъ твоя нареченная...

— Хотя бы и выздоровѣла, — вмѣшался Курнацкій, — якая будетъ изъ ней радость для Яцка, когда она умъ потеряла?..

— У Бога »вшитко« легко, — отвѣтилъ съ вѣрою Андрѣй...

Яцко билъ поклоны передъ чудотворною иконою, когда о. Іоаннъ съ его намѣреніемъ соединялъ свой ежедневно отправляемый молебенъ о призваніи покровительства непостыдной Заступницы... Андрѣй Ванько варилъ различное зелье...

Минули двѣ седмицы того безнадѣйнаго состоянія въ недузѣ Феси. Одною часа она раскрыла глаза, —

но не тѣ стеклянныи безжизненныи глаза, а озаренныи свѣтломъ ума...

— Где я?.. — спросила она съ изумленіемъ...

— У добрыхъ людей, — отвѣтила Ева...

— А няня мѣй где?..

Никто не изобрѣлъ на-передъ отвѣта на тотъ запросъ, ибо никто того вопроса не надѣялся. Феся и не ожидала его; взоръ ея палъ на Яцка. Стыдливая краска покрыла ея лице...

Здоровье ея вертало медленно, но неимовѣрно, а таки правда, со здоровьемъ вертало постепенно самопознаніе и разсудительность. Послѣднее приключеніе, якое себѣ затирила, было похищеніе ея конфедератами. Прочіи долги дни она, будто бы, только переснила, и нынѣ отъ неприятнаго сна пробудилась...

Покровъ Богоматери оказался непогрѣшимымъ, прото никого не удивило, если одного дня Яцко и Феся смирились лицемъ на земли передъ чудотворною иконою... Къ молитвѣ ихъ благодарственной присоединился Андрѣй Ванько, и старая Ева. — Феся жертвовала серебряное сердце въ доказательство своей благодарности, а Яцко далъ вылити звонъ, который хвалу Всевышняго людямъ голосилъ...

На прошеніе, остался Курнацкій до свадьбы Яцка и Феси, гдѣ старостиль вмѣстѣ съ Андрѣемъ Ванькомъ.

— Богъ засмутилъ, Богъ потѣшилъ, — сказалъ онъ, проводя хорошенькую невѣсту къ вѣнчанію...

Необходимо намъ еще заглянути на приходство въ Избахъ, и то того самого дня, въ которомъ Хижевскій такъ трагически скончался.

О. Щавинскій отчитывалъ молитвы на исходъ души... Онъ не могъ не предвидѣти, что въ сраженіи между конфедератами а Русскими много христіанскихъ душъ улетитъ въ другую жизнь... Обѣ женщины сидѣли бездѣльно, — якая то грусть овладѣла ними... Оля плакала, тетка Юанна дивилась въ одну точку стели...

— Не журись, Оля; плачемъ ничего не поможешь себѣ, — потѣшалъ ее старикъ по окончаніи своего благочестивого занятія. — Матвѣй не дитина, чтобы затратился...

— Въ томъ и нужда, что онъ дозрѣлый мужъ, а не дитина, — отвѣтила съ плачемъ Оля. — Онъ терпеливый до времени, но если кто нѣжной жилки его чести прикоснется, тогда онъ вспыльчивый, якъ сѣрка... Если онъ съ Хижевскимъ гдѣ встрѣтился, или, якъ люди толкують, съ Русскими противъ конфедератовъ связался, тогда... не дай Боже, — я лишусь вдовою, а та дитина сиротою...

— Такими гадками только себе безпотребно мучишь; наилучшого надѣйся, — добавила тетка Юанна...

— О, еслибъ Матвѣй здоровъ вернулъ! — сказала Оля...

— По чему нѣтъ? Я здоровъ, — роздался за ними знакомый голосъ Матвѣя, который при входѣ подслушалъ послѣднее желаніе Оли... И тотчасъ любящая чета обнялась крѣпко, будтобы боялась, чтобы ихъ опять не розлучили...

— Най васъ Богъ имѣть всегда въ своей милости! — благословилъ ихъ старикъ. — Любѣтся взаимно и безъ остановки, то и терпѣнія вынесете. Впрочемъ — терпѣнь, спасенъ. А теперь, Матвѣю, исповѣдайся, куда ты странствовалъ?

— Помагалъ конфедератамъ утѣкати, — отвѣтилъ той же съ веселымъ усмѣхомъ. — Оля погрозила ему пальцемъ.

— И ты посмѣлъ подвергаться опасностямъ? — сказала она, — не помнулъ ты прежде на меня? Не жаль ли тебѣ было той дитины?

— Про тебя я то сдѣлалъ, голубко, для твоего мира Хижевскій уже...

— Что такое?.. — спросили вѣ, когда Матвѣй нечаянно урвалъ.

— Вашего Петра я бачилъ, тетко Іоанно, — сказалъ онъ, отклоняясь отъ прямого отвѣта на послѣдній вопросъ...

— Разговаривалъ ли съ нимъ?.. Придетъ ли скоро?..

— Только-что поздоровили мы себе взаимно; больше не возможно было бесѣдовать, ибо — дуже горячо тогда было...

— Ахъ! если бы вернулъ, — я бы ему все отъ сердца простила...

Матвѣй былъ того мнѣнія, что Петръ вернетъ; Оля ничего не примѣтила. Если-бы была изъяснила, что мужъ Іоанны твердо рѣшилъ не вертати домой, а идти на покаянiе, тѣмъ бы глубокую рану въ душѣ тетки задала...

Вернулъ ли Петръ?..

Слѣдующаго дня Іоанна, истощенная на силахъ и утомленная на душѣ, удалилась въ уединенное мѣсто въ огородъ на отпочинокъ. Тишина вокругъ, холодъ въ тѣни и пѣніе птицъ, — все то сложилось, чтобы ее къ сну уколосати... Но едва сдремалась, сорвалась отъ испуга... Никого не увидѣла вблизи себе, а однако чувствовала продолжительный поцѣлуй на своей руцѣ... Замѣтила одну каплю горячей слезы... Кто то сдѣлалъ?.. Она не дозналася... Только отцу Іоанну доложили селяне, что ровно о томъ часѣ выбѣгъ изъ сада якій-то мужчина и, крѣчась въ тѣни оплотовъ, бѣжалъ въ отвертое поле. Тотъ таинственный человекъ имѣлъ быти похожимъ на Петра Святковскаго... Если такъ, то поцѣлуй его былъ прашаніемъ съ женою, — слеза лишенная — моленіемъ о прощеніе... Не долго дождала Іоанна поворота мужа... Въ годъ позднѣйше уложили въ гробъ ея сломленное сердце... По нѣсколькихъ лѣтахъ доперва обѣгала въ Избахъ поголоска, занесенная туда странствующими купцами, что въ Лавровскомъ монастырѣ умеръ вратарь, нѣкій братъ Пахомій, отличавшійся изъ всѣхъ чернцовъ строгостью жизни и сочувствіемъ къ бѣднымъ... По свидѣтельству тамошняго игумена. монахъ тотъ назывался въ мірской жизни — Петръ Святковскій...

О. Іоаннъ Шавинскій наслаждался еще долги лѣта невозмущеннымъ счастьемъ Матвѣя и Оль. Онъ заснулъ спокойно на 85 году жизни.

А Андрѣй Ванько? А Курнацкій?..

Андрѣй Ванько дожилъ такожъ глубокой старости при своемъ сестрѣнцѣ. Ничего не мѣшало его спокоя, развѣ когда принужденъ былъ отъ Яцка вы-

слушати выговоръ за то, что ему дѣти избаловаль. Если кто напастоваль его прошеніемъ о ворожбѣ, такого гостя, отбросивши всѣ правила вѣжливости, гониль безцеремонно костуромъ.

О Курнацкомъ не возможно ничего положительнаго узнати. Лишивши подарки нововѣнчаннымъ, Яцку и Фесѣ, попрощался съ ними со слезами въ очахъ... О дальней судьбѣ его двойныи ходять толки. Одни кажутъ, что онъ осѣль при Дубецкомъ, который, за австрійскаго правительства, сталъ на своей батьковщинѣ зажиточнымъ господаремъ, — другіи утверждаютъ, что Курнацкій, въ дорозѣ изъ Избъ на родину, попался случайно на конфедератовъ изъ отдѣла Міончинскаго и въ схватцѣ съ ними получилъ смертельную рану въ грудь. Міончинскій, будто бы, призналъ его русскимъ шпіономъ и засудилъ на смерть, но передъ исполненіемъ того засуда Курнацкій скончался, — лишь тѣло его имѣло быти на пострахъ селянъ повѣшено. Понеже читаемъ въ запискахъ, что, вслѣдствіе приговора Міончинскаго, маршалка конфедерации белзской, 2-го ноября 1770 года повѣшенъ въ Избахъ шляхтичъ Антоній Курнацкій, когда-то гражданинъ любачевскій, то послѣдній толкъ былъ бы больше вѣры достойнымъ, если бы возможно было тожсамость личности доказати. На тотъ случай помножилъ бы и онъ число жертвъ, павшихъ въ той междуусобицѣ за свое праведное убѣжденіе...

Судьба барской конфедерации извѣстна изъ исторіи. Якъ ни большая часть маршалковъ конфедератскихъ сопротивлялась королю не съ убѣжденія, а получения ради выгодъ: одинъ только Бѣржинскій умѣлъ выго-

дами воспользоваться. Онъ перекинулся на сторону короля. Вправдѣ — стянулъ со стороны конфедератовъ на себе «инфамію», но за то получилъ пожизненно доходы изъ села Злота, принадлежащего къ засекуэстрованнымъ Русскими помѣстьямъ краковскаго бискупа.

По поражѣ Пулавскаго подъ Избами, господствованіе конфедератовъ въ Лемковщинѣ на всегда сломилось. Еще зимовали Пулавскій и Мюнчинскій изъ года 1770 на 1771 въ Избахъ, но, поучены опытомъ, оставили русскихъ селянъ въ полномъ покоѣ. Съ весною 1771 г. — выступилъ Пулавскій противъ Русскихъ къ городку Пильзну и больше не вернулъ. На изгнаніи въ Америцѣ, кажется, позабылъ на общанное учрежденіе фонда въ пользу избянской церкви.

Отъ выхода Пулавскаго — уже Избы не видѣли конфедератовъ. Годъ потомъ — Австрія заняла Галичину подъ свое владѣніе.

Народъ отдохнулъ подъ новымъ правительствомъ.

Икона Покрова пресвятой Дѣвы въ Избахъ перестала лить слезы...

КОНЕЦЪ II. и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

